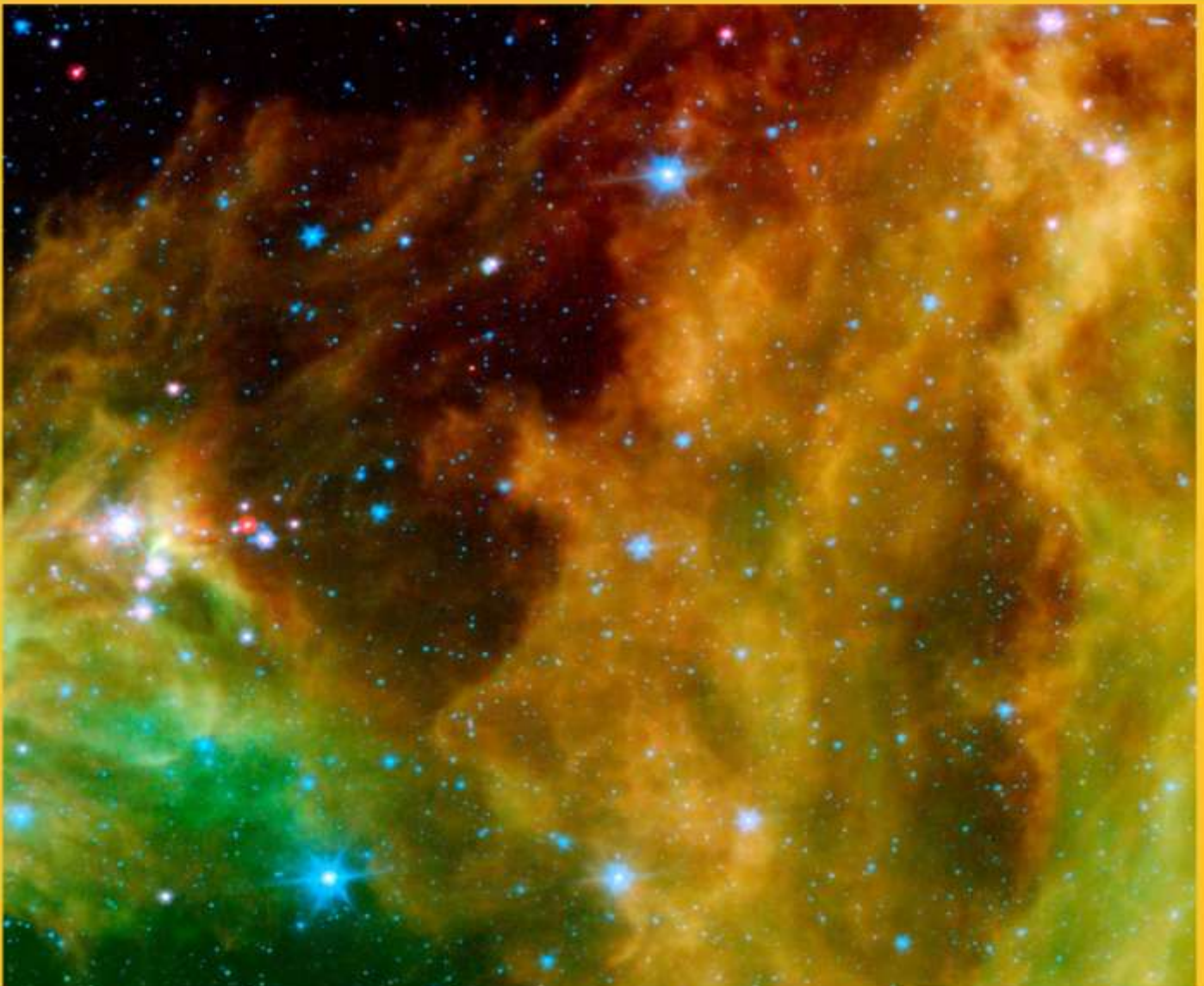


MAY 2026 | ISSUE #5(1.1)

**INTERNATIONAL JOURNAL
OF PROFESSIONAL
SCIENCE**

.....

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL



SCIPRO.RU

ISSN 2542-1085

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

UDC 001
LBC 72

International Journal Of Professional Science: international scientific journal, Nizhny Novgorod, Russia: Scientific public organization “Professional science”, №5(1.1) - 2026. 167 p.

ISSN 2542-1085

International journal of Professional Science is the research and practice edition which includes the scientific articles of students, graduate students, postdoctoral students, doctoral candidates, research scientists of Russia, the countries of FSU, Europe and beyond, reflecting the processes and the changes occurring in the structure of present knowledge.

It is destined for teachers, graduate students, students and people who are interested in contemporary science.

All articles included in the collection have been peer-reviewed and published in the form in which they were presented by the authors. The authors are responsible for the content of their articles.

The information about the published articles is provided into the system of the Russian science citation index – RSCI under contract № 2819-10/2015K from 14.10.2015

The electronic version is freely available on the website <http://scipro.ru/ijps.html>

UDC 001

LBC 72



Editorial team

Chief Editor – Krasnova Natalya, PhD, assistant professor of accounting and auditing the Nizhny Novgorod State University of Architecture and Construction. (mail@nkrasnova.ru)

Zhanar Zhanpeisova — Kazakhstan, PhD

Khalmatova Barno Turdyhodzhaeva — Uzbekistan, MD, Professor, Head of the Tashkent Medical Academy

Tursunov Dilmurat Abdullazhanovich — Kyrgyzstan, PhD, Osh State University

Ekaterina Petkova, Ph.D Medical University — Plovdiv

Stoyan Papanov PhD, Department of Pharmacognosy and pharmaceutical chemistry, Faculty of Pharmacy, Medical University — Plovdiv

Materials printed from the originals filed with the organizing committee responsible for the accuracy of the information are the authors of articles

Editors N.A. Krasnova, 2026

Article writers, 2026

Scientific public organization
“Professional science”, 2026

Table of contents

INTRODUCTION	5
ECONOMICS AND MANAGEMENT	6
Burdin A.P. Concentration and competitive structure of the Russian truck transportation market: current state and trends.....	6
Evdokimov D.V. Personnel shortages and motivational deformation as factors of institutional dysfunctions in the management of internal affairs agencies.....	13
Krylov A. Task Tracker as a Company's Operating System: A New Generation of Management Tools.....	26
Makhova N.B., Kontsova K.E., Gerasimova V.S. Formation of risk-oriented thinking in economists: probability theory and the concept of the "black swan" at the initial stage of training	37
Matrosov A.A., Kokh I.A. Digital maturity of secondary vocational education organizations as a category of change management.....	48
Mikhalev A.D. Open banking systems as an institutional mechanism for reducing transaction costs of interregional interaction	55
Popov Y.A. Stress management as a tool for preventing emotional burnout among employees in modern organizations	63
JURISPRUDENCE AND LAW	74
Boeva G. A. Local government authorities as subjects of labor relations	74
Dzholchibekova N.D. The role of the United Nations in the field of human rights protection.....	84
Gadzhieva A.G. Punishment of Minors - Retribution or Correction?	91
Kondratova A.A. Features of various categories of cases considered according to the rules of the code of administrative proceedings of the Russian Federation.....	98
Konoplyov N. The presumption of innocence: genesis of development	104
Kuular L.Sh. Protection of citizens' right to privacy of personal data in the context of global digitalization	108
Madyarova D. The Impact of woman lawyers on world history	115
Nikogosyan N.N., Kurchenko M.Y. Ways to increase the effectiveness of the search and the evidentiary value of its results	121
Odintsova E.A., Molchanova V.R., Sbitneva E.A. The institute of nationalization in modern Russia: doctrinal contradictions, legal mechanisms and development prospects (2014–2026)	128
Pashkova T.N. Anatoly Fedorovich Koni as an outstanding lawyer, ethicist and inspiring speaker of his time.....	138
Shakhurova E.S. Damage to reputation or slander spread by a neural network (deepfakes).....	148
Taranets V.D. Mikhail Mikhailovich Speransky as an outstanding layer	161
CONCLUSION	166

INTRODUCTION

The new issue of the International Journal of Professional Science, No. 5(1.1), presents a comprehensive study of current issues in economics, management, and law. Amid global digitalization and institutional transformation, the issue's academic contributors seek a balance between technological progress and the preservation of fundamental legal and ethical reforms.

The economics section covers a wide range of topics: from analyzing the competitive environment in the freight market and developing high-tech management tools (Task Trackers) to deeply understanding risk within the "black swan" concept. Particular attention is paid to human capital: overcoming personnel shortages in government agencies, stress management, and increasing the digital maturity of educational institutions.

The legal section of the issue offers readers both a retrospective look at the legacy of eminent legal scholars A.F. Koni and M.M. Spransky, as well as an analysis of future challenges. Researchers examine legal conflicts related to the spread of deepfakes, the recording of financial data, and the evolution of the institution of nationalization in Russia. The presented works combine a deep theoretical foundation with practical proposals for improving legislation and law enforcement practices.

These materials are intended for executives, lawyers, economists, and experienced professionals seeking to understand the development vectors of the modern professional environment.

With best wishes and warm regards,
Editor-in-Chief
International Journal of Professional Science
Krasnova N.A.

ECONOMICS AND MANAGEMENT

UDC 33

Burdin A.P. Concentration and competitive structure of the Russian truck transportation market: current state and trends

Концентрация и конкурентная структура российского рынка грузовых автоперевозок:
современное состояние и тенденции

Burdin Artyom Pavlovich,

Postgraduate student, Moscow University named after A.S. Griboyedov, Moscow.

Бурдин Артём Павлович,

Аспирант, Московский университет имени А.С. Грибоедова, г. Москва.

Abstract. *The truck transportation market occupies a special place in the Russian economy, as it provides connectivity of production and trade chains, serves domestic trade, and is one of the largest employers in the service sector. At the same time, the structural characteristics of this market: the degree of concentration, the ratio of large and small players, the intensity of competition, remain largely insufficiently studied in relation to the current period, which is characterized by unprecedented cost pressures on carriers. The main results of the study show that the market retains a moderately low level of concentration with the dominance of small and medium-sized businesses, but due to the deterioration of financial conditions in 2024–2025, consolidation processes are accelerating. The author concludes that the current competitive structure carries risks of crowding out small carriers and forming an oligopolistic core.*

Keywords: *truck transportation, market concentration, Herfindahl–Hirschmann index, competitive structure, transport market, consolidation, small business in transport, tariff policy.*

Аннотация. Рынок грузовых автоперевозок занимает особое место в экономике России, так как он обеспечивает связность производственных и торговых цепочек, обслуживает внутреннюю торговлю и является одним из крупнейших работодателей в секторе услуг. Вместе с тем структурные характеристики этого рынка: степень концентрации, соотношение крупных и мелких игроков, интенсивность конкуренции, остаются в значительной мере недостаточно изученными применительно к текущему периоду, отличающемуся беспрецедентным давлением издержек на перевозчиков. Основные результаты исследования показывают, что рынок сохраняет умеренно низкий уровень концентрации при доминировании малого и среднего бизнеса, однако под влиянием ухудшения финансовых условий в 2024–2025 годах наблюдается ускорение консолидационных процессов. Автором сделан вывод о том, что сложившаяся конкурентная структура несёт риски вытеснения мелких перевозчиков и формирования олигополистического ядра.

Ключевые слова: *грузовые автоперевозки, рыночная концентрация, индекс Херфиндаля–Хиршмана, конкурентная структура, транспортный рынок, консолидация, малый бизнес в транспорте, тарифная политика.*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Введение

Актуальность исследования определяется рядом обстоятельств. Прежде всего, необходимо отметить, в 2024–2025 годах отрасль пережила один из наиболее острых кризисов рентабельности за последнее десятилетие. Это связано с тем, что

себестоимость перевозок выросла не менее чем на 15–30%, тогда как средневзвешенные тарифы, по оценкам НАПИ и ГК «Делко», снизились на 13–15%. Кроме того, произошло ужесточение условий лизинга и рост утилизационного сбора на грузовую технику, которые существенно повысили барьеры входа на рынок, что неизбежно сказывается на его конкурентной структуре. Также произошла переориентация грузопотоков с западного на восточное и южное направления, в связи с геополитическими изменениями, что перекроило региональную логистику и создало новые зоны концентрации перевозочной активности. [1]

Цель исследования – оценить уровень концентрации и охарактеризовать конкурентную структуру российского рынка грузовых автоперевозок на основе актуальных данных за 2020–2025 годы, а также выявить основные тенденции её трансформации.

Научная новизна исследования состоит в том, что автором впервые проводится комплексная оценка конкурентной структуры российского рынка грузовых автоперевозок с учётом данных 2024–2025 годов, включая период острого кризиса рентабельности, а также предпринята попытка разграничить долгосрочные структурные тенденции и краткосрочные конъюнктурные эффекты консолидации.

Теоретическая значимость исследования заключается в приращении знаний о закономерностях формирования конкурентных структур на высококонкурентных фрагментированных рынках услуг в условиях системного давления на маржинальность. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных автором результатов при разработке антимонопольной политики, мер поддержки малого бизнеса в транспортной отрасли, а также при стратегическом планировании деятельности транспортных компаний.

Материалы и методы исследования

Информационную базу исследования составляют данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) о грузообороте и числе хозяйствующих субъектов в сфере деятельности по ОКВЭД 49.4 («Деятельность автомобильного грузового транспорта и услуги по перевозкам») за 2020–2025 годы. Также при написании статьи, автором использовались сведения Федеральной налоговой службы о финансовых результатах участников рынка, аналитические материалы исследовательских компаний BusinesStat, INFOline, Strategy Partners, НАПИ. Кроме того, были исследованы данные отраслевых платформ ATI.SU и «Монополия». Помимо этого, в работе использованы публикации в рецензируемых изданиях, включённых в базы РИНЦ и ВАК.

Методологическую основу работы составляет структурный подход к анализу отраслевых рынков, предполагающий изучение рыночной структуры через количественные показатели концентрации.

Результаты и обсуждение

Российский рынок грузовых автоперевозок демонстрировал уверенный рост на протяжении 2021–2023 годов, однако, в 2024–2025 годах, вошёл в фазу структурной турбулентности. Объём рынка в денежном выражении увеличился с 1,45 трлн рублей в 2021 году до 2,52 трлн рублей в 2024 году, что на первый взгляд свидетельствует о росте. Вместе с тем этот рост носил во многом инфляционный характер. Так, физические объёмы перевезённых грузов автотранспортом по итогам 2025 года составили 6 864,5 млн тонн (прирост лишь на 1,3% к уровню 2024 года), что указывает на фактическую стагнацию в натуральном выражении. [2]

Таблица 1.

Динамика основных показателей российского рынка грузовых автоперевозок, 2020–2025 гг.

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Объём перевозок, млрд т	5,7	6,1	6,3	6,5	6,8	6,9
Объём рынка, трлн руб.	1,21	1,45	1,72	2,05	2,52	2,78*
Число компаний (юр. лица), тыс.	178,2	184,6	190,1	203,9	209,5	207,3*
Число ИП, тыс.	462,3	474,1	481,7	490,2	515,7	509,4*
Доля коммерч. перевозок, %	29	31	33	35	37	38*

Примечательно, что число участников рынка в 2024 году достигло максимума – 209,5 тыс. юридических лиц и 515,7 тыс. ИП. Однако уже в начале 2025 года, наметилась тенденция к сокращению. По оценкам НАПИ, в 2026 году, рынок могут покинуть от 10 до 15% компаний, что, разумеется, является весьма тревожным сигналом для отрасли.

Характерной чертой российского рынка грузовых автоперевозок является его исключительная фрагментированность. Подавляющее большинство участников – это малые предприятия и индивидуальные предприниматели с парком от 1 до 5 единиц техники. По различным оценкам, около 50% российского парка грузовых автомобилей принадлежит физическим лицам, что существенно затрудняет точный статистический учёт реальной рыночной концентрации. [3]

Таблица 2.

Крупнейшие игроки рынка грузовых автоперевозок России и их оценочные доли,
2024 г.

Компания	Оценочная выручка от перевозок, млрд руб.	Оценочная доля рынка, %	Парк, ед.
ГК «Деловые Линии»	87,4	3,47	более 7 000
ГК «Монополия»	54,2	2,15	более 4 500
ГК «Delko»	38,6	1,53	более 3 200
ГК «Globaltruck»	29,1	1,15	более 2 100
ГК «ПЭК»	26,8	1,06	более 2 800
Прочие крупные (6–20)	180,0	7,14	-
МСП и ИП	2 104,0	83,5	-
Итого	2 520,1	100,0	-

Как следует из таблицы 2, совокупная доля 5 крупнейших перевозчиков не превышает 9,4% рынка, а доля топ-3 составляет порядка 7,1%. Это, безусловно, свидетельствует о крайне низком уровне концентрации по меркам мировой практики. Для сравнения: на рынках грузовых автоперевозок Германии и США доля 5 крупнейших операторов превышает 25–30%. [4]

Расчёт индекса Херфиндаля–Хиршмана. Расчёт НИИ по данным о рыночных долях 20 крупнейших компаний с последующей корректировкой на долю малого бизнеса даёт следующие результаты.

Таблица 3.

Расчёт индекса Херфиндаля–Хиршмана для рынка грузовых автоперевозок России,
2022–2024 гг.

Год	CR3, %	CR5, %	CR10, %	НИИ (расч.)	Тип структуры рынка
2022	6,4	8,8	13,2	187	Высококонкурентный
2023	6,8	9,2	14,1	203	Высококонкурентный
2024	7,1	9,4	14,8	231	Высококонкурентный

В контексте таблицы 3, отметим, что рынок считается высококонкурентным при НИИ < 1000, умеренно концентрированным при НИИ 1000–1800, высококонцентрированным при НИИ > 1800 (методология ФАС России). Полученные значения НИИ в диапазоне 187–231 недвусмысленно указывают на то, что российский

рынок грузовых автоперевозок относится к категории высококонкурентных с точки зрения структурных характеристик. Вместе с тем важно понимать, что низкий НИИ в данном случае отражает не столько эффективную конкуренцию, сколько атомизированность рынка, при которой тысячи мелких перевозчиков конкурируют преимущественно по цене, не имея возможности инвестировать в качество услуг и технологическое обновление. Это отличие является принципиальным, от, например, рынка IT-услуг, где низкая концентрация может сопровождаться инновационной конкуренцией. [5]

Анализ показывает, что в 2024–2025 годах действовал целый ряд факторов, ускоряющих процессы консолидации. Прежде всего, это резкое ухудшение финансовых условий. По данным Forbes и НАПИ, в 2024 году издержки перевозчиков выросли примерно на 30%, тогда как тарифы снизились на 13%. Средняя ставка по индексу ATI.SU FTL в 2024 году упала на 8%, а в марте 2025 года достигла минимума — 63,7 рубля за километр, что на 10% ниже уровня марта 2024 года. В настоящее время, по оценке «АвтоГрузЭкс», не менее 20% игроков рынка оказались на грани или в процессе банкротства. Другим существенным фактором стал рост стоимости техники и ужесточение условий её приобретения. По итогам первых 2025 года, продажи тяжёлых грузовиков сократились на 41% по сравнению с 2024 годом. Это означает, что малые перевозчики, не имеющие доступа к долгосрочному финансированию, лишаются возможности обновлять парк и вынуждены либо уходить с рынка, либо сливаться с более крупными структурами. [6]

Таблица 4.

Факторы, влияющие на конкурентную структуру рынка грузовых автоперевозок России в 2024–2025 гг.

Фактор	Направление влияния	Сила воздействия (1–5)	Эффект на концентрацию
Рост себестоимости перевозок (+30%)	Давление на малых игроков	5	Повышение
Снижение тарифов (-13% в 2024 г.)	Сжатие маржи у всех	5	Повышение
Рост лизинговых ставок	Барьер обновления парка	4	Повышение
Дефицит водителей	Рост ФОТ, давление на МСП	4	Повышение
Цифровизация (платформы, TMS)	Преимущество крупных	3	Повышение
Рост числа ИП (до 2024 г.)	Атомизация рынка	3	Снижение
Переориентация грузопотоков	Новые ниши для средних	2	Нейтральное

Совершенно очевидно, что совокупность перечисленных факторов, создаёт устойчивое давление в сторону повышения концентрации. Тем не менее, пока этот процесс разворачивается медленно, в том числе потому, что крупные компании сами испытывают трудности с рентабельностью и не всегда готовы поглощать убыточные активы. Кроме того, перегруженность железных дорог и переориентация грузопотоков, создают определённый буфер спроса для автотранспортников, без которого уход с рынка мелких игроков был бы ещё более стремительным. [7]

Конкурентная структура рынка существенно варьируется в зависимости от региона. В крупных логистических хабах Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, присутствуют все категории игроков, включая крупные федеральные компании, что формирует относительно более высокий уровень концентрации на локальном уровне. В то же время в регионах с растущей электронной торговлей: Омске (рост числа заказов на 30%), Челябинске и Перми (по 29%), наблюдается активный рост числа малых перевозчиков, обслуживающих логистику маркетплейсов, что, напротив, снижает локальную концентрацию.

Выводы

Проведённое в рамках настоящей статьи исследование, позволяет сформулировать следующие выводы. Российский рынок грузовых автоперевозок по состоянию на 2024–2026 годы, сохраняет статус высококонкурентного, с точки зрения структурных показателей: расчётный ННІ не превышает 231 пункта. Доля 5 крупнейших участников составляет около 9,4%. Вместе с тем наблюдается устойчивая тенденция к росту концентрации, обусловленная прежде всего кризисом рентабельности 2024–2025 годов, когда опережающий рост издержек на фоне падения тарифов поставил под угрозу существование значительной части малых перевозчиков. По оценкам в 2026 году, рынок могут покинуть 10–15% компаний перевозчиков, но, может быть и более 15%.

Отметим так же, что фрагментированность рынка грузоперевозов, являясь его структурной особенностью, одновременно выступает источником системной уязвимости. Так, атомизированные мелкие перевозчики, не имеют возможности инвестировать в обновление парка, цифровые технологии и повышение квалификации персонала, что снижает общую конкурентоспособность отрасли. Для обеспечения здоровой конкурентной среды, необходимы государственные меры поддержки малого транспортного бизнеса, в частности, субсидирование лизинга грузовой техники, льготное налогообложение для перевозчиков с парком до 10 единиц, а также антимонопольный мониторинг ценообразования на платформах-агрегаторах.

References

1. Экономический анализ рынка грузовых автоперевозок в Российской Федерации / Р. М. у. Мустафаев, А. А. Майгур, И. Н. Козлов, Е. Е. Собенина // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17, № 6. – С. 1-10.
2. Караева, А. В. Формирование стратегии развития бизнеса, работающего на рынке грузовых перевозок / А. В. Караева // Гуманитарный научный журнал. – 2026. – № 1-1. – С. 217-222.
3. Шкурина, Л. В. Перспективы формирования конкурентных преимуществ транспортных компаний на рынке грузовых перевозок / Л. В. Шкурина, И. А. Каменева // Транспортное дело России. – 2025. – № 7. – С. 83-86.
4. Власова, Н. В. Конкурентные преимущества на рынке грузовых перевозок на основе развития клиентоориентированных технологий и методов работы / Н. В. Власова // Наука и образование транспорту. – 2025. – № 1. – С. 115-119.
5. Богер, А. Д. Механизм стратегического управления жизненным циклом конкурентных преимуществ на рынке грузовых перевозок / А. Д. Богер // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 4, № 7(148). – С. 31-39.
6. Белова, Е. А. К вопросу о факторах, обуславливающих влияние на состояние рынка международных грузовых перевозок / Е. А. Белова, О. М. Дьячкова // Естественно-гуманитарные исследования. – 2025. – № 6(62). – С. 87-90.
7. Минаков, А. В. Развитие мирового рынка грузовых автомобильных перевозок и участие на нем России в современных условиях / А. В. Минаков, Н. Д. Эриашвили // Проблемы рыночной экономики. – 2025. – № 3. – С. 196-207.

UDC 316.354 : 351.74

Evdokimov D.V. Personnel shortages and motivational deformation as factors of institutional dysfunctions in the management of internal affairs agencies

Дефицит кадров и мотивационная деформация как факторы институциональных дисфункций в управлении органами внутренних дел

Evdokimov Dmitry Valerievich,

Graduate Student, Belgorod National Research University
Scientific adviser:

Solovjeva Natalia Evgenievna,

PhD in Economics, Associate Professor, Department of Social
Technologies and Public Administration, Belgorod State
National Research University

Евдокимов Дмитрий Валерьевич, магистрант,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Научный руководитель

Соловьева Наталья Евгеньевна, к.э.н., доцент кафедры
социальных технологий и государственной службы,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Abstract. Based on a synthesis of R. Merton's concept of bureaucratic dysfunction and F. Herzberg's two-factor theory of motivation, the existence of a single institutional syndrome is substantiated, in which personnel shortages and motivational deformation of law enforcement officers act as interdependent components. It is demonstrated that chronic personnel shortages lead to the hyperformalization of official activities, which, by emasculating the content of work and blocking the action of motivators, naturally gives rise to demotivation and subsequent attrition, exacerbating the initial shortage. It is established that the hierarchical structure of the agency perpetuates this cycle, placing the bulk of the workload on junior command personnel with a minimal amount of available preferences. It is demonstrated that overcoming the described institutional trap requires not so much an increase in resource provision as a revision of the mechanisms regulating the distribution of official workload, recognition of professional merit, and career opportunities.

Keywords: institutional dysfunction, personnel shortage, motivational deformation, internal affairs agencies, demotivation, hierarchical structure, bureaucratic regulation, staff turnover.

Аннотация. На основе синтеза концепции бюрократических дисфункций Р.К. Мертон и двухфакторной теории мотивации Ф. Херцберга обосновывается существование единого институционального синдрома, в котором дефицит кадров и мотивационная деформация сотрудников органов внутренних дел выступают взаимообусловленными компонентами. Продемонстрировано, что хронический некомплект личного состава ведёт к гиперформализации служебной деятельности, которая, выхолащивая содержание труда и блокируя действие мотиваторов, закономерно порождает демотивацию и последующий отток кадров, усугубляющий исходный дефицит. Установлено, что иерархическая структура ведомства закрепляет этот цикл, возлагая основную нагрузку на младший начальствующий состав при минимальном объёме доступных предпочтений. Доказано, что преодоление описанной институциональной ловушки требует не столько увеличения ресурсного обеспечения, сколько ревизии механизмов, регулирующих распределение служебной нагрузки, признание профессиональных заслуг и карьерные возможности.

Ключевые слова: институциональная дисфункция, дефицит кадров, мотивационная деформация, органы внутренних дел, демотивация, иерархическая структура, бюрократическая регламентация, текучесть кадров.

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

К началу 2026 года кадровый дефицит аттестованных должностей в органах внутренних дел Российской Федерации превысил двести двенадцать тысяч вакансий, а за предшествующее пятилетие ведомство покинули триста пятьдесят тысяч сотрудников [1]. Эти цифры, многократно озвученные на коллегиях Министерства внутренних дел, фиксируют положение, нетривиальное для социологии управления: система, наделённая монополией на легитимное принуждение и жёстко встроенная в вертикаль исполнительной власти, демонстрирует прогрессирующую неспособность удерживать собственный кадровый состав.

Природа этого парадокса, на наш взгляд, не может быть адекватно описана ни через апелляцию к внешним экономическим факторам, ни через ссылки на индивидуальные характеристики выбывающих индивидов. Он требует интерпретации в категориях институциональных дисфункций - устойчивых организационных патологий, при которых формальные установления систематически производят эффекты, противоположные заявленным целям.

Теоретическая рамка, позволяющая осуществить такую интерпретацию, обоснованы в работах Роберта Кинга Мертона, описавшего механизм «обучения неспособности»: неукоснительное следование формальным правилам в условиях иерархической организации со временем, замещает содержательные цели деятельности ритуальным воспроизводством регламентов, а способность к самостоятельным решениям вытесняется конформистской ориентацией на инструкции [5, с. 340].

В многоуровневой структуре органов внутренних дел, где регламентация традиционно выступает основным инструментом управленческого воздействия, этот механизм приобрёл характер самоподдерживающегося цикла: дефицит персонала увеличивает нагрузку на оставшихся сотрудников, что вынуждает их к формальному, ускоренному исполнению процедур; формализация, в свою очередь, выхолащивает содержание профессиональной деятельности, запуская мотивационный отток, который ещё более обостряет дефицит.

Понятие мотивационной деформации, вводимое в настоящей работе, опирается на двухфакторную теорию Фредерика Херцберга, разграничивающую гигиенические

факторы труда и, собственно, мотиваторы - признание, ответственность, возможности роста [9, с. 1]. Когда хронический некомплект приводит к тому, что патрульно-постовая служба лишается сорока процентов личного состава, а уголовный розыск - тридцати [1], гигиенические факторы деградируют до критических значений, тогда как мотиваторы утрачивают силу за отсутствием реальных перспектив их достижения. Возникающая в результате демотивация перестаёт быть индивидуальной психологической реакцией и превращается в системное свойство организационной среды.

Структурно-иерархическое измерение этого процесса раскрывается через универсальные законы социальной стратификации: количество социальных благ, доступных статусной позиции, обратно пропорционально объёму исполняемых обязанностей [5, с. 225]. Применительно к органам внутренних дел это означает, что наиболее острый кадровый голод и максимальная текучесть сосредоточены на низовых должностях - участковых уполномоченных, оперуполномоченных, сотрудников патрульно-постовой службы, - тогда как руководящие звенья, дистанцированные от оперативной повседневности, аккумулируют основной объём предпочтений. Иерархическая структура, призванная обеспечивать управляемость, воспроизводит социальное неравенство, которое при переходе количественного порога запускает центробежное движение кадров с нижних этажей системы.

Центральная гипотеза заключается в том, что дефицит кадров и мотивационная деформация в органах внутренних дел представляют собой не два самостоятельных явления, а взаимообусловленные компоненты единого институционального синдрома, эндогенная природа которого локализована в дисфункциональных эффектах бюрократической регламентации, сбоях кадрового планирования и деформациях мотивационной структуры, закреплённых действующей системой распределения статусных благ.

Остановимся более подробно на доктринальных подходах к рассмотрению природы институциональных дисфункций. Анализ бюрократических дисфункций Р.К. Мертонна важен для настоящего исследования не столько общей констатацией, что формальные правила могут давать сбои, сколько указанием на конкретный механизм, посредством которого это происходит. Автор фиксирует цепочку: жёсткая иерархия и регламентация, призванные обеспечить надёжность и предсказуемость, формируют у работников установку на: «формализм, ритуализм, стремление с настойчивостью, не вызывающей сомнений, к педантичному исполнению правил и к формализованным процедурам» [8, с.329].

Постепенно соблюдение правил из средства превращается в самоцель; содержательные задачи организации отходят на второй план, а способность к

самостоятельным решениям атрофируется. Возникает феномен, названный Р.К. Мертоном «обучением неспособности», - состояние, при котором организация, неустанно воспроизводя собственные процедуры, утрачивает адаптивность к изменяющимся условиям, включая кадровые [5, с. 340].

В органах внутренних дел этот механизм приобретает выраженную специфику, связанную с экстремальным разрывом между штатной численностью и реальной нагрузкой. Когда в подразделении, рассчитанном на сорок сотрудников, фактически работают шесть, а по отдельным службам некомплект превышает тридцать процентов, регламентированные процедуры перестают выполнять даже минимальную рационализирующую функцию. Сотрудник объективно не в состоянии качественно отработать каждое процессуальное действие; единственной доступной ему стратегией становится формализация - ускоренное, шаблонизированное прохождение обязательных этапов, при котором индикатором «выполненной работы» служит не содержательный результат, а правильно оформленный документ. Система отчётности, изначально предназначенная для контроля качества, в этих условиях начинает работать на самосохранение дисфункции: она фиксирует формальные показатели, создавая иллюзию управляемости, тогда как реальная эффективность правоохранительной деятельности снижается пропорционально дефициту личного состава.

Двухфакторная модель Ф.Херцберга, спроецированная на эту ситуацию, позволяет разглядеть мотивационную проекцию того же самого процесса. Автор разграничивал гигиенические факторы, неспособные мотивировать, но способные демотивировать при их дефиците, и, собственно, мотиваторы - содержание труда, признание, ответственность, карьерный рост [9, с. 1].

Критически важно, что эти две группы факторов не являются симметричными: неудовлетворённость гигиеническими условиями блокирует действие мотиваторов, тогда как удовлетворительная гигиена сама по себе не порождает вовлечённости. В условиях хронического кадрового голода гигиенические факторы деградируют ниже порогового уровня - нагрузка становится запредельной, режим службы - непредсказуемым, оплата - несоразмерной затрачиваемым усилиям. Тем самым мотиваторы утрачивают побудительную силу: индивид, истощённый неудовлетворительной гигиеной, невосприимчив к ним.

Эмпирические исследования профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел дают материал для операционализации этого тезиса. Обратимся к научному исследованию С.М. Струганова, А.В. Зверева, Д.А. Гаврилова, в котором установлено, что «выраженность профессиональной агрессии и поведенческого трансфера выше у сотрудников, занимающихся расследованием и

раскрытием преступлений, чем у сотрудников, выполняющих профилактическую функцию» [10, с. 87]. Авторы подчёркивают тот факт, что к третьему году «у сотрудника начинает преобладать авторитарный стиль поведения, снижается осмотренность в действиях, уменьшается способность к сопереживанию. Вследствие этого наблюдается тенденция к скрытой агрессии и возникает вопрос о дальнейшем прохождении службы в органах внутренних дел» [10, с. 91–92].

Показательно, что при пятнадцати и более годах выслуги процент фиксируемой деформации снижается - не потому, что проблема исчезает, а потому, что наиболее деформированные сотрудники покидают систему раньше этого срока, и выборка смещается в сторону тех, кто сумел адаптироваться [10, с. 92]. Иными словами, организационная среда действует как фильтр, отсеивающий не столько наименее пригодных, сколько наименее готовых мириться с хронической дисфункциональностью условий труда.

Существенно, что мотивационная деформация не ограничивается психологическим измерением, а проявляется в искажении самой профессиональной этики.

Как справедливо отмечают В.А. Сутормина и С.В. Украинский: «Уровень нравственности опускается до низкого, происходит процесс деградации правосознания, и вместо людей и человеческих взаимоотношений прагматик видит инструменты защиты и нападения, средства реализации собственных планов, механизмы взаимодействия с внешним миром. Атрофируется чувство профессионального долга, наблюдается рост эгоцентризма, следствием чего является формальный подход к работе с использованием профессиональной деятельности в качестве средства достижения эгоистических, меркантильных и корыстных целей» [11, с. 211].

В дополнении к представленным доводам Д.В. Ясинский, характеризуя этот процесс, подчёркивает, что «к психологическим факторам, способствующим развитию профессиональной деформации, относятся: низкий самоконтроль, отсутствие стремления к профессиональному развитию, неудовлетворенность работой, а также стресс и эмоциональное истощение. Все эти факторы могут привести к тому, что работник начнет воспринимать свою деятельность как монотонную и неинтересную, что, в свою очередь, может спровоцировать развитие профессиональной деформации» [15, с. 85].

Таким образом, синтез концептуальных линий Р.К. Мертон и Ф. Херцберга даёт аналитическую схему, фиксирующую не просто параллельное существование двух проблем, а их причинно-следственную связь. В этой связи, формальная регламентация

в сочетании с кадровым дефицитом порождает режим гиперформализации, который выхолащивает содержание профессиональной деятельности. Обеднённое содержание труда и деградировавшие гигиенические факторы блокируют действие мотиваторов, запуская механизм мотивационной деформации.

Последняя, снижая качество службы и стимулируя отток, углубляет кадровый дефицит, замыкая цикл. Устойчивость этого цикла обеспечивается не столько индивидуальными характеристиками сотрудников, сколько институциональным дизайном организации, в котором бюрократическая регламентация, иерархическое неравенство и дефицит ресурсов взаимно усиливают друг друга.

Переходя к рассмотрению институциональной природы дисфункции в управлении органами внутренних дел важно подчеркнуть, что иерархическая структура органов внутренних дел может выступать генератором мотивационного неравенства.

Обратимся к универсальным законам социальной иерархии, которые позволят нам сформулировать два фундаментальных принципа, релевантных для понимания внутренней динамики любой крупной организации.

Первый закон: «количество вакансий, расположенных внизу, всегда больше количества вакансий, расположенных наверху. Под вакансиями нужно понимать или рабочие места, или должности, или позиции в формальной структуре организации. Благодаря тому, что вакансий наверху меньше, а желание занять их присутствует у большинства, появляется возможность отбирать людей: возникает конкуренция. Принцип пирамиды в управлении предполагает отбор среди претендентов на свободные вакансии. Чем выше уровень иерархии, тем выше уровень вознаграждения, тем ближе дефицитные блага» [5, с. 225]. Из этого следует, что количество социальных благ, доступных тем, кто находится наверху иерархической пирамиды, всегда превышает количество благ, получаемых теми, кто расположен внизу.

Второй закон: «количество социальных благ, которые получают те, кто находится наверху, всегда больше количества социальных благ, получаемых теми, кто находится внизу» [5, с. 225]. Эти принципы, сформулированные применительно к макросоциальным структурам, оказываются эвристически продуктивными и при анализе организационной морфологии органов внутренних дел.

Наложение данных о некомплекте на должностную структуру ведомства обнаруживает картину, почти иллюстративно подтверждающую действие названных законов. Вернемся к упомянутой ранее статистике: по состоянию на начало 2026 года некомплект в патрульно-постовой службе достиг сорока процентов, в уголовном розыске - тридцати, в органах предварительного следствия - двадцати семи процентов. Практически полностью обновился состав участковых уполномоченных за шесть лет.

Только за минувший год уволился каждый второй опытный сотрудник с выслугой в этом подразделении от 10 лет и более [1]. Иными словами, именно те должностные позиции, которые непосредственно соприкасаются с оперативной повседневностью - патрулирование, раскрытие преступлений, работа с населением на административных участках, - демонстрируют максимальную степень кадрового истощения.

Одновременно именно эти позиции, составляющие фундамент пирамиды, аккумулируют максимальный объём служебной нагрузки. В режиме хронического некомплекта сотрудник патрульно-постовой службы или участковый уполномоченный выполняет объём работы, изначально рассчитанный на двух-трёх, а в ряде территориальных подразделений - и на большее число работников. При этом гигиенические факторы на этих должностях деградируют до значений, делающих невозможным даже минимальное восстановление ресурсов: ненормированный график, работа в экстремальных условиях, постоянный контакт с криминогенной средой - все те факторы, которые исследователи профессиональной деформации относят к числу ведущих детерминант [15, с. 85]. Верхние этажи иерархии, обладая несопоставимо большим объёмом административного ресурса, дистанцированы как от оперативной нагрузки, так и от прямого контакта с деформирующей средой.

Ещё более значимым, нежели неравенство в нагрузке, представляется неравенство в доступе к мотиваторам - признанию, ответственности, карьерным перспективам. Парадокс иерархической структуры органов внутренних дел в условиях кадрового коллапса состоит в том, что вакантность вышестоящих должностей, формально открывающая каналы вертикальной мобильности, на практике не работает как мотивирующий стимул. Причины этого двояки.

С одной стороны, истощение гигиенических факторов на низовых позициях достигает такого уровня, при котором индивид утрачивает саму способность к долгосрочному карьерному целеполаганию - его временной горизонт сжимается до задачи «дотянуть до конца смены».

С другой стороны, система кадрового планирования, ориентированная на замещение вакансий, а не на выращивание кадрового резерва, фактически блокирует содержательную сторону карьерного продвижения: назначение на вышестоящую должность в условиях тотального некомплекта всё чаще означает не вознаграждение заслуг и компетентности, а вынужденное латание очередной кадровой брешы, сопряжённое с ещё большей нагрузкой. Как справедливо отмечала И.И. Скачкова: «существующая кадровая политика в органах внутренних дел зачастую остаётся пассивной и реактивной, фокусируясь на формальных показателях набора, а не на качественных аспектах мотивации, вовлечённости и удержания персонала» [7, с. 256].

Шелепова, анализируя объекты профилактической работы в органах внутренних дел, подчёркивает, что таковыми «должны быть не только молодые, вновь прибывшие на службу сотрудники, но и другие, в том числе прослужившие в органах внутренних дел значительный срок, а также их командиры (руководители) [13, с. 55].

Следовательно, мотивационная деформация не ограничивается нижними этажами иерархии, она диффузно распространяется на всю вертикаль. Однако формы её проявления на разных уровнях различны. Если на низовых должностях она выражается преимущественно в эмоциональном истощении, цинизме и редукции профессиональных достижений, то на среднем и вышестоящем уровнях она приобретает форму того самого «обучения неспособности», о котором писал Р.К. Мертон [8, с.329]. В контексте настоящего исследования это находит отражение в том, что руководитель, вынужденный управлять хронически недоукомплектованным подразделением, закономерно смещает фокус с содержательного руководства на ритуальное поддержание отчётности, и это смещение, в свою очередь, закрепляет дисфункцию на всех подчинённых уровнях.

Следовательно, иерархическая структура органов внутренних дел в её нынешнем состоянии функционирует не как инструмент рационального распределения задач и поощрения заслуг, а как механизм, концентрирующий блага на верхних этажах и мультиплицирующий дефициты - на нижних.

Возникает структурная диспропорция, в которой максимальная нагрузка и минимальная ресурсная обеспеченность сосредоточены на одних и тех же позициях - тех самых, которые являются точкой входа в профессию и, следовательно, определяют первое, наиболее устойчивое впечатление индивида об институте.

Указанное впечатление, формируемое ежедневным опытом перегрузки, несоразмерности вознаграждения затрачиваемым усилиям и отсутствия обзримых карьерных перспектив, конвертируется в устойчивую мотивационную деформацию задолго до того, как у сотрудника появляется реальная возможность повлиять на условия собственной службы.

Теоретическая схема, развёрнутая в предшествующих разделах, предсказывает, что наблюдаемый в органах внутренних дел кадровый дефицит должен обладать определёнными эмпирическими характеристиками:

Во-первых, он должен демонстрировать не конъюнктурный, а структурный характер, то есть воспроизводиться во времени независимо от колебаний внешней конъюнктуры.

Во-вторых, он должен быть неравномерно распределён по организационной вертикали, концентрируясь на позициях с максимальной нагрузкой и минимальным доступом к мотивационным ресурсам.

В-третьих, соотношение входящего и исходящего кадровых потоков должно указывать на наличие самоподдерживающегося цикла, при котором отток не компенсируется притоком, и тенденция к депопуляции организации не демонстрирует признаков насыщения.

Обратимся к эмпирическому материалу, позволяющему верифицировать каждое из этих предсказаний. На практике это выражается в том, что динамика некомплекта за последние годы обнаруживает устойчивый повышательный тренд, не коррелирующий с краткосрочными экономическими или политическими факторами. Это свидетельствует о наличии структурного характера дефицита кадров.

Если в октябре 2023 года начальник финансово-экономического департамента МВД констатировала нехватку ста тысяч сотрудников [6], то к маю 2024 года этот показатель достиг ста пятидесяти двух тысяч, к ноябрю - ста семидесяти трёх тысяч восьмисот человек [3], а к февралю 2026 года перевалил за двести двенадцать тысяч вакансий [12]. За пять лет, с 2020 по 2025 год, ведомство покинули триста пятьдесят тысяч человек - фактически половина личного состава единовременно обновилась [4].

Как отметил министр внутренних дел, «отрицательная динамика проявляется не первый год» [12], а «резервы по повышению эффективности деятельности практически исчерпаны» [12]. Устойчивость этого тренда на протяжении как минимум пяти лет исключает возможность его интерпретации как временного затруднения или ситуативным ухудшением экономической конъюнктуры. Перед нами структурная характеристика системы, а не её конъюнктурное состояние.

Помимо этого, данные о некомплекте в разрезе отдельных служб, озвученные на коллегиях МВД, свидетельствуют о неравномерности распределения кадрового дефицита в должностной иерархии. Из этого прямо вытекает тот факт, что дефицит поражает должности, сопряжённые с максимальной оперативной нагрузкой и минимальным доступом к административному ресурсу.

Характерен и региональный срез. В сорока одном регионе некомплект превышает двадцать пять процентов личного состава; в девятнадцати подразделениях районного уровня отсутствует более половины сотрудников [12]. Даже в Москве, где сосредоточены основные административные и материальные ресурсы ведомства, некомплект достигает тридцати процентов от штатных должностей [3]. Эти цифры свидетельствуют, что дефицит не является проблемой отдельных «депрессивных» территорий, а воспроизводится и в регионах с относительно благоприятной социально-

экономической ситуацией, что дополнительно подтверждает его институциональную, а не внешнесредовую природу.

В конце концов, наиболее выразительным эмпирическим свидетельством в пользу гипотезы о едином институциональном синдроме является диспропорция входящего и исходящего потока кадров. В качестве примера, необходимо обратить внимание на то, что в 2025 году из органов внутренних дел уволилось восемьдесят тысяч сотрудников, тогда как принято было лишь тридцать две тысячи - почти на сорок процентов меньше [12].

Основным мотивом увольнения считается низкий уровень денежного довольствия, однако, как показывает оптика Фредерика Херцберга, апелляция увольняющихся к материальному фактору может быть поверхностным выражением более глубокого мотивационного неблагополучия: неудовлетворительная гигиена блокирует действие мотиваторов, и индивид, формулируя причину ухода в категориях «низкой зарплаты», фактически артикулирует суммарную неудовлетворённость всем комплексом условий службы.

Данные социологических замеров, проводившихся исследователями профессиональной деформации, дополняют макростатистику на микроуровне. Как уже отмечалось, около сорока процентов опрошенных сотрудников выражали готовность сменить работу, половина признавала, что могли бы отдавать службе больше усилий, а каждый пятый лишь ситуативно испытывал привязанность к профессии [2, с. 25]. Хотя эти замеры проводились до того, как некомплект достиг нынешних критических значений, они фиксируют мотивационный фон, на котором дальнейшее углубление кадрового голода было не случайным эксцессом, а закономерным продолжением накопленного организационного напряжения.

Таким образом, эмпирические данные указывают на существование самоподдерживающегося цикла, в котором дефицит кадров, формализация службы и мотивационная деформация взаимно усиливают друг друга, а организационная структура, призванная обеспечивать стабильность, воспроизводит условия, делающие эту стабильность недостижимой.

Сопоставление теоретической рамки с эмпирическими данными позволяет реконструировать самоподдерживающийся институциональный цикл. Хронический некомплект, достигающий по отдельным службам сорока процентов штатной численности, многократно увеличивает нагрузку на оставшихся сотрудников. В этих условиях регламентированные процедуры перестают выполнять рационализирующую функцию и превращаются в инструмент ритуального поддержания отчётности – по Р.К. Мертону «обучение неспособности» обретает здесь инструментальный смысл [8, с.329].

Формализация, в свою очередь, выхолащивает содержание профессиональной деятельности. Когда труд редуцируется до конвейерного воспроизводства типовых операций, мотиваторы - признание, ответственность, содержательная сложность задач - утрачивают побудительную силу. Одновременно гигиенические факторы деградируют до критических значений, создавая фон, на котором дальнейшее пребывание в организации воспринимается как вынужденное. В этой связи, исследователи фиксируют на этом этапе характерный симптомокомплекс: эмоциональное истощение, цинизм, редукцию профессиональных достижений, атрофию чувства профессионального долга [11, с. 210–211].

Мотивационная деформация конвертируется в кадровый отток, который углубляет некомплект, возвращая цикл к исходной точке на новом, более низком уровне укомплектованности. Каждый оборот цикла усиливает механизмы, запускающие следующий виток.

Иерархическая структура органов внутренних дел придаёт этому циклу дополнительное измерение. Законы социальной стратификации предсказывают, что блага концентрируются на верхних этажах, тогда как основная нагрузка ложится на нижние [5, с. 225]. В условиях кадрового коллапса это неравенство становится активным фактором оттока: именно низовые должности с максимальной нагрузкой и минимальными предпочтениями демонстрируют наивысшие показатели некомплекта.

Из предложенной модели следует, что распространённые рецепты - повышение денежного довольствия, расширение социальных гарантий - апеллируют к гигиеническим факторам. Однако устранение демотивирующего фона не равносильно появлению мотивирующих стимулов. Сотрудник, чья деятельность сведена к ритуальному воспроизводству отчётных показателей, не обретёт вовлечённости от прибавки к зарплате. Разрыв институционального цикла требует не столько наращивания ресурсов, сколько ревизии механизмов распределения нагрузки, признания и карьерных возможностей - то есть воздействия на те звенья, которые и обеспечивают самоподдержание дисфункции.

Таким образом, проведённый анализ позволяет утверждать, что дефицит кадров и мотивационная деформация в органах внутренних дел являются не параллельными проблемами, а двумя проекциями единого институционального синдрома. В основе этого синдрома лежит самоподдерживающийся цикл, в котором хронический некомплект порождает гиперформализацию служебной деятельности, формализация выхолащивает содержание труда и блокирует действие мотиваторов, демотивация конвертируется в кадровый отток, а отток, замыкая цикл, углубляет дефицит. Иерархическая структура ведомства придаёт этому циклу дополнительную

устойчивость, концентрируя блага на верхних этажах и мультиплицируя дефициты на нижних - тех самых, которые являются точкой входа в профессию.

Предложенная интерпретация обладает двумя следствиями, значимыми для управленческой практики. Во-первых, наращивание ресурсной базы - повышение денежного довольствия, расширение социальных гарантий - способно смягчить остроту гигиенических дефицитов, но не разрывает сам цикл, поскольку не затрагивает мотивационное ядро проблемы. Во-вторых, устойчивое преодоление кризиса требует ревизии институциональных механизмов, регулирующих распределение нагрузки, признания заслуг и карьерных возможностей, то есть воздействия не на симптомы, а на структурные условия, воспроизводящие дисфункцию.

В подтверждении указанных доводов Е.А. Щербина писала: «ключевыми факторами, препятствующими негативным личностным изменениям, выступают не только материальное стимулирование, но и создание реальной перспективы служебного роста, поддержание здорового морально-психологического климата, а также нормальная организация труда, исключая физическое и психологическое переутомление сотрудников» [14, с. 163].

Данные, обобщённые в настоящем исследовании, могли бы верифицировать предложенную модель на первичном уровне, сопоставить кадровую динамику ОВД с процессами в иных силовых ведомствах и выявить неформальные механизмы, позволяющие системе продолжать функционирование в условиях столь глубокого кадрового истощения.

References

1. Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // МВД Медиа URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-mvd-rossii-2026/> (дата обращения: 08.05.2026).
2. Емельянова М.В. Профессиональные деформации личности сотрудников МВД и их коррекция // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2014. – № 3. – С. 22–32.
3. Колокольцев заявил о нехватке в МВД 152 тыс. человек личного состава // Интерфакс URL: <https://www.interfax.ru/russia/994526> (дата обращения: 08.05.2026).
4. Колокольцев рассказал об огромной текучести кадров в МВД // ТАСС URL: <https://tass.ru/politika/20793067> (дата обращения: 08.05.2026).
5. Кравченко А.И., Тюрина И.О. Социология управления: фундаментальный курс. – 2-е изд., испр. и доп. – М., Академический Проект, 2005. – 1136 с.

6. МВД сообщило о нехватке 100 тыс. сотрудников, в основном строевых подразделений // Коммерсантъ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6267569?tg> (дата обращения: 08.05.2026).

7. Скачкова И.И., Антимонова О.Н., Камышанова Л.В. Кадровая политика в органах внутренних дел РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 2-3. – С. 255–258.

8. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон; [пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др.]. - М. : Хранитель, 2006. - 873 с.

9. Сошникова, А. И. Модель мотивации Ф. Герцберга как один из инструментов управления человеческой деятельностью в профессиональной сфере / А. И. Сошникова, А. А. Александров. // Гуманитарный вестник. - 2019. - № 1. - С. 1-11.

10. Струганов С.М., Зверева А.В., Гаврилов Д.А. Особенности формирования профессиональной деформации у сотрудников ОВД // Автономия личности. – 2023. – № 1 (29). – С. 87–97.

11. Сутормина В.А., Украинский С.В. К вопросу о профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 2 (32). – С. 208–211.

12. Число уволившихся из МВД в 2025 г. на 40% превысило количество поступивших на службу // Интерфакс URL: <https://www.interfax.ru/russia/1073623> (дата обращения: 08.05.2026).

13. Шелепова М.А. Актуальные вопросы профилактики профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел // Международный журнал психологии и педагогики служебной деятельности. – 2020. – № 2. – С. 53–57.

14. Щербинина Е.А. Основные направления преодоления и профилактики профессиональной деформации сотрудников правоохранительных органов // Международный журнал психологии и педагогики служебной деятельности. – 2020. – № 3. – С. 160–164.

15. Ясинский Д.В. К вопросу о психологических факторах деформации личности сотрудников правоохранительных органов // Публичное и частное право. – 2025. – № 3. – С. 81–90.

UDC 33

Krylov A. Task Tracker as a Company's Operating System: A New Generation of Management Tools

Krylov Alexander
Technical Director, Moscow

Abstract. *Conventional task tracking systems record work without governing it: they visualize commitments without enforcing capacity limits, display workflow without detecting overload, and assign tasks without accounting for cognitive fragmentation. This study examines the architectural conditions under which a task tracking platform can transition from passive recording tool to active organizational control system functioning, in operational terms, as a company's operating system. Using a design science research approach, three mutually coupled architectural layers are identified as necessary: commitment governance, delivery flow control, and cognitive capacity management. Analysis demonstrates that the effectiveness of each layer depends on inter-module signal integration; absent this integration, individual controls degrade under organizational pressure and produce no durable change in delivery behavior. The central finding is that durable workflow governance cannot be achieved through cultural discipline alone: it requires structural enforcement embedded in tooling, calibrated to empirical performance distributions, and adaptive to real-time system state.*

Keywords: *task tracker, knowledge work management, operating system paradigm, workflow control, cognitive load, work-in-progress limits, commitment governance, flow architecture, service level expectation*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Introduction

Most organizations that manage knowledge work have adopted task tracking tools. Few have thereby acquired a management system. The distinction matters. A task tracker in the conventional sense records what work exists, who holds it, and what status it carries. It does not limit how much work enters the system, enforce any constraint on concurrency, detect when the system is approaching overload, or protect the cognitive capacity of the people performing the work. It describes organizational reality without shaping it. Teams using modern tracking platforms, Jira, Asana, Notion, and their equivalents, routinely experience the same pathologies: more work committed than can be delivered, chronic multitasking, delivery dates that lack credibility, and practitioners who describe themselves as perpetually behind despite high activity levels. When demand intake is unconstrained and concurrency is unlimited, the system behaves exactly as queuing theory predicts: average cycle times grow non-linearly, variance increases, and delivery predictability collapses (Hopp & Spearman, 2018).

The argument developed in this article is that resolving these pathologies requires a different class of tool one whose defining characteristic is not richer visualization but

embedded control logic. The operating system analogy is analytically precise rather than merely evocative. A computer operating system performs four functions relevant to this discussion: it regulates resource allocation, schedules competing processes, detects and responds to overload conditions, and enforces limits that individual processes cannot override unilaterally. A task management system designed on these principles performs the organizational equivalents: it regulates work intake, schedules commitments against demonstrated capacity, detects workflow and cognitive overload, and enforces structural limits that hold even under stakeholder pressure (Yurkov, 2026a).

The operating system analogy has appeared in earlier discussions of work coordination, though typically at the level of general comparison. Yurkov's treatment develops the analogy at the level of mechanism. He specifies the components a task management system must contain in order to exhibit OS-class behavior: a commit budget, context tracking, overload detection, and defined mode transitions. This specification allows the analogy to be evaluated against implementation criteria and provides a basis for distinguishing systems that realize OS-class properties from those that adopt the terminology without the underlying architecture.

Methods

The study adopts a design science research (DSR) orientation, which treats knowledge production as inseparable from artifact construction and evaluation (Hevner et al., 2004). DSR is appropriate here because the central object of analysis, a next-generation task management architecture, cannot be fully characterized through observational or experimental methods alone. Its properties are specified through design rationale, and its evaluation proceeds analytically against theoretical criteria and empirical benchmarks. The methodology follows the six-stage DSR process outlined by Peffers et al. (2007): problem identification, objective specification, design and development, demonstration, evaluation, and communication.

The architectural evaluation applies three DSR criteria proposed by Hevner et al. (2004): utility (does the architecture address the identified problem?), rigor (are its mechanisms grounded in established theory?), and relevance (does it address real organizational conditions?). Additionally, each architectural module is evaluated against a fourth criterion of integrative coherence: whether the module produces qualitatively different system behavior when coupled with other modules than when operating in isolation. This criterion captures the central claim that OS-class behavior is emergent from integration rather than attributable to any single control mechanism.

The analysis focuses on team-based knowledge work with sufficient task volume to generate stable throughput distributions, typically teams of five or more producing discrete, completable work items. Continuous support activities, purely exploratory research, and solo practitioner contexts represent boundary conditions where the framework applies differently

and are noted as such in the Discussion. The study does not report primary empirical data; evaluation is analytical, with explicit specification of what empirical testing would be required to confirm or disconfirm the architectural claims.

Results

Conventional task trackers operate on a recording logic: a work item is created, assigned, moved through status columns, and marked complete. The system imposes no constraint on how many items may be simultaneously in progress, no gate at the point of commitment, and no protocol for when completion rates fall below intake rates. In stochastic systems with variable task durations, this relationship is non-linear: systems operating above 75–80% utilization exhibit cycle-time distributions with heavy positive tails, meaning that a minority of tasks experience delays far exceeding the median and that overall delivery predictability degrades sharply (Hopp & Spearman, 2018).

This dynamic plays out in practice as follows. A team using a conventional tracker starts work on requests as they arrive. At low load, this produces acceptable results. As demand grows, the team starts more items to appear responsive while fewer items complete, because attention is divided across a larger concurrency. The tracker faithfully records this state but issues no structural signal. The team sees many items in progress and concludes they are productive; stakeholders see few completions and conclude delivery is failing.

The cognitive dimension compounds this problem. Cognitive load research demonstrates that task switching imposes execution costs that increase with the complexity and dissimilarity of alternating tasks (Rubinstein et al., 2001). The cost is not merely the switching time itself: attention residue, the continued partial engagement of working memory with a prior task after nominal switching, degrades performance on subsequent tasks even when the worker believes full transition has occurred. Conventional trackers assign tasks without any representation of cognitive context, making the aggregate cognitive load of a team member computationally invisible to the system and managerially invisible to supervisors. An individual assigned to six tasks in six unrelated domains appears identical in the tracker to one assigned to six related sub-tasks of a single initiative, yet their effective throughput and error rates will differ substantially (Mark et al., 2008).

The first architectural layer of an OS-class system concerns the governance of work intake. The core distinction is between work that exists as a possibility and work to which the organization has made an active commitment of capacity. In conventional practice, this distinction is absent or nominal: items are committed informally, often through verbal agreement, stakeholder pressure, or the mere act of creation in the tracker.

Commitment architecture formalizes the transition from option to committed work item at a structurally enforced checkpoint. Upstream of this checkpoint, candidate work items may

be evaluated, refined, estimated, and sequenced without consuming execution capacity. The commitment gate activates when three conditions are jointly satisfied: available capacity exists within the system's commit budget, the current flow mode permits new starts, and the cognitive capacity of the prospective assignee is not exceeded by the new context (Yurkov, 2026b). If any condition fails, the gate withholds commitment until conditions change, not as a cultural norm requiring managerial discipline, but as a system-enforced rule.

The commit budget is the quantitative operationalization of this gate. It defines the maximum number of simultaneously active work items per individual or team and is not static. The budget adjusts dynamically: it expands when sustained throughput indicates available capacity, and it contracts when delivery conditions deteriorate or overload signals emerge from the flow control module. Organizations that have implemented quantitative commit controls consistently report reductions in cycle time variance and improvements in SLE adherence, with some documented cases showing throughput increases of 40% or more alongside lead time reductions of comparable magnitude, attributable to the reduction of context-switching overhead rather than increases in effort (Anderson, 2015).

Classes of service provide differentiation within the commitment architecture. Expedite items, genuine emergencies requiring immediate attention, are admitted under separate policies that bypass queue sequencing but are constrained in number to prevent systemic disruption. Fixed-date items are admitted only when the system's current throughput distribution indicates sufficient probability of on-time completion. Standard items flow through normal commitment gates. Yurkov (2026b) defines the admission ceiling for each class as a fixed policy parameter, which closes the negotiation surface through which class assignment is typically diluted in practice. This policy structure transforms intake from an informal negotiation, in which the loudest stakeholder often prevails, into a governed process with explicit decision criteria.

At the moment of commitment, the system generates a probabilistic service level expectation (SLE) for each admitted item: typically the 85th-percentile cycle time from the historical distribution for that class of work. This is not a promised delivery date. It is a confidence-interval forecast, a statement that, given current system conditions, 85% of comparable items have completed within the specified duration. This framing manages stakeholder expectations without requiring delivery certainty that knowledge work cannot provide, and it creates an observable criterion against which actual delivery can be measured and the commitment architecture calibrated over time (Yurkov, 2026a).

Once work has been committed, the delivery architecture governs its progression through execution to completion. The primary control mechanism is work-in-progress limitation: a structural constraint on the number of items permitted simultaneously in any

workflow stage or across the system as a whole. WIP limits do not accelerate individual task completion; their effect operates at the system level by reducing coordination overhead, directing attention toward finishing existing work before initiating new work, and making bottlenecks visible (Anderson, 2015).

The effectiveness of WIP limits is well established empirically. Large-scale studies of software delivery organizations consistently associate WIP control with improved deployment frequency, shorter lead times, and reduced change failure rates (Forsgren et al., 2018; DORA, 2024). These improvements are not attributable to increased individual effort but to reduced context-switching costs and more effective queue management. However, WIP limits in isolation, without enforcement mechanisms and overload protocols, are routinely bypassed under pressure. Teams acknowledge the limit, cite urgency, and override it. The constraint becomes advisory rather than structural, and the behavioral dynamics it was intended to regulate reassert themselves (Carroll et al., 2023).

A complete delivery architecture therefore requires explicit operational flow modes: Normal, Overload, and Recovery. In Normal mode, work proceeds within WIP limits, items complete within SLE ranges, and throughput is stable. Overload mode is triggered by observable threshold conditions: WIP exceeding limits by a defined margin, items aging beyond their SLE percentile, throughput declining below rolling averages, or cognitive thrash signals from the cognitive module. Upon entering Overload mode, the system activates mandatory protocols, halting new starts regardless of nominal budget, surfacing diagnostic signals identifying the sources of congestion, and reducing the commit budget to zero until stability conditions are restored. Recovery mode maintains constrained intake while the system returns to baseline, preventing the oscillation between overload and premature resumption that characterizes systems lacking a stabilized intermediate state (Yurkov, 2026a).

The third architectural layer addresses the dimension that operational management frameworks have most consistently neglected: the cognitive capacity of knowledge workers as a first-class system resource. The evidence is unambiguous. Switching between cognitively dissimilar tasks incurs execution costs that rise with task complexity and are not fully recovered even after return to a prior task (Rubinstein et al., 2001). Interruptions alter work pace in ways that increase stress without reliably maintaining quality (Mark et al., 2008). Teams that systematically manage cognitive load demonstrate productivity improvements in the range of 20–30% and meaningful reductions in error rates and delivery delays compared to equivalent teams without explicit cognitive load management (Stajkovic & Stajkovic, 2025; Skelton & Pais, 2024).

Conventional task trackers record task assignment without any representation of cognitive context. The distinction between an individual working on six closely related sub-

tasks of a single initiative and an individual working on six tasks spanning six unrelated domains is computationally absent. Both situations register identically as "six assigned tasks." The system cannot detect, and management cannot observe, the difference in cognitive fragmentation, until it manifests as missed deadlines or quality failure.

A cognitive architecture addresses this through context identity tracking. Each work item carries a ContextID representing the cognitive domain it occupies, a project area, client account, or thematic initiative requiring distinct mental models and reference knowledge. The system tracks the number of distinct active ContextIDs per individual against a configurable cognitive capacity limit (Ccap), typically set between one and three for knowledge workers based on empirical research on multitasking costs. When an individual's active context count exceeds their Ccap, the system registers a thrash condition: a state of cognitive overload in which the overhead of context maintenance is estimated to be degrading throughput across all concurrent tasks (Yurkov, 2026a).

The structural response to a detected thrash condition is a stop-start rule enforced by the system rather than left to individual initiative or managerial observation. New task assignments that would push an individual into thrash are blocked or flagged for explicit review. The system may suggest deferring lower-priority items to reduce active context count, reassigning work to team members with available cognitive capacity, or entering a single-context focus mode in which the individual completes tasks within one context before transitioning to another. This RUN mode, named for its analogy to single-threaded process execution, is particularly enforced during Recovery, when the system explicitly channels individual attention toward context completion rather than context accumulation (Yurkov, 2026b).

Cognitive architecture also influences commitment decisions. Before admitting new work, the commitment gate queries the cognitive module: would this assignment, given its ContextID and the current context load of the prospective assignee, trigger a thrash condition? If so, commitment is withheld irrespective of whether time-based WIP limits have been reached. This pre-commitment screening prevents cognitive overload from accumulating incrementally through individually reasonable assignment decisions that are collectively unsustainable, the precise mechanism through which most organizations experience cognitive fragmentation without any single identifiable decision having caused it.

The three architectural layers described above each address a real and well-evidenced dimension of knowledge work management failure. Their individual contributions, however, are insufficient to produce OS-class behavior. That behavior is emergent from integration: the closed-loop signal architecture through which the modules exchange state information in real time and adapt each other's policies accordingly.

The signal topology operates as follows. When the commitment module accepts a new work item, it emits signals to both the delivery module (updating WIP counts) and the cognitive module (registering a new context-person association). The delivery module continuously monitors throughput, item aging, and WIP levels, emitting overload signals to the commitment module when conditions deteriorate, effectively setting the commit budget to zero until recovery conditions are met. The cognitive module detects thrash conditions and propagates them to both the commitment gate (blocking new assignments for affected individuals) and the flow control module (treating individual thrash as a contribution to system-level overload) (Yurkov, 2026a). The forecasting engine monitors each active item against its SLE, emitting early-warning signals when items trend toward breach and feeding that information back to the commitment module to preemptively tighten intake.

This event-driven architecture means that no single module operates in isolation. A decision to start a new task is not merely a UI action; it triggers a cascade of state queries across all three modules, each contributing a veto or constraint condition. An overload in the delivery layer automatically tightens commitment behavior. A cognitive thrash event in one team member affects the system's assessment of available capacity. A deteriorating SLE forecast for one item reduces the effective budget for new starts in the same priority class. The system behaves as a unified control environment, not as a collection of co-located features.

Table 1.

Functional Comparison of Conventional Task Trackers and OS-Class Task Management Systems

Functional dimension	Conventional task tracker	OS-class task management system
Work intake	Unrestricted, demand-driven	Gate-controlled by commit budget and flow state
WIP enforcement	Advisory or absent	Structurally enforced with override detection
Overload response	None; relies on managerial observation	Automated mode transition with mandatory protocols
Cognitive load	Invisible; not represented	Tracked via ContextID; thrash detection active
Delivery forecasting	Fixed deadlines or none	Probabilistic SLE, dynamically updated
Module integration	Independent features	Closed-loop signal architecture
Failure mode	Silent accumulation	Early and visible triggering of defined protocols

Discussion

Agile methods and Kanban have contributed genuine improvements to knowledge work management by introducing iterative cadences, backlog discipline, and WIP visualization. The OS-class architecture does not supersede these contributions; it addresses the layer they leave unspecified. Scrum provides commitment discipline through sprint planning but couples

this to fixed timeboxes that sacrifice adaptability and provides no item-level probabilistic forecasting. Kanban introduces WIP limits and flow visualization but offers no formal mechanism to prevent commitment overload beyond limits that teams frequently override under pressure (Carroll et al., 2023). Neither framework embeds cognitive load management as an architectural property; both assume it is managed through cultural practice. The empirical record of both methods shows that performance improvements are highly variable across implementations and tend to erode over time when organizational pressure is sustained, a pattern consistent with architectural explanation (Forsgren et al., 2018).

The DORA research program, arguably the most rigorous large-scale study of delivery performance, identifies capabilities associated with high performance, fast feedback, stable priorities, WIP control, continuous learning, but does not specify the architectural implementation that would make these capabilities durable (DORA, 2024). The OS-class framework can be understood as an architectural specification of the conditions under which DORA capabilities are sustainably maintained. Yurkov (2026a) maps each DORA capability to a specific control mechanism within the three-module architecture, identifying the structural component through which the capability is enforced in tooling.

Several limitations of the framework require acknowledgment. The DSR methodology produces an analytically evaluated artifact without primary empirical validation; the architectural claims, while theoretically grounded and consistent with existing evidence, have not been tested through controlled field studies. The central empirical hypothesis, that organizations implementing all three coupled modules achieve durable improvements in cycle time variance and SLE adherence that single-module implementations do not, requires longitudinal data from comparable organizations to confirm. The framework applies most cleanly to team-based knowledge work producing discrete, completable items at sufficient volume to generate stable throughput distributions. Very small teams, novel project types without historical analogues, and hybrid environments mixing continuous operational support with project delivery all require architectural adaptation that the present analysis does not fully specify. The ContextID categorization scheme, central to cognitive architecture, requires domain-specific calibration: overly fine-grained context definitions create administrative burden without cognitive benefit, while overly coarse definitions fail to capture genuine switching costs.

The bilateral commitment structure, which distributes accountability between delivery teams and the stakeholders who request work, requires a governance culture willing to accept mutual obligation. In organizations where accountability flows asymmetrically downward, the commitment gate may be experienced as obstruction rather than governance, and stakeholder

pressure may undermine system-enforced limits despite architectural design (Eisenhardt, 1989).

Finally, a note of caution is warranted regarding the operating-system metaphor itself. Computer operating systems manage deterministic processes whose resource requirements can be precisely quantified. Knowledge work involves human judgment, relational dynamics, and emergent complexity that no architectural specification can fully capture. The OS analogy is most useful as a design orientation, emphasizing structural enforcement, feedback-driven adaptation, and resource management, rather than as a claim that organizational work can be fully systematized (Trist & Bamforth, 1951). The cognitive architecture module in particular must remain role-sensitive and configurable; uniform application of context limits across heterogeneous roles and task types risks reducing autonomy without commensurate cognitive benefit.

The architecture proposed here implies specific, measurable outcomes that future research could test. Organizations operating with a complete three-module integrated system should exhibit: lower variance in cycle-time distributions (narrower percentile spreads) than those operating with partial implementations; higher SLE adherence rates (proportion of items completing within 85th-percentile estimate); lower WIP breach frequency; and reduced cognitive thrash indicators (average active contexts per person, task reopening rates, reassignment frequency). Longitudinal comparison across organizations at different architectural maturity levels, defined by the number and integration depth of active control modules, would provide the empirical foundation that this study, by design, does not supply.

Conclusion

The task tracker, as conventionally designed, does not constitute a management system. It constitutes a record. The distinction is not semantic: it determines whether the tool shapes organizational behavior or merely reports it. The central contribution of this study is the specification of the architectural conditions under which a task management platform crosses the threshold from recording tool to operational control system, functioning as a company's operating system in the sense that it allocates work capacity, enforces concurrency limits, detects and responds to overload, and protects cognitive resources as a first-class system variable.

Three architectural layers are necessary and, in combination, sufficient to produce this transition: commitment governance that regulates work intake through quantitative gates and probabilistic forecasting; delivery flow control that enforces WIP limits through mode-based protocols rather than cultural norms; and cognitive architecture that makes attention fragmentation visible and structurally constrained. The emergent property of integrating these layers through closed-loop signal logic is a system that fails early and visibly rather than silently

and late, a property that is architecturally desirable precisely because it forces organizational response before damage becomes systemic.

The practical implication is not that organizations should abandon existing frameworks. Agile and Kanban practices retain value where they address genuine coordination problems. The implication is that these frameworks, implemented without architectural enforcement, are insufficient to sustain the governance capabilities they prescribe. Embedding control logic in tooling, rather than relying on discipline, culture, and managerial judgment alone, is the condition under which knowledge work management becomes durable, observable, and improvable through systematic feedback rather than periodic re-commitment to practices that organizational pressure will again erode.

References

1. Anderson, D. J. (2015). *Kanban: Successful evolutionary change for your technology business* (2nd ed.). Blue Hole Press.
2. Carroll, N., Conboy, K., & Wang, X. (2023). From transformation to normalisation: An exploratory study of a large-scale agile transformation. *Journal of Information Technology*, 38(3). <https://doi.org/10.1177/02683962231164428>
3. Eisenhardt, K. M. (1989). Agency theory: An assessment and review. *Academy of Management Review*, 14(1), 57–74. <https://doi.org/10.2307/258191>
4. Forsgren, N., Humble, J., & Kim, G. (2018). *Accelerate: The science of lean software and DevOps*. IT Revolution.
5. Hevner, A. R., March, S. T., Park, J., & Ram, S. (2004). Design science in information systems research. *MIS Quarterly*, 28(1), 75–106. <https://doi.org/10.2307/25148625>
6. Hopp, W. J., & Spearman, M. L. (2018). *Factory physics* (4th ed.). Waveland Press.
7. Mark, G., Gudith, D., & Klocke, U. (2008). The cost of interrupted work: More speed and stress. In *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems* (pp. 107–110). ACM. <https://doi.org/10.1145/1357054.1357072>
8. Peffers, K., Tuunanen, T., Rothenberger, M. A., & Chatterjee, S. (2007). A design science research methodology for information systems research. *Journal of Management Information Systems*, 24(3), 45–77. <https://doi.org/10.2753/MIS0742-1222240302>
9. Rubinstein, J. S., Meyer, D. E., & Evans, J. E. (2001). Executive control of cognitive processes in task switching. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 27(4), 763–797. <https://doi.org/10.1037/0096-1523.27.4.763>

10. Skelton, M., & Pais, M. (2024). The power of managing cognitive load: Team topologies approach to organizational effectiveness. Team Topologies Newsletter, July 2024.
11. Stajkovic, K. S., & Stajkovic, A. D. (2025). Improving human sustainability at work by focusing on cognitive load of task performance. Journal of Management, 51(3), 892–934. <https://doi.org/10.1177/01492063251334560>
12. Trist, E. L., & Bamforth, K. W. (1951). Some social and psychological consequences of the longwall method of coal-getting. Human Relations, 4(1), 3–38. <https://doi.org/10.1177/001872675100400101>
13. Yurkov, Y. (2026a). Analytical Models Of Task Tracking Systems: A Comprehensive Framework For Workflow Optimization And Performance Analysis. In Proceedings of the XXXIII International Scientific and Practical Conference.
14. Yurkov, Y. (2026b). Patterns and antipatterns of knowledge flow management systems. Lambert Academic Publishing.

UDC 519.2

Makhova N.B., Kontsova K.E., Gerasimova V.S. Formation of risk-oriented thinking in economists: probability theory and the concept of the "black swan" at the initial stage of training

Формирование риск-ориентированного мышления у экономистов: теория вероятности и концепция «чёрного лебедя» на начальном этапе обучения

Makhova Natalia Borisovna,

Associate Professor of the Department of Higher Mathematics,
Russian University of Transport, Moscow

Kontsova Ksenia Evgenievna,

student, Russian University of Transport, Moscow

Gerasimova Vlada Sergeevna,

student, Russian University of Transport, Moscow

Махова Наталья Борисовна,

доцент кафедры «Высшая математика, Российский университет транспорта, г. Москва

Концова Ксения Евгеньевна,

студент, Российский университет транспорта, г. Москва

Герасимова Влада Сергеевна,

студент, Российский университет транспорта, г. Москва

***Abstract.** This article discusses the formation of risk-oriented thinking among economics students. The approach is based on the analysis of probability theory and the concept of the "black swan" by N. N. Taleb. It establishes a meaningful connection between the basic school course of probability theory and the subsequent study of disciplines at the university related to the analysis of uncertainty and risk management in the economy. The article considers the application of the laws of probability theory to the concept of the "black swan," which refers to rare but devastating events. Students sequentially move from the basic concepts of probability theory to the analysis of risks and forecasting errors. Using the considered tasks, the necessity of developing risk-oriented thinking in students starting from the first year is substantiated.*

***Keywords:** probability theory, risk-oriented thinking, "Black Swan", forecasting, mathematical expectation, unconditional probability.*

***Аннотация.** В данной статье рассмотрены вопросы формирования риск-ориентированного мышления у студентов-экономистов. В основе подхода лежит анализ теории вероятностей и концепция «чёрного лебедя» Н. Н. Талеба. Устанавливается содержательная связь между базовым школьным курсом изучения теории вероятностей и последующим изучением дисциплин в университете, связанных с анализом неопределённости и управлением рисками в экономике. Рассмотрены задачи по применению законов теории вероятностей применительно к концепции «Чёрного лебедя», то есть редким, но разрушительным по своим последствиям событиям. Студенты последовательно переходят от базовых понятий теории вероятностей к анализу рисков и ошибок прогнозирования. С помощью рассмотренных задач обосновывается необходимость развития риск-ориентированного мышления у студентов начиная с первого курса.*

***Ключевые слова:** теория вероятности, риск-ориентированное мышление, «Чёрный лебедь», прогнозирование, математическое ожидание, безусловная вероятность дефолта.*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Современная экономическая среда отличается высокой нестабильностью и подвержена резким изменениям, вызванным внешними шоками. В этих условиях профессиональная компетентность экономиста определяется не только знанием базовых теорий, но и умением принимать решения в ситуациях неопределённости. Ключевым элементом такой подготовки становится формирование риск-ориентированного мышления - способности оценивать вероятности различных сценариев, включая маловероятные, но потенциально катастрофические события.

Именно здесь особое значение приобретает теория вероятностей как фундаментальный инструмент анализа рисков. Её изучение на начальных этапах обучения позволяет будущим экономистам выйти за рамки детерминированных моделей и научиться мыслить вероятностно. Особую роль в этом процессе играет осмысление концепции «чёрного лебедя», введённой Нассимом Талебом для описания редких, непредсказуемых событий с колоссальным воздействием на экономику и общество. Финансовые кризисы, пандемии, геополитические потрясения - все они являются примерами таких явлений, которые традиционные модели часто игнорируют из-за их низкой вероятности, но игнорирование которых может привести к катастрофическим последствиям.

В данной статье рассматривается вопрос интеграции элементов теории вероятностей и критического анализа концепции «чёрного лебедя» в образовательный процесс подготовки студентов-экономистов с первых курсов, с целью формирования у них устойчивого мышления, ориентированного на риск, и способности адекватно реагировать на вызовы нестабильного мира.

Для того чтобы понять, как именно у студентов экономических направлений формируется мышление, ориентированное на анализ и управление рисками, необходимо обратиться к базовым теоретическим концепциям, которые составляют его основу. Анализ этих концепций позволяет проследить, каким образом математические методы, философия принятия решений в ситуации неполной информации и современные вызовы системы высшего образования связываются в единую модель подготовки специалистов.

Под риск-ориентированным мышлением в современной науке понимается особый способ восприятия и обработки информации, при котором специалист сознательно стремится заранее выявлять возможные угрозы, оценивать их вероятность и потенциальный ущерб, а также находить способы управления такими ситуациями. В экономической деятельности это качество проявляется как умение принимать взвешенные решения в тех случаях, когда будущее нельзя предсказать с полной определённостью, но можно оценить шансы наступления тех или иных событий и их

последствия.

Если говорить о подготовке будущих экономистов, то риск-ориентированное мышление складывается из трёх основных элементов:



Рисунок 1. Элементы риск-ориентированного мышления

Именно сочетание этих трёх компонентов превращает абстрактное понятие «мышление» в прикладной навык. Студент, освоивший такой подход, перестаёт воспринимать учебные задачи как упражнения с единственно верным ответом. Вместо этого он учится задавать дополнительные вопросы: «Какие допущения заложены в эту модель?», «Как изменится результат, если исходные данные окажутся неполными?», «К каким последствиям приведёт решение, принятое в условиях неопределённости?». Такой способ работы помогает будущим специалистам ещё на этапе обучения формировать ответственность за возможные последствия своих профессиональных действий - задолго до того, как они столкнутся с реальными экономическими рисками на практике.

Теория вероятностей служит фундаментом количественного анализа неопределённости в экономике: она позволяет оценивать риски, прогнозировать поведение рынков и обосновывать управленческие решения при недостатке информации. Особенно это важно для анализа колебаний цен на финансовых рынках, прогнозирования спроса и предложения при внешних шоках, а также для оценки кредитных, инвестиционных и операционных рисков.

Таблица 1

Базовые показатели теории вероятности для экономистов

Показатель	Описание	Формула
Вероятность события	Это числовая характеристика возможности наступления события. Принимает значения от 0 до 1	$P(A) = \frac{m}{n}$
Математическое ожидание	Среднее значение случайной величины, взвешенное по вероятностям её возможных значений. Показывает «центр тяжести» распределения.	Для ДСВ: $M(X) = \sum_{i=1}^n x_i \cdot p_i$ Для НСВ: $M(X) = \int_{-\infty}^{+\infty} x \cdot f(x) dx$
Дисперсия	Мера разброса значений случайной величины относительно её математического ожидания. Большая дисперсия означает, что значения сильно разбросаны, малая - что они сконцентрированы около среднего.	$D(X) = M(X - M(X))^2$
Стандартное отклонение	Квадратный корень из дисперсии. Имеет ту же размерность, что и исходная величина, поэтому удобнее для интерпретации.	$\sigma = \sqrt{D(X)}$
Полная вероятность	Метод вычисления вероятности события, которое может произойти несколькими способами	$P(B) = \sum_{i=1}^n P(B A_i) \cdot P(A_i)$
Условная вероятность	Вероятность наступления события А при условии, что событие В уже произошло.	$P(A B) = \frac{P(A \cap B)}{P(B)}$
Байесовский подход	Метод обновления вероятностей гипотез при получении новых данных. Основан на теореме Байеса.	$P(A_i B) = \frac{P(B A_i) \cdot P(A_i)}{\sum_{j=1}^n P(B A_j) \cdot P(A_j)}$
Безусловная вероятность дефолта	Вероятность того, что заёмщик не выполнит свои долговые обязательства в течение определённого периода	$PD = \frac{\text{число дефолтов}}{\text{общее число заёмщиков}}$
Коэффициент эксцесса	Характеризует остроту пика распределения относительно нормального распределения.	$\gamma_2 = \frac{\mu_4}{\sigma^4} - 3$
VaR	Максимальный потенциальный убыток за определённый период с заданным уровнем доверия.	$VaR_{\alpha}(X) = -\inf\{x \in R: P(X \leq x) > \alpha\}$
Показатель асимметрии	Мера асимметричности распределения случайной величины.	$\gamma_1 = \frac{\mu_3}{\sigma^3}$

Освоение инструментов, представленных в таблице, постепенно формирует у студентов аналитический склад ума, необходимый для работы в постоянно меняющейся экономической среде, и позволяет не только оценивать «нормальные» риски, но и качественно подходить к анализу «чёрных лебедей».

Традиционное понимание риска опирается на предположение, что будущее в чём-то похоже на прошлое, а экстремальные события случаются редко, и ими можно пренебречь. Однако реальная экономическая история показывает обратное: именно редкие, неожиданные события оказываются самыми разрушительными. Для описания таких явлений Нассим Талеб ввёл понятие «чёрного лебедя». Согласно его концепции, «чёрный лебедь» обладает тремя характерными чертами: он непредсказуем с точки зрения стандартных моделей, его последствия колоссальны, а после наступления событие задним числом начинает казаться очевидным.

Классические примеры «чёрных лебедей»: теракт 11 сентября 2001 года в США, который привел к изменениям системы международной безопасности, правилам авиаперевозок и отношения к геополитическим рискам; распад Советского Союза, создавший глубокий экономический спад в России, сопровождающийся резким падением производства, ростом инфляции и переходом от плановой к рыночной системе; финансовый кризис 2007-2008 годов, который охватил всю мировую финансовую систему и привёл к многолетней рецессии, а также пандемия COVID-19, которая парализовала глобальную экономику и заставила пересмотреть принципы организации бизнеса.

Для системы экономического образования отсюда вытекает важный вывод: студентов надо учить не игнорировать маловероятные события только потому, что они кажутся неправдоподобными, а учитывать их возможное влияние при стратегическом планировании.

Несмотря на то, что теоретическая база для формирования риск-ориентированного мышления существует, реальная практика экономического образования часто далека от идеала. Анализ учебных планов и программ показывает несколько устойчивых недостатков.

Таблица 2

Недостатки экономического образования

<i>Недостатки</i>		
<i>Чрезмерная ориентация на нормальное распределение и линейные модели</i>	<i>Недооценка роли когнитивных искажений</i>	<i>Отсутствие системной работы по воспитанию здорового скептицизма по отношению к прогнозам и математическим моделям</i>
Студентам показывают, как работать со средними значениями и небольшими отклонениями, но почти не объясняют, что в реальных экономических данных встречаются так называемые «тяжёлые хвосты» - ситуации, когда экстремальные значения случаются гораздо чаще, чем предсказывает классическая теория. В результате будущий экономист оказывается не готов к резким скачкам и обвалам.	Люди в принципе склонны переоценивать свою способность контролировать ситуацию, слишком сильно доверять первым полученным данным (эффект якоря) и верить в то, что их прогнозы точнее, чем они есть на самом деле. Экономические программы редко включают разбор таких психологических ловушек, хотя они напрямую влияют на качество решений.	Студентов учат строить модели, но не учат сомневаться в их допущениях и ограничениях. В результате формируется ложное чувство безопасности: кажется, что если модель выдала цифру, то она и есть истина. Реальные кризисы, происходящие раз за разом, показывают ошибочность такого подхода.

Раннее включение темы концепции «Чёрного лебедя» в образовательный процесс даёт несколько важных результатов. Во-первых, оно расширяет представление будущих экономистов о том, что вообще считать риском: в их сознание включаются не только частые и ожидаемые угрозы, но и редкие, катастрофические события, которые раньше могли просто выпадать из поля зрения. Во-вторых, развивается гибкость мышления - способность быстро перестраиваться при поступлении новой, неожиданной информации, а не цепляться за старые прогнозы. В-третьих, формируется здоровое критическое отношение к любым моделям и прогнозам, основанное на понимании их принципиальной ограниченности.

Таким образом, сочетание двух подходов - строгого математического, который даёт теория вероятностей, и философско-критического, который предлагает концепция «чёрного лебедя» - создаёт надёжную основу для подготовки экономистов, способных работать в условиях реальной нестабильности, где будущее никогда не является простым продолжением прошлого.

Рассмотрим конкретные методические приёмы, которые могут быть внедрены в образовательный процесс уже на первом курсе обучения экономистов. Основное внимание уделяется практическим заданиям, позволяющим студентам на простых численных примерах научиться выявлять и анализировать ситуации, связанные с «чёрными лебедями». В качестве иллюстрации предлагаются две задачи. Первая задача

- сравнение трёх инвестиционных стратегий с разной доходностью в удачные дни и разным ущербом при наступлении катастрофы; студентам предлагается рассчитать математическое ожидание дневной доходности, накопленный капитал при разном времени наступления «чёрного лебедя», а также оценить последствия двух катастроф подряд. Вторая задача - оценка кредитного риска банка: здесь требуется найти безусловную вероятность дефолта заёмщика с учётом возможности системного кризиса (вероятность 0,1%) и сравнить ожидаемую прибыль банка с учётом «чёрного лебедя» и без него. Именно через решение подобных задач с первых курсов у студентов формируется не абстрактное знание формул, а устойчивый навык риск-ориентированного мышления, позволяющий учитывать даже маловероятные, но потенциально разрушительные события.

Задача №1

Условие задачи: Инвестор рассматривает три стратегии:

Таблица 3

Данные для расчётной задачи №1

Стратегия	Удачный день (999 из 1000)	Ущерб при неудачном дне с «Чёрным лебедем»
А	+ 0, 5%	- 10%
Б	+ 2%	- 80%
В	+ 0, 2%	-100% (полная потеря капитала)

Начальный капитал инвестора = 1 000 000 рублей

Вопросы к задаче: 1. Чему равно математическое ожидание дневной доходности для каждой стратегии?

2. Каков накопительный капитал через 1000 дней, если «Чёрный лебедь» произошёл в самый последний день, а до этого все дни были удачные?

3. Каков накопительный капитал через 1000 дней, если «Чёрный лебедь» произошёл в первый же день?

4. Каков будет риск двух «Чёрных лебедей» подряд?

1. Вспомним формулу математического ожидания:

$$M(R) = p_{good} \times r_{good} + p_{bad} \times r_{bad}, \text{ где}$$

p_{good} – вероятность удачного дня, без чёрного лебедя

$$p_{good} = \frac{999}{1000} = 0,999$$

r_{good} – доходность в удачный день

$$r_{good} = +1\% = 0,01$$

p_{bad} = вероятность дня, в который произойдёт Чёрный лебедь

$$p_{bad} = \frac{1}{1000} = 0,001$$

r_{bad} – доходность в день, когда произошёл Чёрный лебедь

$$r_{bad} = -100\% = -1, \text{ т. е. полная потеря капитала}$$

Подставим данные в формулу для каждой стратегии:

$$\text{Стратегия А: } M(R_A) = 0,999 \times 0,005 + 0,001 \times (-0,1) = 0,004995 - 0,0001 = 0,004895 = 0,4895 \%$$

$$\text{Стратегия Б: } M(R_B) = 0,999 \times 0,02 + 0,001 \times (-0,8) = 0,01998 - 0,0008 = 0,01918 = 1,918 \%$$

$$\text{Стратегия В: } M(R_B) = 0,999 \times 0,002 + 0,001 \times (-1) = 0,001998 - 0,001 = 0,00098 = 0,0998\%$$

2. Формула накопленного капитала: $FV = PV \times (1 + r_{good})^n \times (1 + r_{bad})$, где

FV – накопленная (будущая) сумма

PV – текущая (начальная) сумма = 1 000 000 рублей

r_{good} – доходность в удачный день

r_{bad} – доходность в день, когда произошёл Чёрный лебедь

n – количество удачных дней

Подставим данные в формулу для каждой стратегии:

$$\text{Стратегия А: } FV_A = 1\,000\,000 \times (1 + 0,005)^{999} \times (1 - 0,1) \sim 131\,261\,754 \text{ руб.}$$

$$\text{Стратегия Б: } FV_B = 1\,000\,000 \times (1 + 0,02)^{999} \times (1 - 0,8) \sim 78\,091\,108\,168\,260 \text{ руб.}$$

$$\text{Стратегия В: } FV_B = 1\,000\,000 \times (1 + 0,002)^{999} \times (1 - 1) = 0 \text{ руб.}$$

Если «Чёрный лебедь» произошёл в первый день, то для всех стратегий математически значения останутся прежними, так как при расчёте мы лишь поменяем скобки местами.

Сейчас нам нужно выяснить: какая доля начального капитала останется после того, как случились два «Чёрных лебедя». Это важно проследить, ведь если катастрофы будут происходить сериями, то стратегия, которая выживает после одной, может разориться после двух «чёрных лебедей»

Ущерб при одном «чёрном лебеде» равен доли потери, которая обозначается «и», то при двух «чёрных лебедях» это значение мы возводим в квадрат.

Проведём расчёты таблично для каждой стратегии:

Таблица 4

Расчёты для задачи №1

Стратегия		Ущерб при одном «чёрном лебеде»	Остаток после одного «чёрного лебеда»	Остаток после «двух чёрных лебедей» подряд
А		10 % (0,1)	90% (0,9)	$(0,9)^2 = 0,81 = 81\%$
Б		80% (0,8)	20% (0,2)	$(0,2)^2 = 0,04 = 4\%$
В		100% (1)	0% (0)	0 (банкротство)

Стратегии А даже после двух «Чёрных лебедей» подряд удалось сохранить 81% капитала, т.е. инвестор понёс незначительные потери.

У стратегии Б осталось лишь 4% капитала, что говорит о том, что инвестор понёс значительные потери. Стратегия Б очень уязвима к серийным катастрофам, несмотря на то, что первый «чёрный лебедь» был преодолён.

Выбрав стратегию В, инвестор после первого «чёрного лебеда» будет разорён.

Эта задача является простейшим численным тренажёром для понимания концепции «Чёрного лебеда». На примерах различных стратегий мы увидели, что математическое ожидание – плохой советчик в мире с возможными катастрофическими рисками. Ещё раз обратимся к полученным выше результатам:

У стратегии В математическое ожидание положительное (0,1%), но она гарантированно ведёт к банкротству.

У стратегии Б математическое ожидание высокое (1,92%), но при двух «чёрных лебедах» она также ведёт к банкротству.

У стратегии А математическое ожидание 0,49%, что значительно меньше чем у стратегии Б, но несмотря на это она выживает даже при двух «чёрных лебедах» неся незначительные потери.

Можно сделать вывод, что риск нужно оценивать не только через математическое ожидание, но и через вероятность разорения и способность восстановиться.

Задача № 2.

Банк выдал кредит одному заёмщику на сумму 1 млн. руб. По статистике, вероятность того, что заёмщик вернёт кредит, составляет 95 %. Если заёмщик не возвращает кредит, банк теряет всю сумму. Банк получает 50 тыс. руб. процентов в случае возврата кредита, но теряет 1 млн. руб. в случае невозврата. Согласно концепции «Чёрного лебеда» существуют маловероятные, но катастрофические по последствиям события. С вероятностью 0,1 % в стране может произойти кризис, при котором все заёмщики одновременно теряют способность платить.

Задание: а) Найти безусловную вероятность дефолта заёмщика с учётом «Чёрного

лебеда»;

б) Рассчитать ожидаемую прибыль банка с учётом «Чёрного лебеда»

1. Безусловную вероятность дефолта с учётом «Чёрного лебеда» найдём по формуле полной вероятности:

Формула полной вероятности в общем виде: $P(A) = \sum_{i=1}^n P(H_i) \times P(A|H_i)$

Вероятность системного кризиса: $P(\text{кризис}) = 0,001$

Если кризис наступил, заёмщик не возвращает сумму с вероятностью 100%: $P(\text{дефолт}|\text{кризис}) = 1$

Если кризиса нет (вероятность 0,999), заёмщик не возвращает сумму с вероятностью: $P(\text{дефолт}|\text{нет кризиса}) = 0,05$

$P(\text{дефолт}) = P(\text{дефолт}|\text{кризис}) \times P(\text{кризис}) + P(\text{дефолт}|\text{нет кризиса}) \times P(\text{нет кризиса})$
 $= 1 \times 0,001 + 0,05 \times 0,999 = 0,05095 = 5,095\%$

Как мы видим, вероятность дефолта без учёта «Чёрного лебеда» составляет 5%, а с «Чёрным лебедем» 5,095%. Несмотря на то, что разница небольшая, она может привести к большому изменению ожидаемого результата.

2. Рассчитаем ожидаемую прибыль банка с учётом «Чёрного лебеда» с помощью математического ожидания:

$$E = (1 - P(\text{дефолт})) \times \text{прибыль с случае возврата} \\ - P(\text{дефолт}) \times \text{убыток в случае невозврата}$$

$P(\text{возврата}) = 1 - P(\text{дефолта}) = 1 - 0,05095 = 0,94905$

$E = (1 - 0,05095) \times 50\,000 - 0,05095 \times 1\,000\,000 = -3\,497,50 \text{ руб.}$

Получаем, что ожидаемая прибыль составит -3 497,50, т.е. убыток.

Для сравнения посчитаем ожидаемую прибыль без учёта «Чёрного лебеда»:

$E = (1 - 0,05) \times 50\,000 - 0,05 \times 1\,000\,000 = -2\,500 \text{ руб.}$

Можем заметить, что малейшее увеличение вероятности невозврата (с 5% до 5,095%) привело к заметному росту убытка (с 2 500 до 3 497,50). Произошло это из-за того, что потери при невозврате очень велики (1 млн. руб.) по сравнению с доходом при возврате (50 тыс. руб.).

В ходе работы обоснована необходимость формирования риск-ориентированного мышления у студентов-экономистов на начальном этапе обучения, поскольку традиционный подход, опирающийся на математическое ожидание и нормальное распределение, не позволяет учитывать риски редких катастрофических событий («чёрных лебедей»). Теоретический анализ показал, что базовые инструменты теории вероятностей необходимо дополнять специальными показателями (безусловная вероятность дефолта, эксцесс, VaR). Практические задачи, предложенные для первого

курса, наглядно демонстрируют, что математическое ожидание не является достаточной мерой риска, а даже очень малая вероятность катастрофы может существенно изменить ожидаемый результат. Решение таких задач с первых курсов закладывает основу для дальнейшего изучения методов управления рисками и формирует у студентов не абстрактное знание формул, а устойчивый навык учёта маловероятных, но потенциально разрушительных событий.

Библиографический список

1. Заостровцев, А. П. Талеб Н. Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости / пер. с англ. 2-е изд., доп. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2014 / А. П. Заостровцев // Финансы и бизнес. – 2015. – № 3. – С. 152-156.
2. Фалин Г.И., Фалин А.И. Теория риска для актуариев в задачах. – М.:” Научный мир”, 2004. – 204 с.
3. Голова Д. В. Новый взгляд на случайности: рецензия на книгу Нассима Талеба «чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости» (2006) / Д. В. Голова // Астраполис: Астраханские политические исследования: Ежегодник кафедры политологии Астраханского государственного университета. Том 11. – Астрахань: Издательский дом "Астраханский университет", 2021. – С. 203-208.
4. Долинина И. Г. Формирование риск-ориентированного мышления студентов как система непрерывного образования / И. Г. Долинина, О. В. Кушнарёва // Вестник МАНЭБ. – 2017. – Т. 22, № 1. – С. 80-83.
5. Грабовецкий Д. С. Экономические риски и управление экономическими рисками в условиях современной России / Д. С. Грабовецкий // Лучшая исследовательская статья 2024: Сборник статей VIII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 15 августа 2024 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 46-48.

UDC 316.422

Matrosov A.A., Kokh I.A. Digital maturity of secondary vocational education organizations as a category of change management

Цифровая зрелость организаций среднего профессионального образования как категория управления изменениями

Matrosov Anton Alekseevich

Graduate student,
Russian Academy of National Economy and Public
Administration - Ural Institute of Management (Yekaterinburg)

Kokh Ivan Adamovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor
Professor of the Department of Personnel Management and Sociology
Russian Academy of National Economy and Public
Administration - Ural Institute of Management (Yekaterinburg)

Матросов Антон Алексеевич
Аспирант

Российской академии народного хозяйства и государственной
службы - Уральский институт управления (Екатеринбург)

Кох Иван Адамович
д.с.н, профессор,

профессор кафедры управления персоналом и социологии
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы - Уральский институт управления (Екатеринбург)

Abstract. *The article reveals the digital maturity of secondary vocational education organizations as a theoretical and methodological category of change management. It is shown that digital maturity cannot be reduced to the availability of equipment, platforms or electronic document flow. It reflects the organization's ability to rebuild processes, management procedures, the digital educational environment and professional roles of participants. Special attention is paid to sociological and pedagogical foundations of analysis: the network logic of digital society, the distribution of cultural and social capital, and the contextual nature of vocational education. It is concluded that digital maturity is not a final rating, but a managerial guideline that makes it possible to assess the depth and sustainability of digital change.*

Keywords: *secondary vocational education, digital maturity, digital transformation, change management, digital educational environment, organizational culture, data-based management.*

Аннотация. *В статье раскрывается цифровая зрелость организаций среднего профессионального образования (СПО) как теоретико-методологическая основа управления изменениями в сфере подготовки кадров для экономики. Показано, что цифровая зрелость не может быть сведена к наличию техники, платформ или электронного документооборота. Она выражает способность образовательной организации перестраивать процессы, управленческие процедуры, цифровую образовательную среду и профессиональные роли участников. Особое внимание уделено социологическим и педагогическим основаниям анализа: сетевой логике цифрового общества, распределению культурного и социального капитала, контекстному характеру профессионального образования. Делается вывод, что цифровая зрелость выступает не итоговым рейтингом, а управленческим ориентиром, позволяющим оценивать глубину и устойчивость цифровых изменений.*

Ключевые слова: *среднее профессиональное образование, цифровая зрелость, цифровая трансформация, управление изменениями, цифровая образовательная среда, организационная культура, управление на основе данных.*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Цифровая трансформация среднего профессионального образования все чаще описывается языком сервисов, платформ и аналитических панелей. Такое описание, на первый взгляд, удобно: оно создает видимые признаки обновления системы. Но за ним легко скрывается более сложный вопрос: что именно меняется в образовательной организации, когда она действительно переходит к цифровой зрелости? Для СПО этот вопрос имеет не отвлеченный, а вполне управленческий смысл. Колледж или техникум могут применять электронные журналы, цифровые ресурсы и дистанционные форматы обучения, сохраняя при этом прежнюю логику планирования, контроля и взаимодействия с обучающимися. В таком случае, скорее всего, речь идет о цифровизации отдельных процедур, а не о цифровой трансформации.

Цель статьи состоит в раскрытии цифровой зрелости организаций СПО как системы управления изменениями. Методологической основой является системный подход, в котором цифровая трансформация понимается как управляемое развитие образовательной организации, затрагивающее цели, процессы, структуру, кадровые ресурсы и цифровую образовательную среду [5; 11; 17]. В статье не рассматриваются региональные показатели и эмпирические результаты, акцент намеренно перенесен на теоретическую логику, позволяющую отличить внешнее внедрение технологий от глубокого организационного обновления.

Отправной точкой анализа служит разграничение информатизации, цифровизации и цифровой трансформации. Информатизация связана с применением средств сбора, хранения, обработки и распространения информации для решения образовательных и организационных задач. Цифровизация, в свою очередь, предполагает перевод учебных процессов в цифровой формат, внедрение цифровых инструментов управления образовательными процессами. Однако сама по себе она не обязательно меняет образовательную логику: электронная форма только воспроизводит прежние административные действия в новой оболочке [11].

Цифровая трансформация обозначает иной уровень изменений. В работах Ж. Виалья она рассматривается как процесс, при котором цифровые технологии нарушают привычные практики и требуют управленческого ответа; в частности, автор фиксирует, что «Цифровые технологии приводят к сбоям в работе, что требует от организаций принятия стратегических мер» [6]. П. Верхуф с соавторами показывает ступенчатость этого движения: от перевода информации в цифровой вид к перестройке процессов и далее к трансформации организации; авторы прямо выделяют «оцифровка,

цифровизация и цифровая трансформация» [16]. Близкая позиция представлена у А.Ю. Уварова, где переход от компьютеризации к цифровой трансформации связывается с изменением содержания, организации и результатов деятельности: «Цифровое обновление носит системный (многоаспектный) характер» [11]. Стало быть, цифровая зрелость не равна количеству сервисов; она выражает способность организации применять цифровые решения так, чтобы менялись процессы, ответственность и результаты.

Наличие современных платформ еще не приближает колледж к цифровой зрелости. Цифровая зрелость проявляется там, где цифровые инструменты встроены в управленческий цикл: помогают видеть «узкие места», согласовывать действия, сопровождать студентов, поддерживать педагогов и оценивать последствия принятых управленческих решений. Иначе говоря, речь идет не о технике как таковой, а о новой форме организационной готовности и способности к развитию.

В рамках принятой теоретической позиции цифровая трансформация СПО раскрывается как управляемое изменение, которое переводит образовательную организацию из режима устойчивого функционирования в режим развития. В этой связи существенны подходы к управлению организационными изменениями: определение целей преобразований, анализ исходного состояния, информирование участников, обучение, сопровождение внедрения и оценка достигнутых результатов. В работах, посвященных управлению изменениями, особенно подчеркивается роль этапности, лидерства и институционализации результатов [10; 17]. А.Ю. Курин связывает смысл таких изменений с переводом образовательной организации «из режима функционирования в режим развития» [10], а О.Г. Тринитатская использует формулу «поэтапно разработанный план реализации изменений» [17].

Для СПО это обстоятельство играет особую роль. Профессиональная образовательная организация соединяет педагогическую, организационно-управленческую и производственно-практическую логику. Поэтому внедрение цифровых решений затрагивает не один участок работы, а целый ряд связанных между собой процессов: разработку программ, организацию практики, методическую деятельность, коммуникацию с обучающимися, отчетность, оценивание и взаимодействие с внешними партнерами. Впрочем, именно здесь часто обнаруживается инерция: цифровой инструмент появляется быстрее, чем меняются привычные роли и регламенты.

Системный подход позволяет рассматривать цифровую трансформацию как изменение целостной социально-педагогической системы, включающей управление образовательным процессом, инфраструктуру обучения и информационные потоки.

Процессный подход, несколько иначе расставляет акценты, помогает увидеть, какие действия, участники и результаты меняются под воздействием цифровых решений. Программно-целевой подход удерживает связь между целями и показателями, а проектный подход задает практический механизм реализации цифровых инициатив с определением сроков, ресурсов и ответственных исполнителей [9; 10]. В совокупности эти подходы не подменяют друг друга, напротив, они создают методологическую оптику для оценки цифровой зрелости как глубины управляемого изменения.

Цифровая зрелость СПО имеет не только технологическое, но и социальное измерение. М. Кастельс рассматривает цифровую эпоху через логику сетевого общества, где коммуникационные сети становятся значимой средой взаимодействия и организационного развития; ср. его формулу: «Интернет - это технологическая основа организационной формы информационного века: сети» [9]. Для управления СПО отсюда следует небанальный вывод: цифровая среда не действует сама по себе, ее значение определяется интересами, практиками и ценностями участников. Если педагогический коллектив воспринимает платформу преимущественно как источник дополнительной отчетности, трансформационный эффект будет слабым.

Зигмунт Бауман позволяет рассматривать цифровые реформы в условиях неопределенности и риска: «полно риска и тревоги» [1]. Макс Вебер, напротив, задает рамку рационально-легального управления, где формальные процедуры обеспечивают устойчивость, но при избыточной регламентации могут усиливать бюрократическую инерцию: «правило, цель, средство, «вещная» безличность» [4]. Этот контраст особенно заметен в цифровизации образования: стремление к прозрачности и контролю способно привести как к более обоснованным решениям, так и к формальному накоплению показателей. Не возникает ли здесь риск, что цифровая зрелость будет измеряться удобством отчетности, а не изменением качества образовательной работы?

Позиция П. Бурдье позволяет увидеть цифровые компетенции и сетевые связи как формы культурного и социального капитала: «Капитал может выступать в трех основных обликах» [3]. Следовательно, различия между организациями СПО связаны не только с оборудованием, но и с тем, какие профессиональные ресурсы, партнерства и практики интерпретации данных доступны коллективу. А.А. Вербицкий, развивая идеи контекстного образования, подчеркивает, что технологии получают педагогический смысл лишь тогда, когда меняется сама образовательная логика: «моделируется предметное и социальное содержание будущей профессиональной деятельности студентов» [5]. В этом ракурсе цифровая зрелость означает способность не просто предъявлять учебный материал через экран, а создавать условия для практико-ориентированного освоения профессиональных действий.

Одним из наиболее заметных проявлений цифровой зрелости выступает цифровая образовательная среда. В педагогической литературе она не сводится к набору технических средств; ее рассматривают как пространство образовательной деятельности, влияющее на результаты и характер взаимодействия участников [12]. О.Н. Шилова определяет педагогический смысл ЦОС через «комплекс отношений в образовательной деятельности» [12]. Для СПО такая среда должна быть не витриной электронных ресурсов, а рабочим пространством, где поддерживаются учебные задания, коммуникация, практика, оценивание и управленческая обратная связь.

Отечественные и международные исследования показывают: цифровое обновление распространяется неравномерно, а образовательные организации находятся на разных ступенях зрелости; при этом «цифровая зрелость» в моменте описывает состояние организации [8]. Европейская рамка DigCompOrg связывает цифровую компетентность организации с лидерством, практиками преподавания, инфраструктурой и профессиональным развитием; ее назначение сформулировано как «self-reflection and self-assessment within educational organisations» [13]. Документы OECD акцентируют управление данными и доверие к цифровым решениям в образовании, формулируя задачу как «use data and digital tools to improve the quality, effectiveness, efficiency and equity of education» [14], а материалы UNESCO-UNEVOC по TVET подчеркивают значение цифровой трансформации именно для профессионального образования и обучения: она «impacts all aspects of TVET delivery» [15]. Эти подходы, при всей разности контекстов, сходятся в одном: зрелость организации не возникает от отдельной закупки или локального сервиса.

Для российской системы СПО данный вывод особенно полезен. Цифровая зрелость может рассматриваться как промежуточная категория между стратегическими установками и повседневными практиками колледжа. Она показывает, поддерживает ли цифровая среда педагогические решения, согласованы ли управленческие процедуры с образовательными целями, готов ли коллектив к изменениям и используются ли данные для понимания реальных процессов, а не только ради формального контроля.

Цифровую зрелость организаций среднего профессионального образования целесообразно понимать как способность к устойчивому и осмысленному применению цифровых технологий в управлении, образовательной деятельности и профессиональном взаимодействии. Она не исчерпывается технической оснащенностью и не сводится к перечню внедренных сервисов. Ее содержание раскрывается через изменение процессов, распределение ответственности, развитие

цифровой образовательной среды, работу с данными, педагогическую результативность и организационную культуру.

Проведенный теоретико-методологический анализ позволяет зафиксировать несколько положений. Во-первых, цифровая зрелость выступает критерием перехода от цифровизации процедур к цифровой трансформации организации. Во-вторых, она требует управления изменениями, поскольку затрагивает привычные роли, регламенты и способы принятия решений. В-третьих, ее нельзя оценивать вне социального контекста: цифровые компетенции, партнерства, доверие и готовность участников становятся такими же существенными ресурсами, как техника и программное обеспечение. Следовательно, цифровая зрелость СПО является не финальной отметкой в мониторинге, а управленческим ориентиром, помогающим увидеть, насколько глубоко цифровые решения преобразуют образовательную организацию.

References

1. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман; пер. с англ.; под ред. Ю. В. Асочакова. - СПб.: Питер, 2008. - 240 с.
2. Буйклиский В.В. Анализ моделей управления изменениями в компании // Экономика и управление. - 2020. - Электрон. ресурс. - URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44455840>.
3. Бурдье П. Формы капитала / П. Бурдье; пер. М.С. Добряковой; науч. ред. В.В. Радаева // Экономическая социология. - 2005. - Т. 6, № 3. - С. 60-74.
4. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. I: Социология / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. - 445 с.
5. Вербицкий А.А. Теория и технологии контекстного образования: учебное пособие / А.А. Вербицкий. - М.: МПГУ, 2017. - 268 с.
6. Vial G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda // Journal of Strategic Information Systems. - 2019. - Vol. 28, no. 2. - P. 118-144.
7. Грошев И.В. Управление изменениями организационной культуры в условиях цифровой трансформации // КиберЛенинка. - Электрон. ресурс. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-izmeneniyami-organizatsionnoy-kultury-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii>.
8. Дворецкая И.В., Карлов И.А., Кочак Э., Савицкий К.Л. Измерение перехода школы к цифровой трансформации образования: опыт, трудности, результаты и возможности: доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по

проблемам развития экономики и общества. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. - 44 с.

9. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонов. - Екатеринбург: У-Фактория, 2004. - 328 с.

10. Курин А.Ю. Ключевые принципы управления изменениями // Материалы науч.-практ. конф. - Электрон. текстовые данные. - URL: https://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2023/lichn_i_prof_razv_bud_special/7/Kurin.pdf.

11. Уваров А.Ю., Вихрев В.В., Водопьян Г.М., Дворецкая И.В., Кочак Э., Левин И. Школы в развивающейся цифровой среде: цифровое обновление и его зрелость // Информатика и образование. - 2021. - № 7. - С. 5-28.

12. Шилова О.Н. Цифровая образовательная среда: педагогический взгляд. - Электрон. текстовые данные.

13. Kampylis P., Punie Y., Devine J. Promoting Effective Digital-Age Learning: A European Framework for Digitally-Competent Educational Organisations (DigCompOrg). - Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015.

14. OECD. Digital Education Outlook 2023: Data and Technology Governance: Fostering Trust in the Use of Data. - Paris: OECD Publishing, 2023.

15. UNESCO-UNEVOC. Digital Transformation in Technical and Vocational Education and Training (TVET). - Bonn: UNESCO-UNEVOC, 2021.

16. Verhoef P.C., Broekhuizen T., Bart Y., Bhattacharya A., Dong J.Q., Fabian N., Haenlein M. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda // Journal of Business Research. - 2021. - Vol. 122. - P. 889-901.

17. Trinitatskaya O.G. Стратегическое управление организационными изменениями в контексте модернизации современной школы // Педагогика. - 2018. - Электрон. ресурс. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-upravlenie-organizatsionnymi-izmeneniyami-v-kontekste-modernizatsii-sovremennoy-shkoly>.

UDC 33

Mikhalev A.D. Open banking systems as an institutional mechanism for reducing transaction costs of interregional interaction

Открытые банковские системы как институциональный механизм снижения транзакционных издержек межрегионального взаимодействия

Mikhalev Aleksey Dmitrievich,

Postgraduate Student,
Volgograd State Technical University, Volgograd
Михалев Алексей Дмитриевич,
Аспирант,

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», город Волгоград

Abstract. *The question of the nature and scale of transaction costs in the modern economy has remained one of the central issues in institutional theory for several decades. However, there is still insufficient research on the interregional dimension of this issue, especially in the context of the rapidly transforming financial and technological environment. Meanwhile, right now, when the Russian banking system is undergoing a large-scale digital transformation, and open banking interfaces are gradually becoming an operational reality, such an analysis is gaining not only theoretical, but also quite obvious practical acuteness. The main results of the study show that the introduction of open APIs in the banking sector can reduce the operational costs of interregional transactions by 23-41%, depending on the type of operation. It is concluded that open banking forms a new institutional environment that encourages financial integration of regions and reduces information asymmetry between participants in interregional economic relations.*

Keywords: *open banking, Open Banking, transaction costs, interregional interaction, institutional mechanism, financial technologies, APIs, financial integration, Russian regions.*

Аннотация. *Вопрос о природе и масштабах транзакционных издержек в современной экономике, остаётся одним из центральных в институциональной теории, уже несколько десятилетий. Тем не менее, применительно к межрегиональному измерению этой проблематики, особенно в контексте стремительно трансформирующейся финансово-технологической среды, исследований по-прежнему недостаточно. Между тем, именно сейчас, когда российская банковская система, переживает масштабную цифровую перестройку, а открытые банковские интерфейсы постепенно становятся операционной реальностью, подобный анализ приобретает не только теоретическую, но и совершенно очевидную практическую остроту. Основные результаты исследования, показывают, что внедрение открытых API-интерфейсов в банковском секторе, позволяет сократить операционные издержки межрегиональных транзакций, на 23–41%, в зависимости от типа операции. Сделан вывод о том, что открытый банкинг, формирует новую институциональную среду, стимулирующую финансовую интеграцию регионов и снижающую информационную асимметрию, между участниками межрегиональных экономических отношений.*

Ключевые слова: *открытый банкинг, Open Banking, транзакционные издержки, межрегиональное взаимодействие, институциональный механизм, финансовые технологии, API-интерфейсы, финансовая интеграция, регионы России.*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Введение

Актуальность темы определяется рядом обстоятельств. Прежде всего, отметим, что межрегиональное экономическое взаимодействие в России, исторически сопряжено с высокими издержками координации. Данные издержки, обусловлены географической протяжённостью РФ, неравномерностью развития финансовой инфраструктуры регионов РФ и асимметрией информационных потоков. По данным Банка России, по состоянию на начало 2026 года, разрыв в плотности банковской сети между наиболее и наименее обеспеченными регионами РФ, составлял более чем 7-кратную величину. Стоит так же отметить, что концепция Open Banking, получившая нормативное закрепление в ряде юрисдикций, прежде всего в Европейском союзе, через директиву PSD2, демонстрирует устойчивый потенциал снижения барьеров, для финансового взаимодействия хозяйствующих субъектов. Кроме того, в России с 2023 года, активно формируется регуляторная база открытых финансов, в рамках которой, Банк России, последовательно развивает концепцию открытых API, а ряд крупных банков уже запустил пилотные проекты в этом направлении. [1]

Цель исследования – оценить роль открытых банковских систем, как институционального механизма снижения транзакционных издержек межрегионального экономического взаимодействия в России.

Научная новизна работы заключается в том, что автором впервые предпринята попытка рассмотреть Open Banking, не просто как технологическое решение, а именно как институциональный механизм, встроенный в систему межрегиональных экономических отношений.

Теоретическая значимость исследования, состоит в расширении автором концептуального аппарата теории транзакционных издержек, применительно к цифровым финансовым платформам. Практическая значимость исследования, определяется возможностью использования полученных автором результатов, при разработке региональной финансовой политики и стратегий цифровизации банковского сектора.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования, составляют официальные данные Банка России, за период 2020–2025 годов, материалы Росстата о межрегиональном товарообороте и финансовых потоках, аналитические доклады Ассоциации ФинТех (АФТ). Так же в исследовании использовались результаты международных сравнительных исследований Open Banking, в частности, доклады Европейского банковского управления (ЕБА) и аналитической компании McKinsey Global Institute. Помимо этого, использованы данные опроса руководителей предприятий малого и

среднего бизнеса, осуществляющих межрегиональную деятельность.

Методологически исследование строится на сочетании нескольких подходов. Так, институциональный анализ, позволяет рассматривать открытые банковские системы, как совокупность формальных правил и неформальных практик, структурирующих взаимодействие экономических агентов. Сравнительный анализ, применяется автором, для сопоставления уровня транзакционных издержек в регионах, с различной степенью проникновения открытых банковских сервисов. Метод экономико-математического моделирования, используется для оценки зависимости, между индексом развития Open Banking в регионе и показателями межрегиональной торговой активности. Кроме того, контент-анализ нормативных документов Банка России и зарубежных регуляторов, позволяет выявить институциональные рамки, в которых функционируют открытые банковские системы.

Результаты и обсуждение

Прежде чем переходить к непосредственным результатам, необходимо, уточнить само понятие транзакционных издержек, применительно к межрегиональному взаимодействию. В классическом понимании Уильямсона, они включают: издержки поиска информации, ведения переговоров, заключения и исполнения контрактов. В контексте межрегиональных финансовых отношений, к этому перечню, добавляются специфические составляющие: издержки верификации контрагентов из других регионов; затраты на обеспечение совместимости платёжных и расчётных систем; издержки, обусловленные информационной асимметрией, относительно кредитоспособности удалённых партнёров. Именно эти три категории, как показывает проведённый анализ, в наибольшей мере поддаются снижению, посредством использования открытых банковских интерфейсов. [2]

По результатам опроса предприятий МСП, среднее время, затрачиваемое на верификацию межрегионального контрагента, без использования открытых банковских данных, составляет 4,7 рабочего дня, тогда как при наличии доступа к открытым API этот показатель сокращается до 0,8 дня, то есть почти в 6 раз. Это весьма существенный результат, который, впрочем, нуждается в дополнительной интерпретации: речь идёт не просто об ускорении процедуры, но о качественном изменении самой природы взаимодействия, от последовательного к параллельному обмену информацией. [3]

Таблица 1

Структура транзакционных издержек межрегионального взаимодействия предприятий МСП до и после внедрения Open Banking
(по данным опроса 2024 года, % от общей суммы издержек)

Вид транзакционных издержек	До внедрения Open Banking	После внедрения Open Banking	Изменение, п.п.
Издержки поиска и верификации контрагентов	31,4	12,8	-18,6
Издержки ведения переговоров и согласования условий	18,7	14,2	-4,5
Издержки оформления и исполнения платёжных документов	22,3	9,6	-12,7
Издержки мониторинга исполнения обязательств	15,9	11,4	-4,5
Издержки урегулирования споров	11,7	9,1	-2,6
Итого	100,0	57,1	-42,9

Как видно из таблицы 1, совокупное снижение транзакционных издержек, при переходе к модели Open Banking, составляет, по нашим оценкам, около 43%. При том, что, наиболее значительный эффект, достигается именно в тех компонентах, которые традиционно считались наиболее «жёсткими» барьерами межрегионального взаимодействия: верификация контрагентов и оформление платёжных документов. [4]

Разумеется, подобные результаты не являются автоматическими. Они возможны, лишь при условии достаточного уровня технологической зрелости как самих банков, так и их корпоративных клиентов. В этой связи, принципиально важно рассмотреть дифференциацию регионов, по степени готовности, к внедрению открытых банковских сервисов.

Таблица 2.

Индекс готовности регионов России к внедрению Open Banking
(топ-10 и аутсайдеры, 2024 год)

Регион	Индекс готовности (0–100)	Доля банков с открытым API, %	Охват МСП цифровыми банковскими сервисами, %	Межрегиональный торговый оборот на 1 предприятие, тыс. руб.
г. Москва	87,3	94,1	78,4	4 820
г. Санкт-Петербург	81,6	89,7	71,2	3 940
Московская область	74,2	82,3	64,8	3 210
Республика Татарстан	68,9	76,4	58,3	2 870

Регион	Индекс готовности (0–100)	Доля банков с открытым API, %	Охват МСП цифровыми банковскими сервисами, %	Межрегиональный торговый оборот на 1 предприятие, тыс. руб.
Свердловская область	64,7	71,8	54,1	2 540
Новосибирская область	61,3	68,2	51,7	2 380
Краснодарский край	59,8	65,9	49,2	2 190
Нижегородская область	57,4	63,1	46,8	2 010
Самарская область	54,9	61,4	44,3	1 870
Красноярский край	52,1	58,7	41,9	1 720
...
Республика Тыва	18,4	21,3	14,7	340
Республика Ингушетия	16,9	18,7	12,4	290
Чукотский АО	14,2	15,1	10,8	210

Данные таблицы 2 наглядно демонстрируют, что разрыв между лидерами и аутсайдерами, по индексу готовности к Open Banking носит, откровенно говоря, драматический характер. Так, Москва, опережает Чукотский автономный округ более чем в 6 раз. Это означает, что потенциал снижения транзакционных издержек, через открытый банкинг, реализуется крайне неравномерно. Без целенаправленной государственной политики, данный разрыв будет не сокращаться, а, напротив, нарастать. Фактически, возникает парадокс, так как, инструмент, призванный снизить барьеры межрегионального взаимодействия, сам по себе, воспроизводит региональное неравенство в доступе к финансовым технологиям. [5]

Здесь уместно обратиться к международному опыту. В Великобритании, где Open Banking был введён в 2018 году, в рамках реализации директивы PSD2, к 2023 году, более 7 млн. пользователей, ежемесячно обращались к открытым банковским сервисам. При этом, по данным Open Banking Implementation Entity (OBIE), наибольший рост использования открытых API, фиксировался именно в регионах, с исходно низкой плотностью банковской сети. Там, где традиционные финансовые услуги, были наименее доступны. Это говорит о том, что при правильно выстроенной регуляторной модели, открытый банкинг, может выступать инструментом территориального выравнивания, а не углубления неравенства.

В России, по данным Ассоциации ФинТех, по итогам 2025 года, уже 47 банков, подключились к экосистеме открытых API, в рамках пилотных проектов Банка России. Объём транзакций, проведённых через открытые интерфейсы, составил порядка 1,2

трлн. рублей, что, конечно, пока несопоставимо с общим объёмом платёжного рынка, но свидетельствует о нарастающей динамике. Показательно, что среди пользователей открытых банковских сервисов, доля предприятий, осуществляющих межрегиональные операции, составляет 68%. Таким образом, именно межрегиональное взаимодействие, является основным драйвером спроса на открытые API. [6]

Что касается институциональных условий эффективного функционирования Open Banking, как механизма снижения транзакционных издержек, то здесь, на наш взгляд, ключевую роль играют 3 фактора. Первый фактор «стандартизация API-интерфейсов»: без единых технических стандартов, совместимость систем различных банков, остаётся крайне ограниченной. Издержки интеграции, при такой организации, попросту переносятся с операционного уровня, на технический. Второй фактор «правовая защита данных»: доверие участников рынка, к открытому обмену финансовой информацией, напрямую зависит от качества правового регулирования, в сфере защиты персональных и корпоративных данных. Третий «конкурентная нейтральность регуляторной среды»: если открытые API, де-факто доступны лишь крупнейшим игрокам, весь потенциал снижения транзакционных издержек, концентрируется в их руках, не распространяясь на широкий круг участников межрегионального взаимодействия. [7]

Таблица 3.

Сравнительная оценка эффективности Open Banking как инструмента снижения транзакционных издержек в международном контексте

Страна / юрисдикция	Год введения Open Banking	Снижение издержек межрегиональных / трансграничных транзакций, %	Охват населения открытыми банковскими сервисами, % (2024 г.)	Нормативная база
Великобритания	2018	34–38	22,4	CMA Order 2017, PSD2
Европейский союз	2019	28–35	18,7	PSD2 (2015/2366/EU)
Австралия	2020	31–40	14,2	Consumer Data Right Act 2019
Бразилия	2021	29–36	31,8	BCB Resolution 32/2020
Россия	2023 (пилот)	23–41*	8,3	Концепция открытых API Банка России, 2022
Индия	2016 (UPI)	41–52	47,6	Payment and Settlement Systems Act

Таблица 3 позволяет сделать несколько важных наблюдений. Россия, несмотря на относительно позднее вхождение в пространство открытого банкинга, демонстрирует один из наиболее широких диапазонов снижения транзакционных издержек: от 23 до 41%. Столь значительный разброс, объясняется именно упомянутой выше региональной дифференциацией. В технологически зрелых регионах РФ, эффект приближается к верхней границе диапазона, тогда как в регионах с низким уровнем цифровизации, он пока остаётся минимальным. [8]

Показателен и пример Индии, где система UPI (Unified Payments Interface), фактически аналог Open Banking, позволила достичь наибольшего снижения издержек, при одновременно высоком охвате населения. Этот опыт, по всей видимости, заслуживает самого внимательного изучения, с точки зрения применимости к российским условиям.

Выводы

Проведённое исследование, позволяет сформулировать ряд содержательных выводов. Установлено, что открытые банковские системы, действительно выступают институциональным механизмом снижения транзакционных издержек межрегионального взаимодействия. Совокупный эффект снижения издержек, при переходе к модели Open Banking, составляет, порядка 43% для предприятий МСП, осуществляющих межрегиональную деятельность. При этом, наиболее значительный эффект, достигается в компонентах верификации контрагентов и оформления платёжных документов.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что реализация этого потенциала сопряжена с серьёзными институциональными условиями. Без стандартизации API-интерфейсов, адекватной правовой защиты данных и конкурентно нейтральной регуляторной среды, открытый банкинг, рискует стать инструментом воспроизводства, а не преодоления региональных диспропорций. Международный опыт, прежде всего британский и индийский, свидетельствует о том, что при правильно выстроенной институциональной архитектуре, Open Banking, способен существенно ускорить финансовую интеграцию регионов РФ и снизить информационную асимметрию, между участниками межрегиональных экономических отношений.

References

1. Пчелин, И. А. Инновационные характеристики «цифрового рубля» / И. А. Пчелин // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2026. – № 1(131). – С. 228-235.

2. Колмыкова, Т. С. Определение перспектив развития банковского бизнеса по расширению присутствия в регионах России / Т. С. Колмыкова, Д. И. Кретов, А. Ю. Маслов // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 2(61). – С. 501-504.
3. Зверькова, Т. Н. Цифровая трансформация региональных банков: роль AI и Open API / Т. Н. Зверькова // Финансы: теория и практика. – 2025. – Т. 29, № 5. – С. 151-163.
4. Девичкин, С. О. Экономическая модель формирования стратегий участия национальных банковских структур в трансграничном взаимодействии / С. О. Девичкин // Вопросы инновационной экономики. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 73-90.
5. Фетисова, А. А. Цифровизация мировой банковской системы: глобальные и национальные особенности / А. А. Фетисова // Вестник магистратуры. – 2024. – № 8(155). – С. 164-166.
6. Девичкин, С. О. Экономическая модель формирования стратегий участия национальных банковских структур в трансграничном взаимодействии / С. О. Девичкин // Вопросы инновационной экономики. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 73-90.
7. Мадатова, О. В. Преобразование трансграничных финансовых операций в условиях санкционного давления: анализ альтернативных платежных механизмов и стратегии обеспечения экономической устойчивости России / О. В. Мадатова // Финансы и управление. – 2025. – № 1. – С. 97-131.
8. Иванов, В. В. Стратегии трансграничного банковского взаимодействия в условиях трансформации внешнеэкономических связей / В. В. Иванов, С. О. Девичкин // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 849-870.

UDC 159.944:331.446.4(075.8)

Popov Y.A. Stress management as a tool for preventing emotional burnout among employees in modern organizations

Popov Yuri Alexandrovich,

senior lecturer of the Department of Economic Theory,
Saint Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design

Abstract. *This scientific paper examines the impact of occupational stress on employees of modern organizations. The article reveals the essence of burnout, its main manifestations and consequences for employees and organizational performance. The article examines the internal and external factors contributing to occupational stress. Special attention is paid to the role of the organizational environment, leadership style and interpersonal relationships within the workplace as sources of stress. The paper also evaluates modern stress management practices aimed at reducing the negative effects of excessive workload. The importance of the concept of corporate well-being programs as a factor in increasing psychological stability and staff loyalty is revealed. The article emphasizes the importance of systematic stress monitoring. The study provides examples of how Russian companies assess the effectiveness of such programs. Psychological support tools aimed at developing employees' self-regulation skills and creating a psychologically supportive work environment are considered.*

Keywords: *stress management, occupational burnout, occupational stress, human resource management, psychological well-being, labor productivity, organizational environment, employee well-being.*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Today, the acceleration of socio-economic processes, the instability of the external environment, transformations in the field of labor relations, increased competition and a constant increase in requirements for labor productivity are becoming stable factors in the implementation of a person's professional activity and have a great impact on their psycho-emotional state. In this regard, the problem of occupational stress and related emotional burnout of personnel is becoming increasingly important not only in the practice of organizations, but also in the research environment. In such conditions, the level of psychological stability of employees gradually decreases. This can later lead to the development of chronic stress, professional exhaustion, and emotional maladjustment.

The relevance of this topic is also determined by the fact that the consequences of emotional burnout go far beyond an individual's psychological well-being. Work performance decreases, motivation weakens, staff turnover increases, and the socio-psychological climate in the team worsens, which ultimately entails significant economic losses for the organization. According to the World Health Organization (WHO) and the International Labour Organization (ILO), depressive and anxious conditions, including those caused by unfavorable working

conditions, annually cause the loss of about 12 billion working days worldwide and cause damage to the world economy estimated at about one trillion dollars due to falling labor productivity [4].

The state of the domestic labor market also confirms the high degree of prevalence of this problem among the working population. Thus, according to VCIOM monitoring data, more than half of Russian residents face stress at different intervals. This trend is particularly pronounced among office staff, whose activities are characterized by large amounts of communication, multitasking, a high level of responsibility and a lack of time. A significant proportion of employees of modern organizations assess their own professional environment as stressful and indicate the negative impact of work on their physical and psychological state. Studies of recent years show that more than half of working citizens report some signs of professional exhaustion. The main reasons for the formation of this condition are most often identified as inefficient organization of the labor process, excessive workload, constant overwork, personnel shortage and a high level of professional responsibility [9].

Such trends indicate that the problem of emotional burnout as one of the most common consequences of prolonged professional stress is gradually becoming systemic in nature and requires a comprehensive management impact. It is fundamentally important that in many cases it is the organizational environment that becomes the key factor in the formation of this syndrome. Based on this, the responsibility for preventing such phenomena largely falls not only on the employee himself, but also on the management of the organization, which determines the features of management policy and the nature of labor relations within the team. That is why the issues of stress management and prevention of burnout are currently considered not as an additional area of personnel work, but as an essential element of the personnel management system.

The efficiency of functioning of a modern organization is largely determined by the ability of management to timely identify factors of psychological distress of personnel, minimize their negative impact and create conditions that contribute to the preservation of professional motivation and psychological stability of employees [2].

The purpose of this study is to provide theoretical justification and practical characteristics of stress management as a tool for preventing emotional burnout in a modern organization, identify key organizational factors of professional stress and develop options for integrated management of the psychological state of employees.

The paper uses methods of theoretical analysis and synthesis of scientific literature on labor psychology and personnel management, secondary analysis of data from monitoring and sociological studies (VCIOM, WHO, ILO, hh.ru, NAFI), generalization of the practical experience of Russian organizations in the implementation of well-being programs, as well as

analysis of the system approach to building models of burnout prevention.

Analysis of modern management and psychological literature shows that emotional burnout is considered as a state of psycho-physiological and emotional exhaustion that occurs as a result of prolonged exposure to occupational stress and chronic overexertion. This condition is associated with a decrease in emotional involvement in work, loss of professional motivation, deterioration of the quality of work performed, and a gradual deterioration of a person's attitude both to their own professional role and to the people around them [11].

It is important to note that burnout develops gradually. As a rule, it manifests itself gradually under the influence of a combination of organizational, psychological and social factors that exert long-term pressure on the staff. At the initial stages, the employee seeks to compensate for the increasing load at the expense of the internal resources of the body. However, in conditions of ongoing stress, adaptive mechanisms can no longer cope. As a result, a stable feeling of emotional emptiness, professional dissatisfaction and internal exhaustion is formed.

The most typical manifestations of burnout are chronic fatigue, emotional exhaustion, increased irritability, decreased motivation, poor concentration and work productivity. An important characteristic of this condition is the lack of recovery even after rest or temporary reduction of the load. Employees gradually develop a sense of indifference to their professional activities, their interest in the results of work decreases, and their interaction with colleagues and clients worsens.

Along with this, burnout syndrome is accompanied by pronounced psycho-physiological consequences. Prolonged exposure to stress negatively affects the functioning of the body's nervous, cardiovascular, and immune systems.

In the scientific literature, it is customary to distinguish two large groups of factors that contribute to the development of burnout syndrome. Internal factors are associated with individual psychological characteristics of the employee's personality. Among them, the level of stress tolerance of a person, the peculiarities of his emotional response, the ability to self-regulate, communicative characteristics, as well as the specifics of perception of criticism and conflict situations are particularly distinguished. A significant role is played by the level of formation of skills of psychological adaptation to stressful conditions of professional activity [7].

Despite the importance of individual personality traits, modern research is increasingly focused on external, or in other words, organizational factors of emotional burnout. First of all, this is due to the fact that it is the organizational environment that largely determines the nature of professional stress and the degree of psycho-emotional stress experienced by employees. Moreover, external factors are in the zone of direct managerial influence, which makes them a

key object of the organization's personnel policy.

Thus, high labor intensity, duration of continuous work without full recovery, instability of the organizational environment, constant changes in management processes and a high degree of responsibility have a significant impact. Special attention should be paid to the need for constant monitoring in professional activities. In many areas, employees are forced to show positive emotions, goodwill, and emotional engagement regardless of their own psychological state, which over time leads to emotional exhaustion.

Among the organizational causes of burnout, role factors are highly significant. Role-based conflicts are widespread in the workplace. They occur in situations where an employee is confronted with conflicting demands from management, colleagues, or clients. The need to balance between incompatible expectations increases emotional tension and creates a state of psychological instability. Equally important is role uncertainty, in which the employee does not have a clear understanding of their own responsibilities, performance evaluation criteria, and professional expectations on the part of management. An additional stressful factor is role overload, which is characterized by an excessive amount of tasks and increased requirements for labor productivity.

Interpersonal relationships within the organization are also a serious source of professional stress. Conflicts in the team, lack of support from colleagues, rigid management style, micromanagement, ill-considered load distribution and lack of constructive feedback negatively affect the psychological state of the staff. Data from a number of studies indicate that an unfavorable socio-psychological climate significantly increases the likelihood of developing professional burnout and reduces the level of organizational loyalty of employees [3].

An additional factor in the growth of professional stress and, as a result, emotional burnout is the high degree of uncertainty in the modern organizational environment. Constant changes in technology, digitalization of work processes, the need to adapt to new formats of interaction and increasing requirements for professional flexibility require constant intellectual and emotional stress from employees. As a result, even highly qualified specialists are gradually facing psychological overload.

In order to avoid difficulties in overcoming an already developed syndrome, greater emphasis should be placed on preventive measures. Their effectiveness is largely determined by the timely detection of signs of staff burnout. In the early stages of development, negative changes can manifest themselves in a decrease in motivation, a deterioration in the quality of communication, emotional irritability, increased conflict, impaired concentration, and a gradual decrease in labor productivity. Ignoring such signals leads to the accumulation of psychological stress and the subsequent transition of temporary stress to a stable state of

emotional exhaustion.

In this regard, one of the most important tasks for managers of modern organizations is the task of constantly monitoring the psychological state of employees. The most common tool is systematic monitoring of the peculiarities of employee interaction within the team, changes in their behavioral reactions, emotional state, and attitude to professional activity. However, observation alone is not sufficient for an objective assessment of the level of occupational stress. A significant role is played by the organization of managerial communication, which involves a regular dialogue between the manager and staff. Individual conversations allow you to identify hidden problems associated with overload, interpersonal conflicts, and dissatisfaction with working conditions. At the same time, it is particularly important to create an atmosphere of trust, in which employees feel comfortable discussing emerging difficulties openly without fear of negative consequences, rather than a formal interaction.

As part of the modern labor market, organizations are increasingly using psychological assessment tools to assess the level of stress, anxiety, and emotional burnout of employees. Standardized psychological techniques and diagnostic scales are used for this purpose, including the Maslach Burnout Inventory (MBI), a widely used professional burnout questionnaire developed by Kristina Maslach and Susan Jackson. Using such tools allows you not only to identify employees at risk, but also to analyze general trends in the psychological state of the team, identifying the most problematic areas of the organizational environment [10].

An important element of preventive work is the involvement of specialists, such as psychologists, mediators, HR analysts and experts in the field of corporate environment development. In large companies, this practice is gradually becoming part of a comprehensive human resource management system. The participation of such specialists makes it possible to increase the objectivity of diagnostics, develop personalized recommendations for every employee, and build long-term psychological support programs.

No less important in the prevention of burnout is a detailed analysis of existing organizational processes and personnel indicators. Increased staff turnover, an increase in the number of sick days, a decrease in staff involvement, an increase in conflict and a deterioration in production results can be considered as indirect indicators of an increased level of professional stress within the organization. A systematic analysis of such problems enables management to make adjustments to management decisions before burnout becomes widespread.

The implementation of certain solutions largely depends on the organization's willingness to change the internal work environment. Taking into account the fact that one of

the most significant factors of professional stress is an irrational distribution of workload, which manifests itself in excessive work intensity, constant overwork and lack of full recovery, optimization of work schedules, redistribution of responsibilities between employees and the introduction of more flexible forms of work organization are of particular importance.

The applied leadership style, as well as the management communication system, also has a serious impact on the psychological state of the staff. For example, an authoritarian style, excessive micromanagement, lack of constructive feedback, and lack of recognition of professional achievements create a sense of psychological instability and emotional pressure among employees. In contrast, a supportive management environment based on respect, recognition of performance, and employee involvement in decision-making helps reduce occupational stress and strengthen organizational loyalty. In support of this, research in the field of organizational psychology confirms that one of the most effective factors in preventing burnout is the recognition of the professional significance of an employee. Positive feedback from management, support for initiative, public recognition of achievements and creation of opportunities for professional growth contribute to strengthening the internal motivation of employees and creating a sense of professional value [1].

In modern HR management practice, corporate well-being programs are of particular importance. They are primarily focused not only on reducing the current level of stress, but also on creating a sustainable organizational culture that supports the psychological health of employees. Within the framework of such programs, companies implement trainings on the use of stress management tools, psychological counseling, measures to develop emotional intelligence, sports and wellness activities, as well as mechanisms to support the balance between professional and personal life.

At this stage, it is important to note that organizational changes alone cannot completely eliminate the risk of staff burnout. Even the most favorable working environment does not exclude the influence of individual psychological factors related to the personal characteristics of an employee, the level of his stress tolerance and the ability for emotional self-regulation. Based on this, an important area of preventive work is the formation of staff skills for self-management of stress.

Training programs and trainings on the development of stress tolerance, emotional self-regulation and psychological adaptation skills play a special role in this direction. Staff are trained in emotional state management techniques, psychological resource recovery techniques, time management basics, and ways to prevent chronic fatigue. Such measures are aimed both at reducing the level of current stress, and at forming stable mechanisms for employees to counteract stressful influences.

Along with this, a high level of social support within the team significantly reduces the

likelihood of developing emotional burnout. A favorable psychological climate, the presence of trusting relationships between colleagues, and the possibility of receiving emotional and professional support help to increase the adaptive potential of employees. In this regard, the formation of a culture of cooperation, mutual assistance and interaction within the organization becomes an important task of management.

As noted earlier, in the context of increasing labor intensity, the issue of managing and preventing emotional burnout, the causes of which lie in the growth of stress, goes beyond the purely psychological problems and becomes one of the key elements of the personnel management system. A set of organizational, behavioral and psychological mechanisms aimed at preventing, reducing and overcoming the negative consequences of stressful influences both at the individual and organizational levels is combined under the general term stress management.

In the modern HR management system, this activity is complex and includes several interrelated areas.

The first of them is related to operational stress management and involves reducing the current psycho-emotional stress of employees. This approach uses relaxation techniques, breathing practices, methods of emotional self-regulation, as well as various forms of psychological relief. Developing constructive coping skills is essential. In modern psychology, such mechanisms are referred to as "coping strategies". Among the most effective ways to deal with stress are regular physical activity, maintaining social contacts, proper rest, observing a sleep and rest regime, as well as engaging in activities that are not related to the main work responsibilities. Studies confirm that employees with developed psychological self-regulation skills can adapt much more easily to stressful conditions of professional activity [5].

The second direction of stress management is related to overcoming the consequences of chronic stress and restoring the psychological resources of employees. In this case, the formation of a culture of conscious care for one's own physical and emotional state is of particular importance. Organizations are increasingly implementing psychological health support programs, corporate counseling sessions, and activities designed to restore employees' emotional balance.

The third direction involves the development of staff stress tolerance in the long term. First of all, we are talking about developing the ability of employees to function effectively in conditions of increased stress and uncertainty without significant consequences for their mental and physical health. Skills of time management, prioritization, emotional intelligence, and self-awareness play an essential role in this process. The better an employee understands their own stress responses and mechanisms of psychological adaptation, the higher their ability to withstand the negative effects of professional stress.

Special attention should be paid to the fact that the maximum effectiveness of stress management is achieved only with a comprehensive combination of all these areas. One-time events or occasional programs of psychological support are not able to provide a sustainable result. Only the systematic implementation of stress management practices integrated into the organization's HR policy makes it possible to create a favorable work environment and reduce the risks of burnout [8].

At the same time, it is important to understand that professional stress is not always exclusively negative. A moderate level of tension can stimulate activity, increase concentration, and help to mobilize a person's internal resources.

In recent years, an increasing number of organizations have begun to consider programs to support the psychological well-being of employees not as an additional element of corporate culture, but as a strategic tool for human resource management. This trend has become especially noticeable against the background of an increase in professional workload, the spread of remote forms of employment, and an increase in the level of psycho-emotional stress among staff.

An interesting example of the systematic implementation of corporate well-being programs in Russian practice is the experience of a large insurance company VSK Insurance House. The need for work in this direction was associated with the results of internal diagnostics of the organizational environment. The company's management was faced with signs of increasing psycho-emotional stress of staff, a decrease in their satisfaction with working conditions and risks of increasing staff turnover. To obtain objective information, a comprehensive stress audit was conducted to identify the most problematic areas within the company. The "Work/Personal Life Balance" score was dangerously low (39 points out of 100), while the "Emotional Stress" scale (only 5 points) indicated accumulated fatigue and a high risk of employee burnout [12].

Based on the results of the study, a multi-level program of corporate well-being was developed, which is focused on several areas. The first element of the program was the implementation of advanced diagnostics of the health status of personnel using specialized digital tools for assessing biological age and the general level of physical condition of the body. Additionally, the institute of so-called "health leaders" - employees who have received special training in supporting corporate well-being and promoting a healthy lifestyle within the organization has been developed. Considerable attention was paid not only to the physical condition of employees, but also to issues of their psychological stability, emotional self-regulation and prevention of chronic stress. An important component of the program was the introduction of regular well-being events aimed at creating a culture of caring for psychological and physical health.

Evaluation of the practical effectiveness of the implemented measures showed a significant decrease in staff turnover. Prior to the launch of the program, this indicator reached about 30%, then after the implementation of measures it decreased to 12% [12]. For the organization, such changes had not only socio-psychological, but also obvious economic significance. The reduction in turnover allowed us to significantly reduce the costs (over 500 million rubles) associated with the selection, adaptation and training of new employees. In addition, the company recorded an increase in employee satisfaction indicators, an increase in the level of employee engagement, and a reduction in presenteeism.

The presented case clearly demonstrates that investments in stress management and corporate well-being programs can bring companies a measurable, and most importantly, tangible practical effect. It is important that positive dynamics are achieved not through individual motivational measures, but through a systematic approach that includes diagnostics, prevention, staff training and changing the organizational culture. At the same time, the success of such programs is largely determined by the involvement of the organization's management. The formation of a favorable psychological environment is impossible solely through the efforts of HR structures or invited specialists. Perhaps the key condition is the support of initiatives on the part of the management staff, the willingness of management to review organizational processes and take into account the psychological needs of employees when making managerial decisions.

The analysis conducted in this study suggests that professional stress and emotional burnout are currently one of the most significant socio-psychological and managerial problems for modern organizations. Accelerating the pace of professional activity, increasing labor intensity, a high degree of uncertainty in the external environment, and the constant complication of organizational processes create conditions under which psycho-emotional stress becomes a stable element of the work of a significant part of employees.

Burnout syndrome is a complex multi-factorial phenomenon that is formed under the influence of both internal and external factors. At the same time, it is the organizational environment that in many cases becomes a key source of chronic occupational stress. Irrational load distribution, lack of managerial support, a high level of role uncertainty, conflict within the team, lack of opportunities for full recovery, and constant emotional stress gradually lead to the depletion of individual adaptive resources and reduced employee effectiveness [6].

Of particular importance is the fact that the consequences of burnout affect not only the psychological state of employees, but also the key performance indicators of the organization, including financial ones, which influences its competitiveness and sustainability in the long term. Individual local measures are not able to provide a sustainable reduction in the level of occupational stress. Effective prevention of burnout requires a comprehensive

approach that involves integrating stress management mechanisms into the overall HR management system. Of particular importance is the development of employees' skills of independent stress management and psychological self-regulation, since even the most favorable organizational environment does not exclude the influence of individual personality traits, the level of stress tolerance and the ability of a person to adapt to professional uncertainty.

The practical experience of Russian organizations (for example, VSK Insurance House) confirms that investments in corporate well-being programs have high management and cost effectiveness. The introduction of systematic stress management programs helps reduce staff turnover, increase staff engagement, strengthen organizational loyalty, and improve production performance. In addition, creating a psychologically safe work environment is becoming an important factor in strengthening the organization's HR brand and increasing its attractiveness in the labor market.

However, an important factor in this direction is the further development of scientific research and the development of practical tools and techniques. Of particular interest is the assessment of the long-term effectiveness of stress management programs, the analysis of the impact of digital technologies and artificial intelligence on the psychological state of personnel, as well as the study of industry-specific occupational stress. The issues of personalization of psychological support programs and adaptation of foreign practices of corporate well-being to Russian organizational conditions require detailed examination.

References

1. Axmetgalieva E. I. Èmocial'noe vy`goranie sotrudnikov sovremennoj organizacii: diagnostika i profilaktika / E. I. Axmetgalieva // *Sovremennaya nauka: aktual'ny`e problemy` teorii i praktiki*. Seriya: Poznanie. – 2020. – № 7. – S. 34-37.
2. Belasheva I. V. Stress-menedzhment v kadrovoj sluzhbe / I. V. Belasheva, A. D. Lozhechkina. – Stavropol` : Izd-vo SKFU, 2019. – 127 s.
3. Bogdanova N. A. Organizacionnaya psixologiya v e`mpiricheskix issledovaniyax : prakticheskoe posobie / N. A. Bogdanova [i dr.]. – Tula : TulGU, 2022.
4. Ozernikova T. G. Blagopoluchie personala v sisteme upravleniya chelovecheskimi resursami : monografiya / T. G. Ozernikova. – Moskva : INFRA-M, 2026. – 373 s.
5. Ponomareva M. A. Determinanty` organizacionnogo stressa i sposoby` ego profilaktiki / M. A. Ponomareva // *Problemy` upravleniya*. – 2023. – № 1. – S. 33-40.
6. Rozhdestvenskaya E. M. Real'ny`e potrebnosti sotrudnikov organizacii / E. M. Rozhdestvenskaya, P. E. Xamidov, D. P. Nepomnyashhix // *Vektory` blagopoluchiya: e`konomika i socium*. – 2025. – T. 53, № 1. – S. 33-42.

7. Salmenkova M. V. Professional'nyj stress i osobennosti e'mocional'nogo vy`goraniya v e`kstremal'noj situacii / M. V. Salmenkova, E. V. Kuzneczova // Forum molody`x ucheny`x. – 2019. – № 2 (30). – S. 1324-1327.
8. Shevchenko E. A. Aprobaciya programmy` antistressovogo menedzhmenta dlya kompensacii psixoe`mocional'nogo ushherba sotrudnikam pri avtoritarnom stile rukovodstva / E. A. Shevchenko // Molodoj uchenoj. – 2025. – № 39 (590). – S. 111-113.
9. Shirokov V. A. Profilaktika sindroma e`mocional'nogo vy`goraniya v razlichny`x professional'ny`x gruppax (analiticheskij obzor) / V. A. Shirokov, A. V. Novikova [i dr.] // Klinicheskaya i special'naya psixologiya. – 2023. – T. 12, № 4. – S. 150-170.
10. Solovova N. V. Strategii razvitiya stressoustojchivogo povedeniya personala organizacii / N. V. Solovova, O. Yu. Kalmy`kova. – Samara : Samarskij universitet, 2022.
11. Vodop`yanova N. E. Stress-menedzhment / N. E. Vodop`yanova. – 2-e izd., ispr. i dop. – Moskva : Yurajt, 2021. – 283 s.
12. Vukovich N. A. Korporativny`e programmy` blagopoluchiya sotrudnikov: sovremenny`e podxody` i perspektivy` razvitiya / N. A. Vukovich // Vektory` blagopoluchiya: e`konomika i socium. – 2024. – № 1. – S. 45-52.

JURISPRUDENCE AND LAW

UDC 349.2

Boeva G. A. Local government authorities as subjects of labor relations

Органы местного самоуправления как субъекты трудовых правоотношений

Boeva Galina Alexandrovna,

Candidate of Law Sciences, Acting Head of the Department of Legal Disciplines,
Dimitrovgrad Engineering and Technological Institute of the National Research Nuclear University
MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), Russia, Dimitrovgrad

Боева Галина Александровна,
Кандидат юридических наук, и. о. заведующего кафедры правовых дисциплин,
Димитровградский инженерно-технологический институт – филиал федерального
государственного автономного образовательного учреждения высшего образования
«Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Россия, г. Димитровград

Abstract. The article is devoted to the consideration of the concept of local government authorities from the point of view of an element of the unified system of state power in the Russian Federation. Based on the legislative definition of the concept of local government authorities, the key features of this legal category are highlighted. The legal regime of the organization of local government authorities is analyzed by taking into account the changes in legislation over the past few years. Various aspects of the implementation of local government authorities' powers as a subject of labor relations are explored. In the article a system of elements of the participation of local government authorities as a subject of labor relations is formulated and a description of the implementation of labor relations within each element is provided. It is concluded that local government authorities are subjects of labor relations in both direct and indirect forms. The materials presented in the article may be useful for specialists carrying out their activities.

Keywords: local government authorities, labor relations, labor law, municipal service, subject of labor relations, municipal entity, employer's representative.

Аннотация. В статье рассматривается понятие органов местного самоуправления с позиции элемента единой системы публичной власти в Российской Федерации. На основе законодательного определения понятия органов местного самоуправления выделены ключевые признаки данной правовой категории. Анализируется правовой режим организации деятельности органов местного самоуправления с учетом изменения законодательства за последние годы. В статье исследуются различные аспекты реализации органами местного самоуправления своих полномочий в качестве субъекта трудовых отношений. Сформулирована система элементов участия органов местного самоуправления в качестве субъекта трудовых правоотношений, предложена характеристика реализации трудовых отношений в рамках каждого из них. Сделан вывод о том, что органы местного самоуправления являются субъектами трудовых правоотношений как в прямой, так и в опосредованной форме. Материалы, изложенные в статье, могут быть полезными для специалистов, осуществляющих свою деятельность в органах местного самоуправления, для проработки новых подходов в сфере трудовых отношений и их изложения в нормативных актах муниципального уровня; а также стать исходным источником для дальнейших научных исследований по теме.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, трудовые правоотношения, трудовое право, муниципальная служба, субъект трудовых правоотношений, муниципальное образование, представитель нанимателя.

Рецензент: Криволапова Людмила Валентиновна - кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории государства и права и муниципального права.

Оренбургский государственный университет

Введение. Институт местного самоуправления в последнее время находится на пике внимания со стороны государства, проявляющегося в комплексном реформировании законодательства в этой сфере. Начиная с Конституции РФ, измененной в 2020 году и внесшей органы местного самоуправления в единую систему публичной власти, затем последовавшее принятие нового закона об общих принципах местного самоуправления. Далее поэтапно происходили и продолжают происходить изменения других нормативно-правовых актов разных уровней, регулирующих правоотношения, так или иначе связанные с органами местного самоуправления или с муниципальной службой. Тем не менее, есть отдельные виды правоотношений, которые, с одной стороны, регулярно возникают в органах местного самоуправления, а с другой стороны, их правовая регламентация вызывает немало вопросов на практике. К таким правоотношениям среди прочих относятся трудовые правоотношения. Органы местного самоуправления представляют собой правовую категорию, обладающую специфическим правовым статусом во многих видах правоотношений. Не являются исключением и трудовые правоотношения. Целью данной статьи является комплексный теоретико-правовой анализ правового статуса органов местного самоуправления в качестве субъекта трудовых правоотношений.

Материалы и методы. Правовые аспекты трудовых отношений в органах местного самоуправления является мало разработанной в науке темой. Несколько диссертационных работ затрагивают отдельные аспекты данной тематики, как например, работа С. Е. Чаннова, в которой рассматривается административно-правовая модель регулирования служебных отношений [10], или научный труд Е. А. Лазуковой, в котором выявлены особенности трудовой карьеры российских государственных и муниципальных служащих [9] и другие. Однако, они рассматривают указанные аспекты не в юридическом ключе, а в большей степени с экономической или социологической точек зрения. Наиболее полной представляется монография Л. В. Зайцевой [8], в которой выделены теоретические и практические проблемы участия органов местного самоуправления в управлении социально-трудовой сферой на уровне муниципального образования. Однако, данная работа была написана более десяти лет назад. Таким образом, следует констатировать, что актуальные комплексные научные работы по заявленной теме отсутствуют, что подчеркивает потребность в настоящем исследовании и его своевременность.

Методологической основой исследования являются общенаучные и частнонаучные методы познания. В работе использованы методы описания, аналитики, обобщения; также применялись системный, формально-юридический, сравнительно-правовой и другие методы.

Результаты исследования. Новый виток правовому регулированию и научным дискуссиям по поводу сущности и правовой природы органов местного самоуправления задали существенные изменения Конституции Российской Федерации, произошедшие в 2020 году. Именно с этого периода в научном и профессиональном обиходе появляется категория «публичная власть», которая нашла свое отражение в Конституции РФ и отдельных федеральных законах.

В ч. 3 ст. 132 Конституции РФ [1] сформулировано положение о том, что органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти, наряду с органами государственной власти.

Правовой режим организации деятельности органов местного самоуправления определяется Федеральным законом от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [3] (далее – Закон № 33-ФЗ). В данном законе сформулировано официальное определение органов местного самоуправления. В соответствии с ч. 1 ст. 13 Закона № 33-ФЗ органы местного самоуправления – это «избираемые непосредственно населением или образуемые представительным органом муниципального образования органы, наделенные собственными полномочиями по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения». Если сравнить данное определение с тем, которое было приведено в ныне не действующей статье 2 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4] (далее – Закон № 131-ФЗ), который утрачивает силу с 1 января 2027 года, то можно увидеть, что в большей степени они аналогичные, за исключением того, что в статье нового закона органы местного самоуправления наделены полномочиями по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, тогда как ранее эти вопросы именовались как «вопросы местного значения».

Из принятого законодателем определения органов местного самоуправления можно вывести следующие их признаки.

Во-первых, органы местного самоуправления, как уже упоминалось ранее, относятся к органам публичной власти.

Во-вторых, органы местного самоуправления могут формироваться посредством использования двух способов. Первый способ – это избрание непосредственно населением. Второй способ – это образование представительным органом муниципального образования. Возвращаясь к определению, данному в Законе № 131, можно увидеть, что формулировка статьи предполагала наличие третьего способа формирования органов местного самоуправления: одновременно избранием непосредственно населением и образованием представительным органом

муниципального образования. В ныне действующем законодательном акте такой способ не установлен.

В-третьих, органы местного самоуправления наделены собственными полномочиями по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. Обращает на себя внимание подчеркивание законодателем предоставленное органам местного самоуправления на конституционном уровне право самим решать вопросы жизнеобеспечения собственного населения.

Непосредственное обеспечение жизнедеятельности населения – понятие, которое впервые было закреплено в Законе № 33-ФЗ, заменив понятие «решение вопросов местного значения», употреблявшееся в ранее действующем Законе № 131-ФЗ. Законодательное закрепление полномочий по непосредственному обеспечению жизнедеятельности населения позволяет подразделить их на три группы:

- полномочия, которые не подлежат перераспределению между органами местного самоуправления и государственными органами субъекта РФ;
- полномочия, которые могут быть перераспределены в пользу решения их органами власти субъекта РФ
- полномочия, которые, являясь полномочиями органов государственной власти субъекта РФ, напротив, могут быть перераспределены в пользу решения их органами местного самоуправления РФ. Касаясь непосредственно трудовых правоотношений, следует отметить, что органы местного самоуправления выступают в них субъектом в нескольких аспектах.

В таблице 1 приведена систематизация элементов участия органов местного самоуправления в качестве субъекта трудовых правоотношений.

Таблица 1

Органы местного самоуправления как субъект трудовых отношений

Элементы участия ОМСУ в качестве субъекта трудовых правоотношений	Краткая характеристика реализации трудовых отношений
Законотворческая деятельность в сфере трудовых отношений	<ul style="list-style-type: none">✓ уполномочены принимать нормативно-правовые акты, содержащие нормы трудового права, в рамках своей компетенции; действие нормативно-правовых актов распространяется только на территорию своего муниципального образования,✓ нормативно-правовые акты не должны противоречить нормам федерального и регионального законодательства.✓ право органов местного самоуправления по изданию актов, содержащих нормы трудового права, ограничивается возможностями местного бюджета.

Элементы участия ОМСУ в качестве субъекта трудовых правоотношений	Краткая характеристика реализации трудовых отношений
Выступают в роли работодателя	<ul style="list-style-type: none"> ✓ с работниками органов местного самоуправления заключают трудовой договор на стороне работодателя; ✓ с муниципальными служащими заключают трудовой договор на стороне представителя нанимателя;
Ведущая роль в карьерном росте муниципального служащего	<ul style="list-style-type: none"> ✓ принимают окончательное решение о дальнейшем трудовом и карьерном статусе муниципального служащего по результатам аттестации.
Полномочия по реализации отдельных норм ТК РФ муниципальными служащими	<ul style="list-style-type: none"> ✓ принятие решения по расторжению трудового договора по специальным основаниям, предусмотренным Законом № 25-ФЗ; ✓ реализация норм по режиму труда и отдыха, денежному содержанию муниципальных служащих (в форме принятия нормативно-правовых актов, предусматривающих дополнительные отпуска; доплаты к денежному содержанию и т.д.).
Непосредственное участие в соглашении о социальном партнерстве	<ul style="list-style-type: none"> ✓ цель – установление и реализация общих принципов регулирования социально-трудовых и связанных с ними экономических отношений, гарантий и льгот, предоставляемые работникам на территории муниципального образования.
Организация финансирования бюджетных учреждений в части исполнения ими трудовых обязательств	<ul style="list-style-type: none"> ✓ непосредственное участие в вопросах, регулируемых трудовым законодательством, которые касаются трудовой деятельности работников организаций и учреждений, финансируемых из бюджета муниципального образования. К их числу, в частности, относятся учреждения здравоохранения, культуры, государственные образовательные учреждения.

Согласно ст. 5 Трудового кодекса Российской Федерации [2] (далее – ТК РФ) органы местного самоуправления уполномочены принимать нормативно-правовые акты, содержащие нормы трудового права, в рамках своей компетенции. Это могут быть как отдельные правовые акты (постановления, распоряжения), так и нормы, включаемые в состав общих правовых актов (Устав муниципального образования). Специфика принимаемых органами местного самоуправления правовых актов в трудово-правовой сфере заключается в том, что их действие распространяется только на территорию своего муниципального образования, а также они не должны противоречить нормам федерального и регионального законодательства. Кроме того, право органов местного самоуправления по изданию актов, содержащих нормы трудового права, ограничивается возможностями бюджетного финансирования дополнительных льгот и преимуществ работников за счет средств муниципального образования.

Важным аспектом реализации органами местного самоуправления полномочий субъекта трудовых правоотношений является то, что они выступают в роли работодателя при определенных условиях. Выше уже упоминалось, что согласно ч. 3

ст. 2 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [5] (далее – Закона № 25-ФЗ) органы местного самоуправления в лице главы муниципального образования, руководителя органа местного самоуправления или иного уполномоченного лица, выступают в качестве представителя нанимателя для муниципальных служащих в процессе их поступления на муниципальную службу. Уполномоченные лица органов местного самоуправления наделены правом заключать, изменять и расторгать трудовой договор с муниципальным служащим. Кроме того, в ч. 9 ст. 16 ТК РФ четко сформулировано положение, согласно которому сторонами трудового договора, заключаемого при поступлении на муниципальную службу, являются муниципальный служащий, выступающий в качестве работника в трудовых правоотношениях, и представитель нанимателя (в лице уполномоченных лиц органов местного самоуправления), выступающий в качестве работодателя.

Помимо заключения трудового договора с муниципальным служащим представитель нанимателя в рамках трудовых правоотношений также имеет такие полномочия, как принятие решений по карьерному статусу муниципального служащего по результатам аттестации. Поскольку, в соответствии с ч. 3 ст. 18 Закона № 25-ФЗ материалы аттестации передаются представителю нанимателя, то именно данный субъект трудовых правоотношений и может принять окончательное решение о том, поощрить ли сотрудника за особые успехи, либо направить на повышение квалификации или переподготовку, либо подвергнуть сотрудника дисциплинарному взысканию, или же вовсе расторгнуть трудовой договор при наличии соответствующих на то оснований.

Специфика реализации статуса представителя нанимателя уполномоченным лицом органов местного самоуправления заключается еще и в том, что помимо общих оснований для расторжения трудового договора, предусмотренных в ТК РФ, Законом № 25-ФЗ для муниципальных служащих предусмотрены еще и специальные основания. К ним относятся, в частности, такие как:

- достижение предельного возраста для замещения должности муниципальной службы;
- несоблюдения ограничений и запретов, связанных с муниципальной службой;
- применения административного наказания в виде дисквалификации;
- приобретения муниципальным служащим статуса иностранного агента.

Расторжению трудового договора по указанным основаниям предшествуют определенные процедуры, которые осуществляются при непосредственном участии

представителя нанимателя в лице уполномоченных лиц органов местного самоуправления.

Также в статусе представителя нанимателя органами местного самоуправления реализуются такие правомочия в рамках трудовых отношений, как предоставление отпуска муниципальному служащему без сохранения денежного содержания продолжительностью не более одного года (ч. 6 ст. 21 Закона № 25-ФЗ); применение дисциплинарных взысканий по отношению к муниципальному служащему в случае совершения им дисциплинарного проступка (ч. 1 ст. 27 Закона № 25-ФЗ) и другие.

Следует отметить, что в органах местного самоуправления помимо муниципальных служащих осуществляют трудовую деятельность и иные лица, которые не имеют данного статуса. Ст. 349.6 ТК РФ именует таких лиц работниками органов местного самоуправления. К ним относятся лица, которые на основании трудового договора замещают в органах местного самоуправления должности, которые не являются должностями муниципальной службы. По отношению к гражданам данной категории распространяется действие трудового законодательства. В этом случае руководитель органа местного самоуправления для них будет иметь статус работодателя.

Аналогичным образом трудовое законодательство распространяется и на лиц, являющихся руководителями или работниками муниципальных учреждений. Для них работодателем также является уполномоченное должностное лицо соответствующего органа местного самоуправления.

Еще одним аспектом в реализации своего статуса в трудовых правоотношениях органами местного самоуправления является то, что они могут являться участником соглашений о социальном партнерстве. Так, например, между Федерацией профсоюзов Ульяновской области, работодателями муниципального образования «Мелекесский район» Ульяновской области, администрацией муниципального образования «Мелекесский район» Ульяновской области заключено территориальное соглашение о социальном партнерстве [6]. Основной целью данного соглашения является установление и реализация общих принципов регулирования социально-трудовых и связанных с ними экономических отношений, гарантий и льгот, предоставляемые работникам на территории Мелекесского района.

Также органы местного самоуправления Мелекесского района являются инициаторами создания территориальной трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений на территории муниципального образования «Мелекесский район» Ульяновской области [7]. Одной из задач данной комиссии, среди прочих, является содействие договорному регулированию социально-трудовых отношений на территории района.

Участие органов местного самоуправления в различных соглашениях в рамках социального партнерства регулируется разделом 2 ТК РФ, где в статье 25 указано, что одной из сторон социального партнерства могут являться органы местного самоуправления, в случаях, когда они выступают в качестве работодателей, а также в других случаях, предусмотренных трудовым законодательством.

Еще одним аспектом правового статуса органов местного самоуправления в контексте трудовых правоотношений является их непосредственное участие в вопросах, регулируемых трудовым законодательством, которые касаются трудовой деятельности работников организаций и учреждений, финансируемых из бюджета муниципального образования. К их числу, в частности, относятся учреждения здравоохранения, культуры, государственные образовательные учреждения.

Несмотря на то, что статусом работодателя в данных учреждениях обладают сами учреждения в лице их непосредственных руководителей, их финансирование из бюджета муниципального образования, порой, не позволяет им принимать необходимые решения по многим вопросам, в том числе, касающимся трудовых правоотношений. В частности, работодатель бюджетного учреждения, в частности, в вопросах вынесения в отношении него предписания о взыскании заработной платы в пользу работников, решить эту проблему в реальности не всегда в состоянии. Решение данного вопроса как раз является прерогативой органов местного самоуправления, которые должны осуществлять финансирование организации, с которой работники состоят в трудовых отношениях. В этой связи становится очевидным, что обязанность по осуществлению финансирования в рассматриваемой ситуации возникает у органов местного самоуправления не только перед организацией, существующей за счет муниципального бюджета, но и перед работниками, которые не получают заработную плату вследствие недостаточного финансирования.

Прогнозируя дальнейшее развитие событий в рамках описываемой ситуации, можно констатировать, что в подобных случаях существует возможность для взыскания в солидарном порядке с организации и органа местного самоуправления невыплаченной работникам заработной платы, в рамках предусмотренной законодательством ответственности за совместное неправомерное действие работодателя и органов местного самоуправления. Последующее правовое взаимодействие работодателя и органов местного самоуправления возможно по двум сценариям:

– предъявление органами местного самоуправления претензии к работодателю за нецелевое расходование бюджетных средств, выделенных для выплаты заработной платы работникам;

– предъявление работодателем требований, необходимых для исполнения своих обязанностей, к органам местного самоуправления, финансирующим бюджетные учреждения.

Таким образом, в описываемой ситуации и иных подобных ситуациях органы местного самоуправления также являются субъектом трудовых правоотношений.

Заключение. Резюмируя, следует отметить, что органы местного самоуправления являются субъектами трудовых правоотношений как в прямой, так и в опосредованной форме. Прямая форма участия заключается в установленном для уполномоченных лиц органов местного самоуправления статуса представителя нанимателя для муниципальных служащих и работодателя для работников, замещающих на основании трудового договора в органах местного самоуправления должности, которые не являются должностями муниципальной службы. Опосредованная форма заключается в участии органов местного самоуправления в правоотношениях, относящихся к трудовой сфере, в качестве органа публичной власти конкретного муниципального образования. К таким формам участия относятся нормативное регулирование отдельных направлений деятельности в сфере труда, социальное партнерство, бюджетирование мероприятий в сфере обеспечения занятости населения, организация контрольных мероприятий по соблюдению трудового законодательства подведомственными учреждениями и другие формы.

References

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
2. Трудовой кодекс Российской Федерации» от 31.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 09.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (Ч.1). – Ст. 3.
3. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 12. – Ст. 1200.
4. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
5. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 10. – Ст. 1152.

6. Территориальное соглашение между Федерацией профсоюзов Ульяновской области, работодателями муниципального образования «Мелекесский район» Ульяновской области, администрацией муниципального образования «Мелекесский район» Ульяновской области на 2021-2023 годы [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://adm-melekess.gosuslugi.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/ekonomicheskaya-deyatelnost/rynok-truda/sotsialnoe-partnerstvo/> (дата обращения 15.12.2025).

7. Решение Совета депутатов муниципального образования «Мелекесский район» Ульяновской области от 05.09.2018 № 65/399 «Об утверждении Положения о территориальной трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений на территории муниципального образования «Мелекесский район» Ульяновской области» [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://adm-melekess.ru/files/65.399_Reshenie_o_trestor_komis_po_regul_sots_trud_otnoshen_2018.doc (дата обращения 15.12.2025).

8. Зайцева Л. В., Правовые проблемы муниципального управления в сфере труда: монография. – М.: ООО "Издательство "Спутник+", 2004. – 172 с.

9. Лазукова Е. А. Трудовая карьера государственных и муниципальных служащих современной России: дисс. канд. социол. наук. – Нижний Новгород, 2016. – 241 с.

10. Чаннов С. Е. Административно-правовая модель регулирования служебных отношений в Российской Федерации: понятие и основные черты: дисс...докт. юрид. наук. – Саратов, 2009. – 440 с.

UDC 341.27

Dzholchibekova N.D. The role of the United Nations in the field of human rights protection

Роль ООН в сфере защиты прав человека

Dzholchibekova Nurzhamal Dzholchibekovna

2nd year Master's student in International Relations at the Patrice Lumumba Russian University of Friendship of Peoples

Scientific Supervisor: **Bokeriya Svetlana Aleksandrovna**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations; Patrice Lumumba Russian University of Peoples' Friendship
Джолчибекова Нуржамал Джолчибековна

Магистр 2 курса по направлению «Международные отношения» Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Научный руководитель: Бокерия Светлана Александровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений;
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Abstract. *The study analyzes the role of the United Nations in the protection of human rights at the present stage, with an emphasis on the effectiveness of its mechanisms in humanitarian crises and conflicts. The paper examines the legal framework of the United Nations in the field of human rights protection, including key international documents. The practical work of the organization's mechanisms, such as monitoring violations, humanitarian assistance, adoption of resolutions and investigations, is also assessed using examples of modern conflicts (in Syria, Myanmar). The main problems present in the field of human rights protection in the work of the United Nations have also been identified, which include the lack of coercive instruments, the politicization of Security Council decisions, resource constraints and difficulties in accessing conflict zones. In general, the results can be useful to international organizations, national governments, diplomatic agencies, and the academic community to understand the weaknesses of the United Nations and identify prospects for cooperation in the field of human rights protection.*

Keywords: UN, human rights, humanitarian crisis, conflict, effectiveness of regulatory mechanisms, Universal Declaration of Human Rights, resolution, Human Rights Council, international documents, protection.

Аннотация. Исследование посвящено анализу роли Организации объединённых наций в защите прав человека на современном этапе, с акцентом на эффективность её механизмов в условиях гуманитарных кризисов и конфликтов. В работе рассматривается нормативно-правовая база ООН в сфере защиты прав человека, включая ключевые международные документы. Также на примерах современных конфликтов (в Сирии, Мьянме) оценивается практическая работа механизмов данной организации, например таких, как мониторинг нарушений, гуманитарная помощь, принятие резолюций и расследования. Выявлены и основные проблемы, присутствующие в сфере защиты прав человека в работе ООН, к которым относится отсутствие принудительных инструментов, политизация решений Совета Безопасности, ресурсные ограничения и сложности доступа в зоны конфликтов. В целом, результаты могут быть полезны международным организациям, национальным правительствам, дипломатическим ведомствам и академическому сообществу для понимания слабых мест ООН и определения перспектив сотрудничества в сфере защиты прав человека.

Ключевые слова: ООН, права человека, гуманитарный кризис, конфликт, эффективность механизмов регулирования, Всеобщая декларация прав человека, резолюция, Совет по правам человека, международные документы, защита.

Рецензент: Криволапова Людмила Валентиновна - кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории государства и права и муниципального права.

Оренбургский государственный университет

Защита прав человека является ключевым приоритетом международного сообщества, что чётко прописано во «Всеобщей декларации прав человека»: «Признание присущего достоинства, а также равных и неотъемлемых прав всех людей является основой свободы, справедливости и мира во всём мире» [2].

Главенствующее место в продвижении подобных стандартов занимает ООН (Организация объединённых наций), которая была основана ещё в 1945 году. Её идеи основываются на таких трёх столпах, как мир и безопасность, развитие и права человека, благодаря ей появилось общее понимание сути термина «права человека». Особенно следует подчеркнуть, что подобная организация идёт в ногу со временем и по-прежнему остаётся единственным местом на Земле, где все нации могут собираться вместе и обсуждать общие проблемы, находить общие решения этих проблем, которые принесут пользу всему человечеству [5].

Однако в настоящее время требуется переосмысление роли данной организации в защите прав человека в первую очередь из-за того, что очень сильно за последнее время возросло число гуманитарных кризисов, которые к тому же сопровождаются прямым нарушением прав человека в различных уголках мира. Данный факт можно подтвердить следующими словами: «За последнее время мы стали очевидцами ошеломляющего роста числа чрезвычайных ситуаций – возникают новые кризисы, а неурегулированные только усугубляются, расширяя границы наших возможностей, – отметила Доминик Хайд, являющаяся главой департамента внешних связей УВКБ ООН» [10].

Например, в той же Украине сейчас происходит чрезвычайная гуманитарная ситуация – семь миллионов человек вынуждены жить в качестве беженцев в других странах, пятьдесят процентов из них потеряли любой источник дохода, у них больше нет дома. В основном это женщины, дети, пожилые люди [8].

Именно поэтому актуальность данного исследования обуславливается необходимостью переосмысления существующих в ООН механизмов по защите прав человека.

В связи с этим мы ставим перед собой такую цель – выявить роль ООН в защите прав человека на современном этапе, оценить эффективность механизмов данной организации в этой сфере и предложить несколько путей для их совершенствования.

Для её решения необходимо решить следующие задачи:

- Проанализировать нормативно-правовую базу ООН в сфере защиты прав человека;
- Оценить эффективность действующих механизмов по защите прав человека в этой организации на примере нескольких современных конфликтов;

- Выявить в них проблемы и предложить несколько способов для их решения.

Из этого вытекает, что предметом данного исследования выступают современные механизмы защиты прав человека, созданные под эгидой ООН.

Его научная новизна же кроется в том, что в нём будет проведён всесторонний анализ эффективности работы данной организации в сфере защиты прав человека с учётом современных гуманитарных кризисов.

Результаты данного исследования могут быть полезны международным организациям, преимущественно для ООН для понимания своих слабых мест, для национальных правительств и дипломатических ведомств, которые смогут оценить вклад данной организации по защите прав человека и, следовательно, определить дальнейшие перспективы сотрудничества с ней. А также для образовательных учреждений и академического общества в целом для наглядности изучения международных отношений, основ мировой политики и так далее.

Материалы и методы исследования

В качестве методов нами были задействованы сравнительно-правовой, системный и статистический методы. Из материалов - различные правовые документы Организации объединённых наций, научные источники и статистические данные.

Апелляция к оппонентам

В настоящее время всё более и более отчётливо проявляет себя скептическое отношение к Организации объединённых наций многих исследователей, простых людей и даже некоторых лидеров государств. Например, В. В. Никуленков в своей работе «К вопросу о системной критике ООН» отметил, что на данный момент подобная организация представляет собой сборище очень хорошо оплачиваемых бюрократов, которые приносят пользу только самим себе [4, с. 154].

Такой известный политик в России, как А. Г. Дугин, также считает, что Организация объединённых наций в современных реалиях не справляется со своими функциями, которые касаются обеспечения безопасности и разрешения международных споров мирным путём [1, с. 148].

Американский политик Ховард Джеймс Калугян высказался по отношению к ООН ещё более нелестно: «В ООН работают маньяки, воры и мародёры, которые ещё и мешают Америке бороться с терроризмом» [4, с. 158].

Однако также есть и те люди, которые настроены к данной организации оптимистично, отмечая её достижения и заслуги, к которым следует отнести формирование универсальных стандартов в сфере защиты прав человека, создание

механизмов мониторинга и мобилизации мирового сообщества для реагирования на различные кризисы. Среди подобных исследователей следует выделить С. А. Морозову, которая подчеркивает: «ООН продолжает оставаться важной международной дипломатической институцией, играющей ключевую роль в содействии к сотрудничеству, миру и безопасности в мире. Её история служит ярчайшим примером того, как международные сообщества могут сотрудничать для достижения общих целей и решения сложных проблем» [3, с. 262].

Председатель Российской ассоциации содействия ООН А. В. Торкунов отмечает, что принципы данной организации всё ещё живы и значимы для современного мира [1, с. 150].

Таким образом, можно сказать, что в настоящем времени наблюдается противоречивая оценка роли ООН в сфере защиты прав человека, которая в большинстве своём обуславливается такими факторами, как разные критерии оценки эффективности – одни фокусируются исключительно на нерешённых проблемах данной организации, тогда как другие заостряют внимание на достигнутых результатах; следует заметить и то, что отношение к Организации Объединённых наций зависит от позиции страны на международной арене. И, конечно, следует помнить, что она возникла в далёком 1945 году для предотвращения мировых войн, однако в современном мире возникли совершенно другие проблемы (миграционные кризисы, киберпреступность и другое), к которым ООН по ряду причин оказалась не готовой.

Результаты исследования

Отметим, что нормативно-правовая база ООН в сфере защиты прав человека включает в себя ряд важных документов, формирующих основу международной политики в данной области. К подобным документам следует отнести уже приводимую в данной работе «Всеобщую декларацию прав человека», являющуюся основополагающим документом в данной организации. Заметим, что она не имеет обязательной юридической силы, но её положения во многие международные договора и национальные законодательства. Например, в Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый в декабре 1966 года и закрепивший за человеком права на свободу вероисповедования, слова, справедливое судебное разбирательство; в Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, также принятый в декабре 1966 года. Последний документ официально закрепил права человека, касающиеся его образования, социального обеспечения, достойный уровень жизни, охрану здоровья.

Впоследствии в ООН были приняты и другие документы – Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979), Конвенция против пыток, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984), Конвенция о правах ребёнка (1989), Конвенция о правах инвалидов (2006).

Для обеспечения же защиты человеческих прав ООН создала целый ряд механизмов, к которым следует отнести комитеты независимых экспертов, занимающиеся контролем исполнения обязательств по международным договорам странами-участниками, систему независимых экспертов, занимающихся посещением разных стран, исследованиями и публикацией отчётов, а также рекомендаций, как следует улучшить права человека в том или ином регионе.

Однако самым важным органом в данной организации является Совет по правам человека, который принимает резолюции, служащие руководящими принципами для различных государств в этой сфере, а также проводящий специальные расследования, если того требует ситуация.

Теперь, когда мы имеем полноценное представление о нормативно-правовой базе ООН, перейдём к изучению того, как она работает на практике, чтобы самостоятельно оценить её эффективность.

Например, в контексте Сирийского конфликта Организация объединённых наций стремилась проводить, расследования, собирать факты в сфере нарушения человеческих прав, координировал доставку гуманитарной помощи в зоны данного конфликта и, конечно, сам Совет регулярно выступал с тем, что идёт серьёзное нарушение человеческих прав, призывал конфликтующие стороны прекратить акты насилия.

Очень трудно переоценить значение резолюции СБ ООН № 2118, которая была принята 27 сентября 2017 года и способствующая уничтожению химического оружия в Сирии, и тем самым ООН в этом конфликте полностью оправдал свою функцию – обеспечил мир и безопасность на сирийской территории, не допустив развёртывание конфликта в неконтролируемую плоскость [9, с. 168].

Однако в конфликте в Мьянме, начавшемся в 2021 году, ООН также приняла ряд решений – обеспечивала гуманитарную помощь, проводила расследования, выявив грубейшие нарушения прав человека, которые включали сексуальное насилие, этнические чистки и так далее. Совет данной организации в это время призывал к международным санкциям, публично осуждал действия властей Мьянмы. Однако в урегулировании подобного конфликта ООН оказалась бессильна, так как правительство Мьянмы наложило ограничения на действия журналистов, наблюдателей

за соблюдением прав человека, местные и международные НПО, различные организации по оказанию гуманитарной помощи и, конечно, ООН [7, с. 46].

Из всего сказанного вытекает, что деятельность ООН в целом эффективна, однако заметим, что у ней нет принудительных механизмов воздействия при регулировании конфликтов, в связи с чем некоторые государства вполне могут проигнорировать рекомендации и резолюции данной организации без серьёзных последствий для себя, и это является существенным минусом. Также решения Совета ООН могут просто блокироваться из-за вето постоянных членов, как это произошло в Мьянме и, конечно, Управление Верховного комиссара этой организации постоянно сталкивается с нехваткой финансирования и людей, что также способствует ограничению их возможностей в регулировке того или иного конфликта. Данный факт подтверждается следующими словами: «Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) объявило о приостановке операций по перемещению беженцев из приграничных регионов в более безопасные районы на территории Чада и Южного Судана в связи с острой нехваткой финансовых ресурсов» [6].

В общем, в механизмах противодействия современным кризисам у ООН, действительно, есть некоторые недостатки, которые требуют корректировок, но при этом она остаётся единственной универсальной платформой для координации международных усилий в сфере защиты прав человека, обладая значительным нормативным и институциональным потенциалом.

Заключение

В заключении следует отметить то, что механизмы ООН по защите прав человека в конфликтах выполняют важную функцию документирования нарушений и привлечения внимания международного сообщества. Однако их эффективность часто оказывается недостаточной из-за политических ограничений, отсутствия принудительных инструментов и ресурсных проблем. Для решения же выявленных проблем требуется реформа всей системы ООН, усиление сотрудничества с региональными организациями и повышение политической воли государств-участников.

Таким образом, несмотря на критику и объективные сложности, Организация Объединённых наций сохраняет потенциал стать более эффективным инструментом защиты прав человека, особенно при реализации предложенных мер, которые позволят этой организации лучше отвечать на вызовы двадцать первого века и выполнять свою миссию по обеспечению мира, справедливости и достоинства для всех людей.

References

1. Беленкова Е. Ю. Роль ООН в современном мире: основные концепции российских учёных // Власть. 2012. № 7. С. 147-150
2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс] // URL: <https://www.standup4humanrights.org/en/declaration.html> (дата обращения: 18.05.2026)
3. Морозова С. А. ООН как символ глобального сотрудничества и дипломатии // Молодой учёный. 2024. № 19 (518). С. 260-263
4. Никуленков В. В. К вопросу о системной критике ООН // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 3 (25). С. 152-162
5. Организация объединённых наций. О нас [Электронный ресурс] // URL: <https://www.un.org/ru/about-us?ysclid=mpbms3vc9m405361766> (дата обращения: 18.05.2026)
6. Почтарук А. В ООН не хватает средств на помощь беженцам по всему миру [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/07/18/26301848.shtml?ysclid=mpbl2x7k2w306603889> (дата обращения: 18.05.2026)
7. Сорокина А. А. Геноцид Рохинджа в Мьянме и перспективы его преодоления // Science Time. 2020. № 5 (77). С. 43-49
8. ТАСС. В Международной организации по миграции отметили резкий рост числа гуманитарных кризисов [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/obschestvo/15891747> (дата обращения: 18.05.2026)
9. Ходынская-Голенищева М. С. Работа Совета Безопасности ООН по сирийскому кризису в условиях трансформации системы международных отношений // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 6 (57). С. 161-173
10. Шпиндлер У. УВКБ ООН: Число чрезвычайных гуманитарных ситуаций в 2023 году достигло рекордных показателей за последнее десятилетие [Электронный ресурс] // URL: https://www.unhcr.org/ru/34115-humanitarian_emergencies2023.html?ysclid=mpbn77rg2b898377214 (дата обращения: 18.05.2026)

UDC 34

Gadzhieva A.G. Punishment of Minors – Retribution or Correction?

Gadzhieva Aida

The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»
Scientific supervisor:

Privalova N.I.,

Associate Professor, Ph.D., Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

***Abstract.** This article examines the problem of determining the nature of punishment applied to juvenile offenders. The author analyzes the correlation between the punitive and corrective functions of criminal liability for minors. The study explores the legal status of minors, the philosophical and ethical aspects of punishment, as well as the practical consequences of different criminal policy models. It is concluded that a hybrid model is necessary, in which punishment serves as a means of enforcement, while correction remains the primary goal.*

***Keywords.** minors, criminal liability, punishment, retribution, correction, resocialization, prevention, imprisonment, juvenile justice.*

Рецензент: Криволапова Людмила Валентиновна - кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и муниципального права.
Оренбургский государственный университет

1. Introduction

The question of the nature of punishment for minors occupies a special place in criminal law science and practice. It lies at the intersection of law, pedagogy, psychology, and state social policy. On the one hand, a crime always requires a response from the state, as it affects public safety and violates the established legal order. On the other hand, when it comes to a minor, a fundamentally different task arises: not only to respond to the act but also to take into account the age-related, psychological, and social characteristics of the individual [1].

Traditionally, the purposes of punishment are considered through three main functions: retribution (reprisal), prevention, and correction [2]. However, with respect to minors, the balance of these functions shifts. This raises a debate: is the punishment of adolescents primarily a form of retribution for what has been done, or is it a tool for their correction and return to society?

2. Material and methods

2.1 Distinctive features of the legal status of minors

To answer this question, it is necessary to analyze the goals of criminal liability for minors, the features of their legal status, as well as the practice of applying punishments. In criminal

law, a minor is considered a person with a limited degree of mental and social maturity. In most legal systems, including the Russian one, a special age of criminal responsibility is established. According to Article 20 of the Criminal Code of the Russian Federation, general criminal responsibility begins at the age of 16, while for a number of serious crimes (murder, robbery, theft, etc.) — from the age of 14 [3].

This approach is based on the recognition that a teenager:

- does not possess full social maturity;
- perceives the consequences of his or her actions differently than an adult;
- is more susceptible to the influence of the environment and circumstances;
- has increased behavioral plasticity and the potential for correction[4].

Consequently, the state initially assumes that the impact on a juvenile offender should be different in nature from that on an adult criminal. Already at the legislative level, the priority of correction over punishment as retribution is established. Part 2 of Article 87 of the Criminal Code of the Russian Federation states that educational measures may be applied to minors instead of criminal punishment[3]. However, a problem arises here: if a teenager is capable of realizing the public danger of his or her act (which is the basis for criminal liability), then why should his or her liability be mitigated? This contradiction between sanity and reduced maturity is one of the key theoretical problems of criminal law [5].

2.2 Punitive function of punishment

Despite the humanistic orientation of legislation, it is impossible to completely exclude the punitive element. Any criminal punishment, even when applied to a minor, has a coercive and restrictive nature. The punitive function manifests itself in the following aspects:

- restriction of freedom (for example, imprisonment);
- criminal record and associated legal consequences (Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation) [3];
- moral condemnation by the state;
- isolation from society in some cases.

From the perspective of proponents of a strict punitive model, punishment must correspond in its severity to the degree of public danger of the act. Otherwise, the principle of justice is violated, and there is a risk of reducing the preventive effect of criminal law. The founder of the classical school of criminal law, C. Beccaria, argued that punishment should be inevitable and proportionate to the harm caused, but at the same time he opposed torture and excessive cruelty [6]. The weakness of this position lies in the fact that it ignores the personality traits of the minor. A teenager often acts impulsively, without a stable criminal mindset. As noted in the study by E.A. Antonyan, juvenile delinquency is often situational in nature and is associated with age-related psychological crises[7]. Consequently, excessive punishment may

not reduce crime but, on the contrary, reinforce deviant behavior through stigmatization. Thus, the punitive approach in its "pure form" does not explain the specifics of juvenile justice and comes into conflict with the objectives of long-term crime prevention.

2.3 Correction as a goal of punishment

The modern criminal policy of most states focuses on the resocialization of minors. This means that the key task is not retribution, but changing the behavior and living conditions of the teenager. Correction includes:

- the formation of legal awareness;
- eliminating the causes of criminal behavior;
- psychological and pedagogical correction;
- social adaptation and integration into society[8].

Of particular importance is the fact that the criminal behavior of minors is often determined by external factors: a dysfunctional family, lack of supervision, negative social environment, poverty, or psychological trauma [9]. Under such conditions, punishment without corrective work proves ineffective.

Therefore, measures alternative to imprisonment are widely used in practice. In accordance with Article 88 of the Criminal Code of the Russian Federation, the following types of punishment may be applied to minors: fines (in a limited form), deprivation of the right to engage in certain activities, community service, corrective labor, restriction of freedom, and imprisonment for a certain term, with significantly reduced maximum sentences compared to adults[3]. Educational measures may also be applied, including a warning, transfer under supervision, limitation of leisure activities, and imposition of the obligation to make amends for the harm caused[3].

However, even here there is a weakness: correction is not always achievable in the short term. Moreover, some adolescents demonstrate persistent antisocial behavior. According to criminological studies, approximately 10–15% of juvenile offenders are characterized by a stable criminal orientation and require stricter measures of control[10].

2.4 Compromise model: balancing retribution and correction

The actual system of punishments for minors represents a compromise between retribution and correction.

On the one hand:

- criminal liability is retained;
- imprisonment is applied (though for shorter terms and in separate educational colonies);
- the institution of criminal record is in effect (although expungement terms for minors are reduced by Article 95 of the Criminal Code of the Russian Federation) [3].

On the other hand:

- the list of punishments is limited compared to adults;
- maximum terms are substantially reduced (imprisonment may not exceed 10 years and is assigned only to persons aged 16 and over, with rare exceptions) [3];
- educational measures are actively used;
- priority is given to alternative sanctions.

Thus, the system does not choose between retribution and correction but combines them. The proportion depends on the gravity of the crime, the personality of the offender, and the circumstances of the case[11]. For example, in the case of serious and especially serious crimes (Articles 105, 111, 126 of the Criminal Code of the Russian Federation), the punitive element is strengthened, as the need to protect society increases. In less dangerous cases, the corrective logic dominates, and courts actively apply Article 92 of the Criminal Code of the Russian Federation, which allows the release of a minor from punishment with placement in a special educational institution [3].

2.5 Efficiency criterion: recidivism and resocialization

The key criterion for evaluating any criminal policy is the recidivism rate. If punishment does not reduce re-offending, its effectiveness is questionable.

Criminological research shows that:

- imprisonment of minors often increases the risk of re-offending (according to some data, the recidivism rate among those who have served a sentence in educational colonies reaches 30-40%) [12];
- isolation from society leads to the formation of a criminal environment, the so-called "criminalization" of a teenager;
- lack of social support after release worsens adaptation and often leads to a return to a criminal lifestyle[13].

At the same time, resocialization programs, educational and psychological interventions demonstrate a more sustainable positive effect. Foreign experience, in particular in Scandinavian countries, shows that a system based on restorative justice and individual work with a teenager can reduce the recidivism rate to 15-20% [14].

This confirms the conclusion: a purely punitive model with respect to minors is ineffective. However, complete exclusion of punishment is also impossible, as it undermines the principle of responsibility and public confidence in the law.

2.6 Philosophical and ethical dimension

The question of punishing minors goes beyond the scope of law and touches upon moral philosophy. Society must answer the question: is a teenager at the time of committing a crime a full-fledged moral subject or only a partially formed personality? If we recognize him as fully responsible [15], then strengthening the punitive approach is logical [16]. If we take into

account incomplete maturity, then there is a need to shift the emphasis towards education [17]. Modern ethics tends towards the second option but does not completely exclude the first. This creates a tension between the principles of justice and humanism. As the German philosopher J. Habermas noted, the legal system must simultaneously ensure the protection of society and respect for the rights of the individual [18], including the right to a second chance [1].

3. Results and discussions

During the study

- 1) the legal status of minors has been considered;
- 2) the philosophical and ethical aspects of punishment have been studied;
- 3) the practical consequences of various models of criminal policy have been identified
- 4) It is concluded that a hybrid model is needed in which punishment serves as a means of coercion while correction remains the primary objective.

4. Conclusion

The punishment of minors cannot be unequivocally attributed to either pure retribution or pure correction. It represents a hybrid model in which the dominant function depends on the specific circumstances of the case and the degree of public danger of the act. Retribution is necessary as a form of legal coercion and as a confirmation of the significance of the legal norm. Correction is necessary as a tool to prevent future crime and social degradation of the individual. Consequently, the most accurate answer to the question posed is as follows: punishment of minors is not an alternative between retribution and correction, but a system in which punishment serves as a means of enforcement, while correction remains the primary goal.

Such a balance makes it possible to simultaneously protect society [20] and preserve the prospect of social rehabilitation for the teenager. As correctly noted in modern juvenile law, the central idea should be the principle of minimum sufficient punishment: the least severe measure that can achieve the goal of correction and prevention should be chosen.

References

1. Antonyan, E.A. The personality of a juvenile offender // *Criminology: yesterday, today, tomorrow*. 2016. No. 2 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-nesovershennoletnego-prestupnika> (date of request: 20/02/2026).
2. Karpets, I.I. Punishment: social, legal and criminological problems // *Proceedings of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR*. 1973. No. 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nakazanie-sotsialnye-pravovye-i-kriminologicheskie-problemy> (date of request: 20/02/2026).

3. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 06/13/1996 (as amended on 02/20/2026) // SPS ConsultantPlus.
4. Belyaeva, L.I. Legal and organizational foundations of the activities of the penal system in relation to minors // Bulletin of the Institute of Legislation and Comparative Law. 2011. No. 4 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-i-organizatsionnye-osnovy-deyatelnosti-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-v-otnoshenii-nesovershennoletnih> (date of request: 05/04/2026).
5. Filimonov, V.D. The principle of justice in criminal law // Legal Science. 2004. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-spravedlivosti-v-ugolovnom-prave> (date of request: 03/03/2026).
6. Beccaria, C. On Crimes and Punishments // Philosophy of Law. 1995. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ch-bekkaria-o-prestupleniyah-i-nakazaniyah> (date of request: 05/04/2026).
7. Antonyan, E.A. Psychology of criminal behavior // Applied Legal Psychology. 2013. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-prestupnogo-povedeniya> (date of request: 05/03/2026).
8. Shiltsova, Yu.V. Resocialization of juvenile convicts // Man: crime and punishment. 2019. No. 3 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resotsializatsiya-nesovershennoletnih-osuzhdennyh> (date of request: 10/03/2026).
9. Dolgova, A.I. Criminology // Journal of Russian Law. 2018. No. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologiya-uchebnik-dlya-vuzov> (date of request: 18/03/2026).
10. Gilinsky, Ya.I. Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other offenses // Sociology of Law. 2015. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deviantologiya-sotsiologiya-prestupnosti-narkotizma-prostitutsii-samoubiystv-i-drugih-pravonarusheniy> (date of request: 02/03/2026).
11. Milyukov, S.F. Russian criminal legislation: experience of critical analysis // Criminal Law. 2018. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-ugolovnoe-zakonodatelstvo-opyt-kriticheskogo-analiza> (date of request: 05/04/2026).
12. Shcherba, S.P., Savkin, A.V. Recidivism among minors: causes and prevention // Bulletin of the Institute of Criminal Law. 2017. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsdiv-sredi-nesovershennoletnih-prichiny-i-preduprezhdenie> (date of request: 05/03/2026).
13. Sokolov, I.I. Problems of social adaptation of minors released from educational colonies // Penal Law. 2020. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy->

sotsialnoy-adaptatsii-nesovershennoletnih-osvobozhdennyh-iz-vospitatelnyh-koloniy (date of request: 05/03/2026).

14. Loseva, O.V. Juvenile justice in the Scandinavian countries: experience for Russia // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2016. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuvenalnaya-yustitsiya-v-skandinavskih-stranah-opytdlya-rossii> (date of request: 12/03/2026).

15. Guseynov, A.A. Ethics of non-violence // Ethical Thought. 2002. No. 3. URL: Democracy // Russian Journal of Philosophy. 2011. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/you-hermas-mezhdu-faktami-i-normami><https://cyberleninka.ru/article/n/etika-nenasiliya> (date of request: 08/03/2026).

16. Habermas, J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and (date of request: 05/03/2026).

17. Ryabinin, N.A. The principle of minimum sufficient punishment in juvenile law // Russian Judge. 2019. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-minimalnodostatochnogo-nakazaniya-v-yuvenalnom-prave> (date of request: 05/03/2026).

18. Bashmakova, N.I., Ryzhova, N.I., Kuznetsova, O.A. (2025). Historical Retrospective of Mediation as an Integrative Concept: Paradigms of Study and Interdisciplinarity. Administrative Consulting, (1-1), 65-80.

19. Bashmakova, N.I. (2015). Mediation as a phenomenon and an actual component of the professional activity of a modern specialist in the context of the globalization of society. The world of science, culture, and education. No. 1 (50). pp. 76-79.

20. Privalov, N.G. (2012). The Third way of Russia: a new hope in the 21st century. Yekaterinburg: Ural Publishing House. -430 p.

UDC 34

Kondratova A.A. Features of various categories of cases considered according to the rules of the code of administrative proceedings of the Russian Federation

Особенности различных категорий дел рассматриваемых по правилам кодекса административного судопроизводства Российской Федерации

Kondratova Angelina Anatolyevna,

Master's Student, Moscow Financial and Industrial University "Synergy," Moscow

Кондратова Ангелина Анатольевна,

Магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский, финансово-промышленный университет «Синергия» г. Москва

Abstract. *In this scientific article, the author briefly examines the features of various categories of cases considered according to the rules of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CAS RF). To do this, the author of the scientific work analyzes specific categories of cases provided for by the normative document, examines their characteristic features. In conclusion, the author also notes that such a division is logical and justified, strategically significant from the point of view of the entire administrative proceedings as a whole. This scientific article will be of interest to theorists and practitioners, teachers and students, as well as a wide range of readers interested in the current state and prospects for the development of the administrative process in Russia.*

Keywords: *administrative proceedings, procedural aspects, legal regulation, judicial proceedings, legal nature of cases, judicial process.*

Аннотация. *В настоящей научной статье автором кратко рассматриваются особенности различных категорий дел, рассматриваемых по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ). Для этого автор научной работы анализирует конкретные категории дел, предусмотренные нормативно в документе, исследует их характерные особенности. В заключении работы автор также отмечает, что подобное разделение выступает логичным и обоснованным, стратегически значимым с точки зрения всего административного судопроизводства в целом. Настоящая научная статья будет интересна теоретикам и практикам, преподавателям и обучающимся, а также широкому кругу читателей, интересующихся современным состоянием и перспективами развития административного процесса в России.*

Ключевые слова: *административное судопроизводство, процессуальные аспекты, правовое регулирование, судебное производство, правовая природа дел, судебный процесс.*

Рецензент: Криволапова Людмила Валентиновна - кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и муниципального права.
Оренбургский государственный университет

КАС РФ, вступивший в силу в сентябре 2015 года, подразумевает группировку дел на определенные категории в зависимости от их конкретных характеристик [2]. В своей совокупности на сегодня КАС РФ включает 12 различных категорий, которые, в общем и целом, выглядит следующим образом (отметим, что внутри также присутствует деление некоторых категорий на подкатегории):

- производство по административным делам об оспаривании НПА и актов,

содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами;

- производство по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия) ОГВ, ОМСУ, иных органов;

- производство по административным делам, рассматриваемым ДК ВС РФ;

- производство по административным делам о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ;

- производство по административным делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости, и т.д.;

- производство по административным делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок;

- производство по административным делам о приостановлении деятельности или ликвидации политической партии, и т.д.;

- производство по административным делам о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение, и т.д.;

- производство по административным делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы;

- производство по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь, и т.д.;

- производство по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке;

- производство по административным делам о взыскании обязательных платежей и санкций [2].

Несмотря на то, что внутри списка дела, подлежащие рассмотрению в КАС РФ, подразделены на отдельные категории, тем не менее, можно выделить особенности, характерные исключительно для таких дел. Во-первых, в любом случае такие дела подразумевают наличие в спорных правоотношениях субъекта публично-правового характера, наделенного властными, административными полномочиями. Т.е., это орган государственной власти или местного самоуправления, должностное лицо, либо другой субъект, подобными полномочиями обладающий. Таким образом, с введением КАС РФ в отечественной практике появилась отдельная, самостоятельная процессуальная форма судебного обжалования, которая была крайне необходима и в момент введения данного инструмента, и остается актуальной в настоящее время.

Итак, по правилам КАС РФ рассматриваются дела, так или иначе связанные с публичными правоотношениями, а не с правоотношениями частноправового характера.

Участники таких правоотношений находятся в ситуации власти и подчинения, не обладают юридическим равенством, как это происходит, к примеру, в исковом производстве в рамках гражданско-процессуальных правоотношений [4]. К примеру, иностранный гражданин, с нарушением закона был помещен в специальное учреждение, ввиду незаконно вынесенного постановления о депортации, и теперь оспаривает это решение в судебном порядке. Или, к примеру, гражданин РФ оспаривает нарушение территориальной избирательной комиссией своих прав на участие в референдуме, иное.

Во-вторых, обратим внимание на предмет обжалования. В каждом из приведенных выше примеров таким предметом выступает либо действие (бездействие), либо решение, либо иное волеизъявление уполномоченного субъекта. В этом заключается отличие административного судопроизводства, к примеру, от гражданско-процессуального, где предметом может выступать, в частности, восстановление нарушенного права, спор о праве собственности, а также иные аналогичные правоотношения.

Собственно, именно эти два признака являются определяющими для любого из дел, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства, вне зависимости от конкретной категории. Ученые-правоведы справедливо отмечают: в настоящее время в отечественной правовой науке закрепились позиция, согласно которой при определении конкретной разновидности судопроизводства ключевым критерием выступает именно предмет, т.е., материально-правовая природа конкретного дела [1].

Однако, как уже отмечалось выше, внутри некоторых категорий присутствует также дополнительное деление, поскольку рассматриваемые правоотношения достаточно широки в своей совокупности. В частности, это главы КАС РФ №№ 27 и 31 [2]. Например, это дела о принудительной госпитализации, которые касаются не только лишь противотуберкулезного диспансера, но также, к примеру, учебно-воспитательного учреждения закрытого типа, центра временного содержания для несовершеннолетних, а также ряда других специальных профильных учреждений.

Такое глубокое переосмысление дел данной категории имеет, в первую очередь, серьезное практическое значение. К примеру, это касается норм главы, посвященной вопросам судебного обжалования отказа законных представителей недееспособного несовершеннолетнего от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни [2]. На практике подобная проблема может поставить несовершеннолетнего на грань жизни и смерти, и оперативность, эффективность судопроизводства в такой ситуации имеет основополагающее значение. Или же, например, административные

дела о признании информационных материалов экстремистскими [2], что предусмотрено нормами главы 27.2 КАС РФ. В последние несколько лет судебная практика по делам данной категории получила свое широкое практическое распространение, высокую актуальность. Очевидно, что подобные примеры на практике несут в себе определенную общественную опасность, что привело к введению в 2022 году в УК РФ соответствующей нормы, закрепленной в ст. 282.4. Таким образом, с помощью подразделения общей совокупности административных дел на более узкие направления законодатель тем самым действует для усиления правовой защиты и повышения эффективности деятельности органов власти, а также и судопроизводства в целом.

Дополнительно остановимся на некоторых отдельных категориях дел, рассматриваемых по правилам КАС РФ. Например, это главы 21 и 22, которые объединяют в себе, согласно статистике, наиболее распространенные дела. Фактически в рамках норм, предусмотренных настоящими главами, могут быть рассмотрены любые действия, бездействия, решения, иные волеизъявления уполномоченных субъектов. Анализируя нормы данных двух глав, можно сделать вывод о том, что эти положения предусматривают общий порядок административного судопроизводства отдельных категорий дел как таковых, а далее уже процессуальные нормы детализируются в зависимости от характеристик правоотношений конкретной группы [5].

Отдельно перечислим также некоторые иные особенности различных категорий дел, рассматриваемых по правилам КАС РФ:

- применение норм административного права. Очевидно, что это актуальная особенность для правоотношений с уровнем власти и подчинения их участников;
- регулирование исключительно в пределах установленных КАС РФ положений. Так, для регламентации судопроизводства не используются нормы ГПК РФ или АПК РФ;
- особый порядок обжалования: решения, принятые в порядке административного судопроизводства, могут быть обжалованы в апелляционном, кассационном и надзорном порядках;
- в рамках рассмотрения таких дел также могут применяться меры административного принуждения;
- иное [2; 4].

Иными словами, принятый 10 лет назад, за этот период КАС РФ приобрел достаточно четкие, характерные черты, свойственные рассмотрению дел исключительно данной категории. Сегодня административное судопроизводство уже представляет собой сформировавшийся, самостоятельный вид судопроизводства, по-прежнему актуальный для российской юридической практики. Полагаем, подобная

тенденция сохранится и в дальнейшем будущем [3].

Обозначим далее ключевые выводы представленного выше научного исследования по теме.

Исходя из изложенного, логичным выступает вывод о том, что в настоящее время КАС РФ выступает одним из самостоятельных видов судопроизводств, реализуемым параллельно с гражданско-процессуальным, арбитражным, уголовным процессами. За 10-летний опыт применения административное судопроизводство вполне оправдало свое введение в российскую практику, привело к тому, что отдельные категории правоотношений получили возможность более оперативного и эффективного рассмотрения по особым правилам.

В работе исследуются как общие признаки дел, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства в целом, так и отличительные особенности дел более узких категорий. В частности, проанализированы нормы, включенные в главы 27 и 31 КАС РФ, а также кратко исследованы положения глав 21 и 22 [2]. Автором приводятся конкретные практические примеры, актуальные для той или иной категории.

В общем и целом, следует отметить, что подразделение дел на такие категории произошло не сразу, а впоследствии продолжительного и сложного реформирования административно-процессуального законодательства РФ. Аналогичным образом, в соответствии с принятым КАС РФ, постепенно актуализировался и КоАП РФ, нормы которого также являются значимыми при рассмотрении таких дел.

В заключении исследования отметим, что подобное разделение выступает логичным и обоснованным, стратегически значимым с точки зрения всего административного судопроизводства в целом [1]. В настоящее время КАС РФ продолжает меняться, трансформироваться, стараясь оставаться максимально актуальным в соответствии с существующими сегодня категориями общественных отношений.

References

1. Августина, И.Д. Правовая природа дел, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства // Российский судья. 2023. N 9. С. 50 - 55.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Российская газета. N 49. 11.03.2015.
3. Кононов, П.И. Производство в судах по делам об административных правонарушениях как составная часть административного судопроизводства // Правосудие. 2023. N 3. С. 60 - 84.

4. Павленко, К.А., Олийнык, И.Л. Критерий процессуальной инициативы как основание классификации дел, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства // Административное право и процесс. 2021. N 12. С. 36 - 38.

5. Щепалов, С.В. Процессуальная форма правосудия по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2022. N 9. С. 10 - 15.

UDC 37

Konoplyov N. The presumption of innocence: genesis of development

Konoplyov Nikolay

The Undergraduate Student of Law Faculty,
The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of
Higher Education "The Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev"

Scientific supervisor:

Bashmakova N.,

Associate Professor, Ph.D., Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines The
North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education
"The Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev"

***Abstract.** This article explores the history of the presumption of innocence as a legal institution. Historical milestones from antiquity to modernity are considered. Special attention is paid to key historical legal and regulatory acts that contain some form of principle under study. At the end of this work, the author finds that this legal principle is the result of a long process of development of legal thought, and its establishment is related to changes in public consciousness and legislative historical practice.*

***Keywords:** legal institution, presumption of innocence, normative legal act, legal principle, criminal procedure, sentence.*

Рецензент: Криволапова Людмила Валентиновна - кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории государства и права и муниципального права.
Оренбургский государственный университет

1. Introduction

The presumption of innocence is one of the fundamental principles of law and criminal procedure, which enshrines a person's innocence until proven otherwise and confirmed by a court verdict that has entered into force.

Scholars who have studied the origin of this principle argue that the original thesis of the presumption of innocence was the ancient Roman formula "praesumptio boni viri", meaning that a litigant is considered to be acting in good faith until otherwise proven.

2. Material and methods

The first provisions of the principle of the presumption of innocence in the history of Russian criminal proceedings are presented in the Cathedral Code of 1649. Thus, article 8, chapter 21 states that if someone brings a murderer or robber and they will accuse those who brought them to commit the same crimes, you can't believe these accusations. In the military Charter by Peter the Great of 1716, individual provisions can also be considered as an application of the principle we are studying. Section 4 of chapter 42 states that there is a penalty for wrongfully accusing someone of committing a fiscal offence.

Empress Catherine II in 1767, in her "Decree of the commission on drafting a new

installation" tried to introduce at legislative level the principle of presumption of innocence. However, Russian society was not ready for liberal views, and the idea was not accepted and realized.

The principle of presumption of innocence as a legal institution was formed in the «Declaration of the rights of man and citizen» after the French Revolution of 1789. «Every person is presumed innocent until he is declared guilty. Therefore, if it is deemed necessary to detain him, any measure of severity not inevitable to prevent him from fleeing must be strictly a penalty under the law» [3, pp. 28-29].

This concept, enshrined at the state level, became the foundation of legal thought in the field of human rights in Europe and was a consequence of the desire to entrench liberal standards of criminal law, including in the Russian Empire.

Under Emperor Nicholas I, in the Ordinance on punishments of 1845, chapter 3 "On the determination of penalties for offenses" established that punishment for a crime could be determined by a court only if the commission of the crime was "undoubtedly proven", and the accusation of committing the crime "shall be charged with the guilt of the defendant or defendants".

Emperor Alexander II successfully promoted the ideas of liberal politics. Thus, with the judicial reform, the Statute of Criminal Procedure was adopted in 1864. The legal model of individual articles enshrines the principle of the presumption of innocence in legislative terms, for example:

- according to article 1 of this Statute "No one may be prosecuted for a crime or misdemeanor unless he has been prosecuted in accordance with the procedure determined by these Statutes" [2, art. 1];

- article 14 of the Code of Criminal Procedure states that "No one may be punished for a crime or misdemeanor liable to the judicial authority, except by a judgment of an appropriate court which has acquired legal force" [2, art. 14];

- article 766 stipulates that "Judges shall determine the guilt or innocence of the defendant on the basis of their internal conviction, based on a discussion of all the circumstances of the case" [2, art. 766].

Thus, the consolidation of the articles we have quoted in the Code of Criminal Procedure established guarantees of the rights of the accused, adversarial nature and equality of the parties in the criminal proceedings. The Statute of Criminal Procedure, we believe, is a phenomenal model of legal thought in Russian history.

Later, the descendants of Alexander II replaced liberal progressive reforms with counter-reforms. With the fall of autocracy and empire, the principle we study was completely rejected as alien to socialist perception. Socialist revolutionaries gave a sardonic definition of the

presumption of innocence - "Bourgeois rubbish". In this connection, let us turn to one of the speeches of V. I. Lenin: "...To shoot conspirators and hesitators, no one, without asking or allowing idiotic judicial delays" [1, p.165].

Such constructed ideological positions, where communist goals were considered to be the first priority, rather than the suspect's guilt or innocence, displaced the principle of the presumption of innocence from Russian law.

After the end of World War II, the United Nations General Assembly adopted the Universal Declaration of Human Rights on 10 December 1948, which affirmed the presumption of innocence as a fundamental and inalienable human right. This declaration proclaimed and systematized the foundations of rights and freedoms for every citizen.

The principle of the presumption of innocence was enshrined in article 160 of the 1977 USSR Constitution. The same wording was reproduced in article 173 of the 1978 RSFSR Constitution. "No one shall be found guilty of an offence or liable to a criminal penalty except on conviction by a court and in accordance with the law". Similar language has also been included in the constitutions of the Union republics.

In the Russian Federation, the principle of presumption of innocence is guaranteed under article 49 of the Constitution.

Thus, part 1 of article 49 of the Constitution of the Russian Federation states: "Every person accused of having committed a crime shall be considered innocent until his guilt has been proved in accordance with the procedure provided for by federal law and established by a court verdict that has entered into force".

The principle of the presumption of innocence, on the basis of this constitutional norm, is reflected in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, namely in article 14.

Article 14, paragraph 1, of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation states: "An accused person shall be considered innocent until his or her guilt in committing a crime has been proved in accordance with the procedure provided for by this Code and established by a court verdict that has entered into force".

Results of the study and their discussion.

In the course of the research:

- the history of the presumption of innocence as a legal institution has been studied;
- historical stages from ancient times to modern times have been considered;
- key historical normative legal acts have been investigated.

Conclusion

Thus, the genesis of the principle of presumption of innocence begins with antiquity and its legal system, continues through the legislation of the Russian Empire and the USSR, up to modern Russia. We have found that this legal principle is the result of a long process of

development of legal thought, its consolidation linked to changes in public consciousness and legislative historical practice. For the time being, the genesis result is based on three ideal fundamental ideas enshrined in the Constitution, namely:

1. "Not guilty until proven guilty by the accuser";
2. "The accused shall not be required to prove his innocence";
3. "Any irrepressible doubt shall be interpreted in favor of the accused".

References

1. Lenin, V. I. Complete collection of works – T. 12. – M.: Publishing house of political literature – 1972. 225 pp.
2. Statute of criminal procedure // Russian law of the 10th-20th centuries. - in 9 t. - T. 8: Judicial reform. - M.: Legal literature 1991.
3. Texts of the most important major laws of foreign states. Part I Translator F.F. Kokoshkin. Edition by M. and S. Sabashnikov. Moscow. 1950. 128 pp.

UDC 342.7:004

Kuular L.Sh. Protection of citizens' right to privacy of personal data in the context of global digitalization

Kuular Liliya

The Undergraduate Student of Law Faculty.
The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

Scientific supervisor:

Bashmakova N.,

Associate Professor, Ph.D., Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines the North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

Abstract. *In the context of global digitalization, traditional mechanisms for personal data protection are proving insufficiently effective. Based on an analysis of data breach statistics for 2024–2025 [15] and the new provisions of the Criminal Code of the Russian Federation (Article 272.1) [2] and the Administrative Offenses Code of the Russian Federation (Article 13.11) [13], it is revealed that the punitive liability model does not reduce the number of incidents. It is established that the key systemic problems remain the formal nature of consent to data processing, low digital literacy of the population, and the absence of effective measures against large-scale data breaches. Proposals are formulated: introduction of turnover-based fines, simplification of consent forms, as well as mandatory educational programs. The results can be used to improve the legislation of the Russian Federation.*

Keywords: *personal data, information protection, digitalization, biometric data, data breach, privacy, digital literacy.*

Рецензент: Криволапова Людмила Валентиновна - кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и муниципального права.
Оренбургский государственный университет

1. Introduction

The current stage of societal development is characterized by a transition to a digital model of interaction, in which the majority of social, economic, and state processes are carried out using information technologies. Digitalization significantly simplifies access to services, accelerates information exchange, and increases management efficiency. For instance, in the Russian Federation, according to data presented by the President, there are over 130 million Internet users, and the share of households with broadband Internet access is expected to reach 97% by 2030 [4]. However, technological progress creates new threats to the right to privacy. The collection and processing of personal data are often carried out without fully informing data subjects, which gives rise to ethical problems regarding respect for the right to personal secrecy and the fairness of information processing.

One of the key phenomena of the modern information society is the formation of the so-called human digital footprint [9]. A digital footprint is understood as the aggregate of

information that remains as a result of a user's activity on the Internet and when using various digital services. This footprint is formed both through the user's conscious actions (registering on websites, publishing information, online purchases) and automatically — through the collection of technical data about behavior, geolocation, and activity time. The digital footprint has a dual nature: on the one hand, it allows for increased service efficiency and personalized services; on the other hand, it creates a threat to privacy. On its basis, a digital personality profile is formed, which may contain information about habits, interests, income level, and health status. The use of such data by third parties without the subject's consent poses a particular danger. Moreover, a digital footprint is almost impossible to completely delete, as data is stored on the servers of various organizations and can be copied an unlimited number of times.

The relevance of this topic is driven by the alarming statistics of incidents related to personal data breaches. According to analytical reports, 103 data breaches involving 50 million records were recorded in 2025. In 2024, there were 135 breaches with over 710 million records of personal data [15]. These figures confirm the scale of the problem and its impact on the security of citizens.

The aim of the study is to analyze the effectiveness of existing legal mechanisms for protecting citizens' right to confidentiality of personal data in the context of digitalization, as well as to identify the main threats and risks associated with the use of digital technologies.

The objectives of the study include:

1. To examine the legal nature of personal data and the content of constitutional guarantees of privacy.
2. To analyze the main types of violations and judicial practice in this area.
3. To evaluate recent changes to Russian legislation (Federal Laws No. 420-FZ and No. 421-FZ) regarding administrative and criminal liability.
4. To formulate proposals for improving the legal regulation of personal data protection.

2. Material and methods

The empirical basis of the study consisted of statistical data on personal data breaches for 2024–2025, published in analytical reports [15], as well as court decisions in cases of violations in the field of personal data protection.

The regulatory framework for the study is determined by:

- The Constitution of the Russian Federation (Article 24, guaranteeing the right to privacy) [1];
- Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 "On Personal Data" (as amended) [3];
- Federal Law No. 421-FZ of November 30, 2024, which supplemented the Criminal Code of the Russian Federation with Article 272.1 [14];

- Federal Law No. 420-FZ of November 30, 2024, which increased administrative liability under Article 13.11 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation [13];
- Decree of the President of the Russian Federation No. 474 of July 21, 2020 "On the National Development Goals of the Russian Federation through 2030" (regarding digitalization and internet access) [4];
- Resolution of the Government of the Russian Federation of June 30, 2018 No. 772 (on determining the list of biometric personal data) [5].

The theoretical basis was formed by the scientific works of I.L. Bachilo [6], G.E. Volkova [7], K.A. Ivanova [8], A.N. Mochalov [9], A.P. Sergeev and T.A. Polyakova [10], devoted to issues of personal data protection, digital footprint and privacy.

The following methods were used in the study:

- formal legal analysis — to analyze legal provisions on financial data;
- comparative legal analysis — to examine various approaches to legal regulation;
- analysis of judicial practices — to identify typical phenomena;
- statistical analysis — to process data breaches;
- systemic and structural analysis — to classify medical data and identify key issues.

3. Results and discussion

3.1 Concept and Classification of Personal Data

The study found that personal data means any information relating directly or indirectly to an individual who is identified or identifiable [3]. This definition is broad in nature, which allows it to cover a significant amount of information, but at the same time creates certain difficulties in their precise identification and law enforcement.

For a deeper understanding of the category of personal data, it is necessary to examine their classification [6].

By degree of access:

- Confidential data – information whose access is restricted by law and internal policies of organizations;
- Publicly available data – information voluntarily disclosed by the data subject to an unlimited circle of persons.

By category:

- Ordinary data – information that allows identifying a person;
- Special data – categories of personal data that include information about racial or ethnic origin, political opinions, religious or philosophical beliefs, health status, intimate life, etc. [3].

In accordance with current legislation and established law enforcement practice, the following information about an individual falls under the category of protected personal data: last name, first name, patronymic, date and place of birth, gender, residential address, data from an identity document, taxpayer identification number (if any); telephone numbers, passport details, INN, SNILS, salary level, marital status; passport number and series; insurance number of an individual personal account; biometric data; bank account, bank card number [3][8].

3.2. Biometric Personal Data

A special place in this system is occupied by biometric personal data [5][3]. As the study has shown, this refers to information characterizing the physiological and biological features of a person, allowing for their identification. Such data include facial image, voice, fingerprints, and iris of the eye.

The uniqueness of biometric data lies in its immutability: unlike a password or a phone number, such data cannot be replaced if compromised. In this regard, the processing of biometric data requires a special legal framework and enhanced protection measures. Their unlawful use can lead to serious consequences, including violation of the right to privacy and threats to personal security.

Thus, biometric data represents the most sensitive category of personal information, requiring strict regulation.

3.3. Legal Regulation of Personal Data Protection

Turning to the analysis of the regulatory framework, it should be noted that the fundamental source is Article 24 of the Constitution of the Russian Federation [1], which establishes a prohibition on the collection, storage, and dissemination of information about an individual's private life without their consent. A key role is played by Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006, "On Personal Data" [3], which regulates the entire data lifecycle: from collection to destruction. A separate permissive procedure is established for biometric data (Part 2 of Article 11 of Law No. 152-FZ) [3] due to their immutability.

At the end of 2024, amendments came into force that increased liability: the Criminal Code was supplemented with Article 272.1 [2] (imprisonment of up to 10 years for illegal trafficking of personal data), and the Administrative Offenses Code of the Russian Federation saw a stricter Article 13.11 [13].

In practice, it is revealed that Article 9 of Law No. 152-FZ [3] enshrines the data subject's right to withdraw consent, but there is no mechanism for the actual deletion of the "digital footprint." Data once transferred to an operator may be retained in backup copies, transferred to third parties on the basis of contracts, and is not subject to destruction unless "otherwise provided by law." This creates a significant gap between the right and its implementation.

Furthermore, there is a conflict between Article 24 of the Constitution of the Russian Federation [1] and the requirements of Federal Law No. 115-FZ "On Counteracting the Legalization of Income" [11], which obliges banks and telecommunications operators to retain customer data for up to 5 years without the possibility of early deletion at the request of a citizen. The public interest (combating money laundering) effectively blocks the implementation of the constitutional right to privacy.

3.4. Key Problems of Personal Data Protection and Ways to Solve Them

One of the most acute problems is mass data breaches and insufficient security of information systems. The number of incidents is measured in the hundreds per year, and the volume of compromised records is in the hundreds of millions [15]. Leaks of biometric data are particularly dangerous because they cannot be replaced [5][3].

To solve this problem, it is first necessary to strengthen information security requirements for organizations, including the mandatory implementation of modern security measures, regular system audits, and employee training. Furthermore, it is advisable to introduce a mechanism of turnover-based fines, in which the amount of sanctions depends on the company's financial indicators, thereby increasing business interest in data protection.

In practice, the most common violation is the formal obtaining of consent to the processing of personal data [7][8]. Users, as a rule, are not aware of exactly what information they are providing and for what purposes it will be used. This is due to the complexity of user agreements and the lack of a real alternative to refusing data transfer when using digital services. As a result, the collection often exceeds the stated purposes, and data is transferred to third parties without explicit consent.

A solution to this problem is possible through stricter requirements for informing users. It is necessary to ensure transparency of data processing, including simplifying consent forms, mandatory disclosure of the purposes of information use, and providing a real possibility of refusal. Control over compliance with the principle of data minimization should also be strengthened, whereby the collection of information is limited to only the necessary volume [16].

A significant portion of violations in the field of personal data protection is due to the human factor [9][10]. Employee errors, the use of weak passwords, non-compliance with basic security rules, and insufficient awareness among citizens about the risks of the digital environment significantly increase the likelihood of leaks and other incidents.

Moreover, many users lack sufficient knowledge about their rights and do not take the necessary measures to protect their personal information [17].

In this regard, the development of digital literacy programs becomes particularly important [10]. It is necessary to implement educational initiatives aimed at developing safe

behavior skills in the digital environment, both among citizens and among specialists working with personal data.

4. Conclusion

The conducted study allows us to conclude that digitalization has created new threats to the privacy of citizens. Russian legislation is increasing liability for data breaches, but this alone does not solve the problem [18]. The main weaknesses lie not in the absence of penalties, but in the fact that protection mechanisms do not work well.

The measures proposed in the article — turnover-based fines, simplified consent forms, digital literacy programs — could improve the situation, but require serious refinement and political will.

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation]. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii. URL: <http://www.pravo.gov.ru/constitution/> (accessed: 17.04.2026).
2. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 11.12.2024) [Criminal Code of the Russian Federation]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
3. Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personal'nykh dannykh» (red. ot 30.11.2024) [Federal Law on Personal Data]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2006. № 31 (ch. 1). St. 3451.
4. Ukaz Prezidenta RF ot 21.07.2020 № 474 «O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda» [Decree of the President on National Development Goals]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2020. № 30. St. 4884.
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.06.2018 № 772 «Ob opredelenii perechnya biometricheskikh personal'nykh dannykh...» [Government Resolution on Biometric Data]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2018. № 28. St. 4234.
6. Bachilo I.L. Informatsionnoe pravo: uchebnyy dlya vuzov [Information Law: Textbook for Universities]. 5th ed. Moscow: Yurayt Publ., 2023. 419 p.
7. Volkova, G.E. Pravovoe regulirovanie obrabotki geolokatsionnykh dannykh: problemy i perspektivy [Legal Regulation of Geolocation Data Processing: Problems and Prospects]. Informatsionnoe pravo. 2022. № 4. P. 15-19.
8. Ivanova, K.A. Zashchita personal'nykh dannykh v epokhu Big Data [Personal Data Protection in the Big Data Era]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2023. № 2. P. 88-102.

9. Mochalov, A.N. Tsifrovoy sled cheloveka: ponyatie, pravovaya priroda, problemy zashchity [Digital Footprint: Concept, Legal Nature, Protection Problems]. Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2021. № 5. P. 172-181.

10. Sergeev, A.P., Polyakova, T.A. Pravo na neprikosновенnost' chastnoy zhizni v tsifrovuyu epokhu [Right to Privacy in the Digital Age]. Zhurnal rossiyskogo prava. 2023. № 1. P. 45-58.

11. Federal'nyy zakon ot 07.08.2001 № 115-FZ «O protivodeystvii legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma» (red. ot 30.12.2025) [Federal Law on Counteracting Legalization of Illegally Obtained Incomes]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 33 (ch. 1). St. 3418.

12. Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» (red. ot 08.08.2024) [Federal Law on Information, Information Technologies and Protection of Information]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2006. № 31 (ch. 1). St. 3448.

13. Federal'nyy zakon ot 30.11.2024 № 420-FZ «O vnesenii izmeneniy v Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh» [Federal Law No. 420-FZ amending the Code of Administrative Offenses]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2024. № 49. St. 7321.

14. Federal'nyy zakon ot 30.11.2024 № 421-FZ «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law No. 421-FZ amending the Criminal Code]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2024. № 49. St. 7322.

15. Analiticheskiy otchet o utechkakh personal'nykh dannykh v Rossii v 2024-2025 godakh [Analytical report on personal data breaches in Russia in 2024-2025] // InfoWatch. 2026. URL: <https://www.infowatch.ru/resources/analytics> (accessed: 17.04.2026).

16. Bondarev, V.G., Bashmakova, N.I., Sinina A.I. (2020). Judicial discourse: genesis and definition of the concept//Conflictology. Vol. 15. № 1. pp. 52-65.

17. Bashmakova, N.I., Ryzhova, N.I., Kuznetsova, O.A. (2025). Historical Retrospective of Mediation as an Integrative Concept: Paradigms of Study and Interdisciplinarity. Administrative Consulting, (1-1), 65-80.

18. Privalov, N. I. (2012). The Third Way of Russia: A New Hope in the XXI Century. Ekaterinburg: Ural Publishing, 434 p.

UDC 34

Madyarova D. The Impact of woman lawyers on world history

Madyarova Darya

The Specialist student of Law Faculty.

The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

Scientific supervisor:

Bashmakova N.,

Associate Professor, Ph.D., Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines the North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

***Abstract.** The article examines the path of women to the legal process, which was not available for many years due to patriarchal customs, prejudices and legislative prohibitions. On the example of four lawyers – Arabella Mansfield, Anna Evreinova, Elizabeth Selbert and Lady Hazel Cosgrove, the biographies of each of them and the contribution to the development of law are considered. Though their own efforts and determination, each of them has been able to bring legislative changes in their own countries and pave the way for legal education for future generations.*

***Keywords.** Jurisprudence, women-lawyers, gender equality, pioneers of law, rights, discrimination, legislative reforms, legal education, feminism, criminal law, historical legacy.*

Рецензент: Рехтина Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

1. Introduction

World jurisprudence dates back to ancient times. The law changed and became more complicated under the influence of lots factors. But only one thing has remained unchanged for many centuries – the predominant role of men in the justice.

World jurisprudence, as a field of professional activity, has been formed for a long time in conditions of patriarchal social conditions. This contributed to the continued inaccessibility of this activity for women. They were forbidden not only to work in this industry, but even to receive a law degree.

However, over time, everything changed. Since the late 19th century, law has become accessible to women, thanks to pioneers such as Arabella Mansfield and Anna Mikhailovna Yevreinovna, who, despite prejudices and long-standing stereotypes, proved that the "feminine" gender can significantly impact the global justice system.

We know the names of many male lawyers: Hugo Grotius, Anatoly Fedorovich Koni, Joseph Dahr Jamail, and others. But what female names in the field of law do we know? This article will present the personalities of female lawyers who, in my opinion, have made a unique contribution to the world of law.

2. Material and methods

I would like to start with a "pioneer" who broke the established stereotypes and was able to open the way to the world of law for all women. Her name is Arabella Mansfield.

Arabella (born Bella Aurelia Bubb) was born on May 23, 1846, in Burlington (Iowa), USA. [2, 8, 13] In 1862, she enrolled at the Wesleyan University of Iowa. After completing her studies, she spent several years studying law in order to pass the exam and obtain a law license. But Iowa law was against her. According to him, "only white men over the age of 21 could practice law." [2,10] Despite this, Arabella received permission to take the exam. She not only passed the exam for the highest score and got lawyer's license, but also opened the way to the world of law for women. «*Your committee takes unusual pleasure in recommending the admission of Mrs. Mansfield, not only because she is the first lady who has applied for this authority in the state, but because in her examination she has given the very best rebuke possible to the imputation that ladies cannot qualify for the practice of law.* » - Iowa Bar Examiners Committee (1869) [17]

After such a significant event, Iowa even was forced to amend its laws, which allowed it to become the first US state in history with such legislative initiatives. [13]

Although Arabella Mansfield never practiced law after that event, and instead dedicated her life to teaching at a college, her determination and perseverance have become an inspiration for women around the world to pursue their passions and achieve equal rights in the professional realm. [2, 8]

It is worth mentioning the first female lawyer in Russia, Anna Mikhailovna Yevreinova (1844-1919). [3, 4, 7] From a young age, she was interested in law. However, due to class and gender differences within her country, she was unable to study law at a university and obtain a legal education. Anna Mikhailovna was repeatedly denied permission to study abroad by her father, but she did not give up and fled to Germany, where she enrolled and studied at the University of Heidelberg. [3, 5, 6]

She returned to Russia as a graduate lawyer and began to engage in scientific activities. Due to the events in the country, her main interests became the customary law of the Slavs and the legal status of women. [3, 4]

In her works, which were published in popular scientific journals of the time, Anna Mikhailovna Yevreinova defended the value of legal customs of peoples in the field of lawmaking, explored issues of land ownership and public property, and, thanks to her article "Letters as an Object of Property," she was one of the first to raise the issue of the legal status of letters and the privacy of correspondence. [3, 6]

Anna Yevreinova was a staunch feminist and an active participant in the women's rights movement in Russia. She wrote articles for the magazine "Friend of Women" and delivered lectures at the Moscow and St. Petersburg Law Societies. [3,5]

The story of Anna Mikhailovna Yevreinova is an undeniable triumph over the prohibitions and prejudices against women. Her story truly inspires, showing that law and legal practice do not depend on gender. Thanks to Anna Yevreinovna, the foundation for future generations of female-lawyers in Russia has been laid. [3,4]

Elisabeth Selbert was born on September 22, 1896 in Kassel, Germany. [9, 15] Since birth, she has faced many difficulties, but she was able to overcome them and write her name in the history of Germany.

Elizabeth's family was not rich, and getting an education for a girl felt like an unattainable luxury, so she had to give up her dreams of working as a teacher. To help her poor family, the young girl worked as a foreign correspondent for the first time, and then as an employee at the telegraph office. [9,16]

It was only after her marriage and the birth of her two children that Elizabeth realized that she needed to acquire the necessary knowledge, so at the age of 30, she decided to attend the University of Marburg and then the University of Göttingen to study law. It is important to note that she was one of only five women in her chosen field, which had approximately 300 students. [9,15] Despite the challenges, she completed her studies and defended her dissertation on "The Destruction of Marriage as a Ground for Divorce," which examined the principle of guilt in divorce proceedings that often-left women vulnerable. [9] Her ideas laid the foundation for future legislative changes in Germany in 1977.

In the 1930s, Germany experienced a wave of discrimination against women in the legal profession, but Elisabeth Selbert managed to obtain a law license and establish her own law firm, specializing in family law. [9,15]

After the war, she became a member of the parliamentary council, where she advocated for gender equality. As a result of her efforts, the German government passed a law promoting gender equality. [9,16]

Elisabeth Selbert became a key figure in German law. Thanks to the law, which was actually authored by Elisabeth, thousands of discriminatory laws were repealed, leading Germany towards further democratic development. [15]

"But I got a very good grounding in the principles of Scots law as they then were, which stood me in very good stead for the rest of my career."– Lady Hazel Cosgrove. [12]

Speaking about outstanding personalities in the history of law, it is impossible not to mention Lady Hazel Cosgrove.

Hazel Josephine Cosgrove was born on January 12, 1946, in Glasgow [11]. After graduating from the Faculty of Law at the University of Glasgow, Cosgrove received a bachelor's degree. Later, she would reveal that even the professor she studied under discouraged her from pursuing a career in law. He believed that it was an unattainable profession for a woman.[12] But she proved the opposite not only to the professor, but also to herself.

Hazel Cosgrove went down in the history of British law for many of her achievements, which were not available to women before. Already in 1968, she was accepted into the College of Advocates of Scotland. After many years of hard work, she became the first female judge of the Scottish Court of Session, which existed for about 450 years. This significant event took place in 1996. [11,12]

However, one of Lady Cosgrove's most significant contributions was her decision in 2002. As part of a panel of judges, she participated in the review of Scotland's rape laws. This issue was indeed necessary for revision. In today's context, it is challenging to imagine that the previous law required physical violence or a direct threat of violence [11,12]. Lady Cosgrove's persistence led to significant amendments in Scotland's rape laws, safeguarding women's rights for years to come. Lady Cosgrove herself explained the need for change as follows: "In today's world, women have a right to expect protection." She saw the need to change norms that may not be in line with current realities for various reasons. *"In those days of bowler-hatted, black-suited, pinstripe-trousered men, she could walk up the high street in her high heels and look every bit as dignified – and that was a role model for me."* - Isabel Sinclair QC about Lady Cosgrove [12]

In 2003, Hazel Cosgrove was sworn in as a member of the British Privy Council, and in 2004, she received the Order of the British Empire for her outstanding contributions to the field of criminal justice.[11,14] "I hope that now that the groundwork has been done and the barriers have been pushed back, that the younger generation will push on and complete the task of gaining equality." – Lady Hazel Cosgrove. [7]

3. Results and discussions

During the research:

1) the path of women to the legal process has been studied and analyzed, which for many years has been inaccessible due to patriarchal customs, prejudices and legislative prohibitions;

2) using the example of four prominent lawyers – Arabella Mansfield, Anna Evreinova, Elizabeth Selbert and Lady Hazel Cosgrove, the biographies of each of them and their contribution to the development of law have been considered.

Conclusion

Thus, Hazel Cosgrove opened the doors for women to justice, to professional activities, and to the humanization of criminal law. She made the world fair for those seeking protection. Her determination is an example of how timely and necessary court decisions can transform society for the better.

Arabella Mansfield, Anna Yevreinova, Elizabeth Selbert and Lady Hazel Cosgrove – these four women from different countries and eras, who are united by one thing – they have forever changed the legal world, proving that professional activity does not depend on gender. Each of them has destroyed long-standing stereotypes about the “weak sex” and paved the way for millions of followers around the world. Their legacy, their works – these are not just historical facts or documents, this is a reminder of the possibility to change the world. We must remember the names of these great women, because it is thanks to them that we can live in a just world and be sure that we will not be left without protection.

References

1. Bondarev, V.G., Bashmakova, N.I., Sinina, A.I. (2020). Judicial discourse: genesis and definition of the concept. *Conflictology*, 15(1), 52-65
2. Women’s History Month: Arabella Mansfield, First Woman Lawyer in the United States [Electronic resource] // Zarzaur Law. – URL: <https://zarzaurlaw.com/womens-history-month-arabella-mansfield-first-woman-lawyer-in-the-united-states/> (date of request: 05.04.2026).
3. Serua V.S. The first woman in Russian legal science: customary law of the Russian people in the research of Anna Mikhailovna Evreinova [Electronic resource] // *Bulletin of NNGU*. – 2020. – No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-zhenschina-v-rossiyskoy-yuridicheskoy-nauke-obychnoe-pravo-russkogo-naroda-v-issledovaniyah-anny-mihaylovny-evreinovoy> (date of request: 05.04.2026).
4. Evreinova, Anna Mikhailovna [Electronic resource] // *Great Russian Encyclopedia*. – URL: <https://bigenc.ru/c/evreinova-anna-mikhailovna-c94aab> (date of request: 05.04.2026).
5. Evreinova, Anna Mikhailovna [Electronic resource] // *Russian Biographical Dictionary*. – URL: <http://rulex.ru/01060031.htm> (date of request: 05.04.2026).
6. Evreinova, Anna Mikhailovna [Electronic resource] // *Ruwiki*. – URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Еврейнова,_Анна_Михайловна (date of request: 05.04.2026).
7. Lady Cosgrove [Electronic resource] // *Women in Law Project*. – URL: <https://womeninlawproject.org/lady-cosgrove/> (date of request: 05.04.2026).

8. Arabella Mansfield [Electronic resource] // History of American Women. – URL: <https://www.womenhistoryblog.com/2012/06/arabella-mansfield.html> (date of request: 05.04.2026).
9. Selbert, Elisabeth (1896–1986) [Electronic resource] // Encyclopedia.com. – URL: <https://www.encyclopedia.com/women/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/selbert-elisabeth-1896-1986> (date of request: 05.04.2026).
10. Friday Firsts: Arabella (Belle) Mansfield – First Woman Admitted to the Bar in the U.S. [Electronic resource] // Harris County Law Library. – URL: <https://www.harriscountylawlibrary.org/ex-libris-juris/2020/3/6/friday-firsts-arabella-belle-mansfield-first-woman-admitted-to-the-bar-in-the-us> (date of request: 05.04.2026).
11. Cosgrove, Hazel, Lady Cosgrove [Electronic resource] // Ruwiki. – URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Косгроув,_Хейзел,_леди_Косгроув (date of request: 05.04.2026).
12. Lady Cosgrove reflects on illustrious career [Electronic resource] // Scottish Legal. – URL: <https://www.scottishlegal.com/articles/lady-cosgrove-reflects-on-illustrious-career> (date of request: 05.04.2026).
13. Mansfield, Arabella [Electronic resource] // Ruwiki. – URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Мэнсфилд,_Арабелла (date of request: 05.04.2026).
14. Women lawyers who changed the legal system [Electronic resource] // VKontakte: NSO Law of Financial University community. – URL: https://vk.com/@nso_law_finuniversity-zhenschiny-uristy-izmenivshie-pravovuu-sistemu (date of request: 05.04.2026).
15. Selbert, Elisabeth [Electronic resource] // Wikipedia. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Зельберт,_Элизабет (date of request: 05.04.2026).
16. Elisabeth Selbert [Electronic resource] // Germany Online. – URL: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/geschichte/gedenkdaten/2149738-2149738> (date of request: 05.04.2026).
17. Arabella Babb Mansfield: Tales from Wo-Fan’s Land [Electronic resource] // History is Important. – URL: <https://historyisimportant.home.blog/2019/08/15/arabella-babb-mansfield-tales-from-wo-fans-land/> (date of request: 05.04.2026).

UDC 34

Nikogosyan N.N., Kurchenko M.Y. Ways to increase the effectiveness of the search and the evidentiary value of its results

Пути повышения эффективности обыска и доказательственной силы его результатов

Nikogosyan Natalya Nikolaevna,

2nd year student of the Faculty of Correspondence Studies
at the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
Russian Federation named after I.F. Shilov

Kurchenko Marina Yurievna,

Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure,
I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Никогосян Наталья Николаевна,
Слушатель 2-М курса факультета заочного обучения
Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Ф. Шилова

Курченко Марина Юрьевна,
Старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской
Федерации имени И.Ф. Шилова.

Abstract. *The article discusses the current problems of increasing the effectiveness of the investigative action – search, as well as the evidentiary value of its results in modern criminal proceedings in Russia. The procedural, tactical and organizational aspects affecting the quality of the search are analyzed. Based on the study of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, departmental regulations, as well as the scientific works of leading processualists and criminologists, the author identifies systemic problems. These include formalism in the preparation of the protocol, insufficient use of specialized knowledge, and problems with the legal assessment of search results obtained using modern technologies. The paper proposes specific measures to improve the legislative regulation, tactics of conducting and recording search results, aimed at strengthening their role in the evidence system in a criminal case.*

Keywords: *search, investigative action, evidence, effectiveness of the search, search protocol, special knowledge, operational investigative information, evaluation of evidence, criminal procedure.*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы повышения эффективности следственного действия – обыска, а также доказательственной ценности его результатов в современном уголовном судопроизводстве России. Анализируются процессуальные, тактические и организационные аспекты, влияющие на качество проведения обыска. На основе изучения положений Уголовно-процессуального кодекса РФ, решений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, ведомственных нормативных актов, а также научных трудов ведущих процессуалистов и криминалистов автор выявляет системные проблемы. К ним относятся формализм при оформлении протокола, недостаточное использование специальных знаний, проблемы правовой оценки результатов обыска, полученных с использованием современных технологий. В работе предложены конкретные меры по совершенствованию законодательной регламентации, тактики проведения и фиксации результатов обыска, направленные на усиление их роли в системе доказательств по уголовному делу.

Ключевые слова: *обыск, следственное действие, доказательства, эффективность обыска, протокол обыска, специальные знания, оперативно-разыскная информация, оценка доказательств, уголовный процесс.*

Рецензент: Рехтина Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Введение

Обыск, регламентированный ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), остается одним из наиболее сложных, ресурсоемких и процессуально значимых следственных действий. Его результативность напрямую влияет на раскрытие преступлений, изобличение виновных и формирование доказательственной базы. Однако в правоприменительной практике сохраняются проблемы, снижающие как эффективность самого процесса поиска и изъятия, так и последующую доказательственную силу его результатов. Нередко протоколы обыска подвергаются критике со стороны защиты, а суды исключают полученные доказательства на основании нарушений, допущенных при их получении или оформлении¹. В условиях роста сложности и латентности преступлений, расширения использования цифровых носителей информации актуализируется поиск научно обоснованных путей оптимизации данного института. Целью настоящего исследования является комплексный анализ проблем правового регулирования и практики проведения обыска, а также разработка предложений по повышению его эффективности и доказательственной значимости результатов.

С философско-правовой точки зрения обыск представляет собой классический пример коллизии между публичным интересом государства в эффективном уголовном преследовании и фундаментальным правом личности на неприкосновенность жилища и частной жизни (ст. 25 Конституции РФ). В духе идей Г. Радбруха о «формуле компромисса» между справедливостью и целесообразностью, а также принципа пропорциональности, закрепленного в практике ЕСПЧ, современный законодатель должен обеспечивать не формальное, а реальное соблюдение баланса прав². В условиях роста сложности и латентности преступлений, расширения использования цифровых носителей информации актуализируется поиск научно обоснованных путей оптимизации данного института. Целью настоящего исследования является комплексный анализ проблем правового регулирования и практики проведения обыска, а также разработка предложений по повышению его эффективности и доказательственной значимости результатов с учетом философско-правового измерения.

¹ Александров А.С., Ковтун Н.Н. Относимость уголовно-процессуальных доказательств: Монография. - Нижегородская правовая академия, 2011. – 176 с.; Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 2022–2024 гг. (дела по ст. 75 УПК РФ).

² Радбрух Г. Философия права. М.: Международные отношения, 2004. – 151 с; Постановление ЕСПЧ от 12.05.2000 по делу «Хаджианастассиу против Греции» (жалоба № 12945/87); ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод «Право на уважение частной и семейной жизни».

1. Проблемы правовой регламентации и тактики обыска

Действующая процессуальная норма, закрепленная в ст. 182 УПК РФ, определяет основания и общий порядок производства обыска. Однако она не содержит детальной регламентации тактических приемов, что, с одной стороны, предоставляет следователю необходимую свободу, а с другой – создает риски нарушения прав личности и процессуальных гарантий. Разъяснения по отдельным вопросам содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, связанных с неправомерным завладением автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, а также с их уничтожением или повреждением» (в части использования результатов ОРД) и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (в части обоснованности ходатайств об обыске)³.

Одной из ключевых проблем остается обеспечение законности и обоснованности самого решения о производстве обыска. В научной литературе отмечается, что судебный контроль за законностью и обоснованностью обыска на досудебной стадии зачастую носит формальный характер, поскольку судья, не имея доступа ко всем материалам дела, вынужден полагаться на обоснование, представленное следователем⁴. В этой связи в научной среде ведется активная дискуссия: одни ученые (В.В. Кальницкий, В.М. Быков) считают судебный контроль избыточным препятствием для оперативности расследования, другие (Т.В. Трубникова, Е.И. Шигурова) настаивают на необходимости усиления содержательного контроля для предотвращения произвольного вторжения в частную сферу⁵.

Тактическая эффективность обыска во многом зависит от качества предварительной подготовки, включающей сбор информации об объекте, лицах, планировании действий участников. Здесь возникает вопрос взаимодействия с оперативно-разыскными подразделениями. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности (ОРД) для подготовки обыска является распространенной практикой, однако процессуальное оформление такого взаимодействия, как

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 8. П. 8–12.

⁴ Доценко Г.В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий // Вестник науки №5 (86) том 4. С. 415 - 420. 2025 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: <https://www.вестник-науки.pf/article/23323>.

⁵ Кальницкий, В. В., Ларин Е.Г. Следственные действия: учеб. пособие / В. В. Кальницкий, Е. Г. Ларин. — Омск: Омская академия МВД России, 2015. — 172 с;

подчеркивает С.И. Захарцев, часто остается «за кадром», что может быть использовано защитой для оспаривания результатов⁶.

Особую сложность представляет обыск в жилище. Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ неоднократно указывали на необходимость строгого соблюдения конституционных гарантий неприкосновенности жилища (ст. 25 Конституции РФ) и соразмерности ограничения этого права⁷. С философско-правовой позиции это воплощение идеи человеческого достоинства как высшей ценности, требующей от государства не только формального, но и этического обоснования любого принудительного вмешательства.

2. Доказательственная сила результатов обыска: проблемы фиксации и оценки

Основным средством фиксации хода и результатов обыска является протокол, требования к которому установлены ст. 166 и 180 УПК РФ. Однако стандартизированная форма протокола зачастую приводит к его излишней формализации и поверхностному описанию. Типичными недостатками являются: отсутствие подробного описания места обнаружения предмета, его индивидуальных признаков, состояния; неотражение в протоколе замечаний и заявлений понятых или обыскиваемого лица; шаблонные формулировки⁸. Такой протокол уязвим для критики в суде, так как не позволяет в полной мере проверить добросовестность и точность фиксации обстоятельств.

В научных дискуссиях подчеркивается, что формализм протокола снижает его доказательственную силу и создает почву для злоупотреблений. Доказательственное значение имеют не только изъятые предметы, но и сам факт их обнаружения в определенном месте. Для установления и закрепления этой связи все чаще применяются технические средства фиксации: фото- и видеосъемка. Приказ Следственного комитета РФ от 08.08.2013 № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации» регламентирует применение таких средств⁹. Однако их использование порождает новые вопросы: о моменте начала съемки, о процессуальном статусе записи. В обзорах судебной практики Верховного Суда РФ отмечается, что отсутствие видеозаписи само по себе не

⁶ Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: монография. – М.: Норма, 2022. С. 214–231.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 N 33-П "По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других". <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/45139.html>.

⁸ Кощеева К.И. К вопросу о качестве составления протоколов следственных действий // Вестник экономики, управления и права. – 2021. – № 1 (54). С. 64–69

⁹ Приказ Следственного комитета РФ от 08.08.2013 № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации».

является нарушением, но ее наличие существенно повышает уровень доверия к действиям следователя¹⁰. В философско-правовом контексте обязательная видеофиксация обыска может рассматриваться как современный инструмент обеспечения прозрачности государственной власти и защиты от произвола.

Отдельную проблему представляет оценка доказательств, полученных в ходе обыска. Суд должен проверить не только законность процедуры, но и установить связь изъятого предмета с событием преступления и обвиняемым. Нередко защита заявляет ходатайства об исключении доказательств по ст. 75 УПК РФ, ссылаясь на провокацию, подброс или неясность происхождения изъятого. В таких случаях бремя опровержения доводов защиты ложится на сторону обвинения, что требует от следователя безупречного «соблюдение процедур» (procedural compliance).

3. Направления повышения эффективности обыска и доказательственной ценности его результатов.

На основе выявленных проблем можно предложить следующие пути совершенствования:

1. Детализация процессуальной регламентации и разработка методических рекомендаций. Целесообразно дополнить ст. 182 УПК РФ положением об обязательном составлении плана (схемы) обыска, особенно при обследовании больших территорий или помещений. Необходимо на ведомственном уровне разработать и внедрить детальные методические рекомендации по проведению обыска с учетом специфики различных категорий преступлений (экономические, наркопреступления, киберпреступления), включающие стандарты описания изымаемых цифровых носителей.

2. Повышение роли специалиста и внедрение новых технологий. Необходимо расширять практику обязательного участия специалистов – криминалистов, IT-экспертов. Перспективным является использование георадарного обследования, портативных рентгеновских установок, газоанализаторов¹¹.

3. Стандартизация и детализация протоколирования. Требуется переход от формального к содержательному протоколированию. В протоколе необходимо в обязательном порядке отражать: применяемые тактические приемы (если они не являются секретом для следствия), последовательность осмотра помещений, точные

¹⁰ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2022), утв. Президиумом ВС РФ 21.12.2022; Обзор № 1 (2024).

¹¹ Леонтьев А.А. Проблемы и особенности производства обыска в жилище, влияние на частную жизнь граждан при его производстве // Вестник науки №6 (63) том 3. С. 492 - 498. 2023 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: <https://www.вестник-науки.пф/article/9022>.

координаты обнаружения предметов (с привязкой к плану), показания приборов (если они использовались), разъяснения специалиста, содержание всех заявлений участников. Видеозапись должна стать стандартной практикой, а ее процессуальный статус – однозначно определен.

4. Совершенствование судебного контроля с учетом философско-правового принципа пропорциональности. Для преодоления формализма судебного контроля на досудебной стадии необходимо, чтобы следователь представлял суду не просто формальные основания, а конкретные данные, указывающие на вероятное нахождение искомых предметов в определенном месте. Это повысит качество судебных решений и снизит количество необоснованных вторжений в частную жизнь.

5. Усиление взаимодействия следствия и ОРД с процессуальным закреплением. Результаты ОРД, послужившие основанием для обыска, должны в максимально возможной (без разглашения государственной тайны) степени отражаться в материалах, представляемых судье для санкционирования, а также получать опосредованное подтверждение в протоколе обыска (через указание на точные места поиска, основанные на оперативных данных).

Заключение

Повышение эффективности обыска и доказательственной силы его результатов является комплексной задачей, требующей изменений как в законодательстве, так и в правоприменительной практике. С философско-правовой точки зрения ключевым остается достижение справедливого баланса между необходимостью эффективного раскрытия преступлений и защитой конституционных прав личности. Реализация предложенных мер позволит усилить позиции стороны обвинения в состязательном процессе, обеспечив при этом незыблемость прав и законных интересов личности, и будет способствовать достижению целей уголовного судопроизводства, сформулированных в ст. 6 УПК РФ.

References

I. Законы и нормативно-правовые акты, иные официальные документы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.09.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. Приказ Следственного комитета РФ от 08.08.2013 № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 8.

II. Монографии, учебники, учебные пособия:

5. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2019. – 1040 с.

6. Эминов В.Е., Ищенко Е.П., Следственные действия – основа раскрытия преступлений. – М.: Норма, 2022. – 133 с.

7. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: монография. – М.: Норма, 2022. – 290 с.

8. Радбрух Г. Философия права. М.: Международные отношения, 2004. – 151 с.

9. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина., Аверьянова Т.В., Россинской Е.Р., Корухова Ю.Г. – М.: НОРМА-ИНФРА М, 2026. – 563 с.

III. Статьи, научные публикации

12. Кощеева К.И. К вопросу о качестве составления протоколов следственных действий // Вестник экономики, управления и права. – 2021. – № 1 (54). С. 64–69.

13. Леонтьев А.А. Проблемы и особенности производства обыска в жилище, влияние на частную жизнь граждан при его производстве // Вестник науки №6 (63) том 3. С. 492 - 498. 2023 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: <https://www.вестник-науки.рф/article/9022>.

14. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Следственные действия в российском уголовном процессе: // Учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности 021100 – Юриспруденция. С.-Петербург. гос. инж.-экон. ун-т (ИНЖЭКОН). - Санкт-Петербург: СПбГИЭУ, 2004. – 73 С.

IV. Эмпирический материал (судебные акты):

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 N 33-П "По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других". <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/45139.html>.

16. Приговор от 22 июня 2018 г. по делу № 1-100/2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru>.

17. Приговор № 2-9/2019 Брянского областного суда от 19 сентября 2019 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru>.

UDC 34

Odintsova E.A., Molchanova V.R., Sbitneva E.A. The institute of nationalization in modern Russia: doctrinal contradictions, legal mechanisms and development prospects (2014–2026)

Институт национализации в современной России: доктринальные противоречия, правовые механизмы и перспективы развития (2014–2026)

Odintsova Ekaterina Andreevna,

Bachelor's Degree student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow

Molchanova Victoria Romanovna,

Bachelor's Degree student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow

Sbitneva Elena Alexandrovna,

Bachelor's Degree student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow

Scientific supervisor: **Guruleva Elvira Alexandrovna,**

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Faculty of Law named after M.M. Speran Institute of Law and National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Одинцова Екатерина Андреевна,

бакалавр, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва
Молчанова Виктория Романовна,

бакалавр, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва
Сбитнева Елена Александровна,

бакалавр, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва
Научный руководитель: Гурулева Эльвира Александровна,

доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, канд.юрид.наук, доцент.

Abstract. *This article examines the institution of nationalization in contemporary Russia. Despite long-standing debates in civil law scholarship, the legislative vacuum in this area persists, leading to a substitution of concepts and the use of indirect legal mechanisms. The paper analyzes theoretical approaches to defining nationalization, identifies its qualifying features, and distinguishes it from related institutions (requisition, confiscation, expropriation for public needs). Based on an empirical analysis of judicial practice and legal positions from 2022–2026, real cases of property transfer to public ownership are examined. Special attention is paid to the impact of mobilization processes on the expansion of the public sector. In conclusion, options for improving legislation to ensure a balance of public and private interests are proposed.*

Keywords: *nationalization, deprivatization, property rights, expropriation of property, Prosecutor General's Office, economic mobilization, compensation.*

Аннотация. *Настоящая статья посвящена исследованию института национализации в условиях современной России. Несмотря на многолетние дискуссии в цивилистической науке, законодательный вакуум в данной сфере сохраняется, что приводит к подмене понятий и использованию обходных правовых механизмов. В работе анализируются теоретические подходы к определению национализации, выявляются её квалифицирующие*

признаки и отличия от смежных институтов (реквизиции, конфискации, изъятия для госнужд). На основе эмпирического анализа судебной практики и правовых позиций 2022–2026 годов рассматриваются реальные кейсы перехода имущества в публичную собственность. Особое внимание уделяется влиянию мобилизационных процессов на расширение государственного сектора. В заключении предлагаются варианты совершенствования законодательства для обеспечения баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: национализация, деприватизация, право собственности, изъятие имущества, Генеральная прокуратура, мобилизация экономики, компенсация.

Рецензент: Рехтина Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена качественным изменением подходов к перераспределению собственности в России после 2022 года. С марта 2022 по октябрь 2024 года в арбитражные суды было подано более 55 крупных исков о передаче имущества государству, а общее число национализированных хозяйствующих субъектов превысило 200 [Чумакова, 2025]. При этом «коэффициент вероятности национализации» (по данным Moody's) вырос втрое — с 0,22 до 0,63 [Абрамов, 2024].

Гипотеза исследования заключается в том, что отсутствие специального закона о национализации приводит не просто к правовой неопределённости, но к системной подмене конституционных оснований изъятия собственности, что трансформирует национализацию из исключительной меры в рутинный инструмент экономической политики.

Парадокс ситуации заключается в том, что законодательная база для столь масштабных процессов отсутствует. Как отмечает Л.В. Щенникова, национализация, упомянутая в ст. 235 ГК РФ, является «неработающей конструкцией, поскольку не принят специальный федеральный закон» [Щенникова, 2012]. В результате правоприменительная практика идет по пути использования смежных или суррогатных механизмов: исков Генпрокуратуры о применении последствий ничтожных сделок, виндикации, а в последние годы — введения внешнего управления в компаниях из «недружественных» юрисдикций.

Цель настоящей статьи — проанализировать правовые механизмы и практические кейсы национализации в современной России для выявления правовых коллизий и предложения путей их решения. Для достижения цели поставлены следующие задачи: разграничить смежные правовые понятия; систематизировать судебные прецеденты последних лет; оценить влияние мобилизационных факторов на расширение госсектора; предложить варианты правовых реформ.

Объектом исследования выступают общественные отношения в сфере перехода прав собственности от частных лиц к государству. Предметом — нормы права, судебная практика и экономические последствия национализации.

Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический методы анализа.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе правоприменительной практики 2022–2026 годов в контексте мобилизационной экономики и обобщении предложений по законодательному регулированию национализации.

Глава 1. Теоретико-правовые основы национализации в РФ

1.1. Понятие и соотношение национализации со смежными институтами

В цивилистической доктрине отсутствует единый подход к определению национализации. Е.А. Суханов определяет её как «обращение в государственную собственность имущества, находящегося в частной собственности граждан и юридических лиц» [Российское гражданское право, 2010]. В.А. Белов предлагает более детализированное определение, включающее такие признаки, как государственно-властный акт, законность, принудительность, возмездность и особый предмет (имущественные комплексы) [Белов, 1999].

Анализ дореволюционной цивилистики показывает, что уже М.В. Венецианов рассматривал национализацию как институт, призванный «примирить интересы общества с интересами собственников», выделяя три обязательных элемента: цель (общепольность), принудительность и полное вознаграждение [Венецианов, 1891].

Ключевой проблемой современной правоприменительной практики является размывание границ между национализацией и смежными институтами. Как справедливо отмечает М.Ю. Карпов, «чем больше детальных признаков национализации выделяется, тем становится менее понятной грань между национализацией и другими основаниями прекращения права частной собственности — реквизицией, изъятием земельного участка для государственных нужд» [Карпов, 2016]. В результате государство получает возможность маскировать изъятие под «реквизицию» (при отсутствии катастрофы) или «изъятие для госнужд» (при надуманных основаниях).

Для выявления специфики российского подхода целесообразно обратиться к зарубежным доктринальным концепциям. В континентальном праве (Германия,

Франция) национализация (*Enteignung*, *expropriation*) традиционно рассматривается как исключительная мера, допустимая только в публичных интересах, при условии предварительной и справедливой компенсации. Германское Основное право (ст. 14) устанавливает триаду: социальная связанность собственности, допустимость

экспроприации, принцип «возмещение вместо жалобы» (Junktimklausel), связывающий правомерность изъятия с одновременным установлением компенсации [Bryde, 2020].

В англо-американской традиции институт eminent domain (верховная собственность) предполагает право государства на принудительное отчуждение частной собственности для общественных нужд, однако судебный контроль является ключевым элементом: суды оценивают как публичную цель (public use), так и справедливость компенсации (just compensation) [Epstein, 2019].

Российская модель, напротив, характеризуется отсутствием законодательно закреплённой процедуры, что, как справедливо отмечает М.Ю. Карпов, делает её «уникальной в сравнительно-правовом аспекте»: ни одна развитая правовая система не допускает систематического изъятия частной собственности без специального закона и вне чётких процессуальных рамок [Карпов, 2016, с. 138].

1.2. Конституционно-правовые основы и законодательный вакуум

Конституционная основа национализации заложена в ч. 3 ст. 35 Конституции РФ, допускающей принудительное отчуждение имущества для государственных нужд только при условии предварительного и равноценного возмещения. Однако механизм реализации этой нормы до сих пор не создан.

Гражданский кодекс РФ (ст. 235, 306) предусматривает возможность национализации, но, как подчеркивает Л.В. Щенникова, он «не предполагает принятия законодательных актов, устанавливающих процедуру национализации, а предусматривает принятие федерального закона по каждому случаю» [Щенникова, 2012]. Это делает механизм практически неработоспособным и вынуждает правоприменителя искать обходные пути.

М.Ю. Карпов обращает внимание на проблему разграничения компетенции: хотя ряд законопроектов предлагал наделить субъектов РФ правом национализации, это прямо противоречит п. «о» ст. 71 Конституции, относящей гражданское законодательство к исключительному ведению Федерации [Карпов, 2016].

1.3. Эволюция подходов к изъятию собственности

Можно выделить три этапа эволюции института национализации в постсоветской России:

1. 1990-е — начало 2000-х: период массовой приватизации, национализация рассматривалась как исключение (дело ЮКОСа).

2. 2010-е: формирование «гибридных» механизмов через иски Генпрокуратуры, апробация «крымской модели» изъятия.

3. 2022–2026: национализация как элемент мобилизационной экономики, введение внешнего управления в компаниях «недружественных» стран. Как отмечает К.Н.

Чумакова, с 2022 года национализация «прямым образом связана не с "деприватизационными" исками прокуратуры, а с носящим общий характер процессом мобилизации всего российского общества» [Чумакова, 2025].

Глава 2. Кейсы и прецеденты национализации в современной России

2.1. Дело ЮКОСа как прецедентный механизм

Дело ЮКОСа (2003–2007) сформировало базовый алгоритм: использование налоговых претензий для банкротства компании с последующим переходом активов к государственной «Роснефти». Хотя формально это не называлось национализацией, механизм стал типовым — изъятие через доначисление налогов и продажу активов на «дружественных» аукционах.

2.2. Крымский прецедент (2014)

Присоединение Крыма сопровождалось «национализацией в военном стиле». Акты Госсовета Республики Крым устанавливали перечни имущества, подлежащего немедленному изъятию «без конкретизации процедуры, без предварительной выплаты возмещения, без возможности обжалования» [Карпов, 2016]. Особого внимания заслуживает институт «временной администрации», назначаемой до завершения процедуры выкупа — по сути, физическое завладение имуществом до юридического оформления.

2.3. Изъятие по искам Генпрокуратуры (2019–2026)

Наиболее массовым механизмом стали иски Генпрокуратуры об истребовании имущества в доход государства. Аргументация строится на двух основаниях:

- нарушение законодательства о приватизации в 1990-е годы;
- «порочность» происхождения капитала.

Дело «Банановой республики» (аквапарк в Алуште, 2024) иллюстрирует расширительное толкование оснований: имущество изымалось на том основании, что изначально (в 2000-х) было создано на доходы от незаконного игорного бизнеса, хотя собственник уже понес наказание.

Применяя критерии В.А. Белова к данному кейсу, можно констатировать: отсутствует специальный закон (нарушение признака законности), не предполагается компенсация (отсутствие возмездности), цель не связана с экстремальными условиями.

Следовательно, это не национализация, а специальная конфискация, замаскированная под гражданско-правовой иск.

2.4. Внешнее управление и передача активов под контроль государства

Закон 2023 года о внешнем управлении в компаниях «недружественных» стран фактически легализовал крымскую модель на федеральном уровне. Пример проекта «Сахалин-2» показателен: прибыль иностранных участников стала зачисляться на

спецсчета, оператор проекта перерегистрирован в российской юрисдикции. Как отмечает Т.В. Ефимцева, «Правительство РФ разработало законопроект о внешней администрации, что означает фактическую национализацию имущества иностранных компаний» [Ефимцева, 2022].

Глава 3. Проблемы и перспективы института национализации

3.1. Анализ судебной практики: позиция высших судов

Судебная практика демонстрирует устойчивую тенденцию к расширительному толкованию оснований для изъятия. Верховный Суд РФ в определениях по крымским делам (2015) констатировал соответствие региональных актов федеральному законодательству, фактически легитимизировав изъятие без компенсации. Как иронично замечает М.Ю. Карпов, «такой вывод действительно можно обосновать ввиду отсутствия в нашем законодательстве четких различий между реквизицией и национализацией» [Карпов, 2016].

Проблема доказывания в делах Генпрокуратуры смещена в пользу обвинения: бремя доказывания законности происхождения капитала фактически ложится на ответчика, что противоречит презумпции добросовестности участников гражданского оборота.

3.2. Экономические последствия для инвестклимата

Доля государства в экономике России неуклонно растет. По данным РАНХиГС, к 2021 году она достигла 56%, а с учетом процессов 2022–2024 годов эта цифра значительно выше [Прохорова, 2023]. В отраслях, связанных с оборонзаказом и инфраструктурой, доля госучастия превышает 70%.

Экономические последствия неоднозначны. С одной стороны, национализация позволяет сохранить стратегические предприятия в условиях санкций. С другой — как показывают эмпирические исследования, «при прочих равных условиях государству сложнее быть эффективным собственником, чем частному юридическому лицу» [Радыгин и др., 2018].

3.2.1. Анализ законопроектов о национализации: динамика и причины стагнации

За период 2014–2026 годов в Государственную Думу вносилось не менее семи законопроектов, направленных на урегулирование института национализации. Наиболее значимыми являются проект Федерального закона № 618079-6 (2014, внесён депутатами фракции КПРФ), законопроект о «деприватизации» (2021, группа сенаторов), а также проект, подготовленный Министерством экономического развития (2024).

Анализ указанных инициатив позволяет выделить три устойчивые позиции расхождения.

Первая — основания изъятия. КПРФ настаивала на широком перечне (включая «социальную несправедливость приватизации»), в то время как правительственные законопроекты ограничивали основания обороной, безопасностью и чрезвычайными ситуациями.

Вторая — компенсация. Левые законопроекты допускали безвозмездное изъятие при наличии вины собственника; либеральные позиции (поддержанные экспертами ЦСР) настаивали на предварительной и равноценной компенсации как конституционном императиве.

Третья — процедура. Спорным оставался вопрос о судебном контроле: возможно ли изъятие по решению административного органа (Правительства) с последующим судебным обжалованием или требуется предварительное судебное решение.

Ни один из законопроектов не был принят даже в первом чтении. Представляется, что ключевой причиной законодательного вакуума является не столько отсутствие согласия по техническим деталям, сколько политическая и правоприменительная «удобность» нынешней модели. Как отмечает К.Н. Чумакова, «гибкость существующих механизмов позволяет государству избирательно подходить к каждому кейсу, не связывая себя жёсткими процедурными рамками» [Чумакова, 2025, с. 38].

3.3. Варианты решений и совершенствования законодательства

Анализ законопроектов о национализации (2014–2024) позволяет сформулировать следующие рекомендации.

3.3.1. Принятие Федерального закона «О национализации»

На ПМЭФ-2024 Президент РФ поддержал идею законодательного регулирования национализации, отметив, что решение должно приниматься «на уровне закона» [Овчинникова, 2024]. Закон должен четко определять:

- основания (оборона и безопасность, чрезвычайные ситуации, стратегические интересы);
- субъектов принятия решения (Правительство РФ с утверждением парламентом);
- судебный порядок контроля.

3.3.2. Прозрачная оценка и компенсация

Т.В. Ефимцева обращает внимание на необходимость «предварительного и равноценного возмещения» как конституционного требования [Ефимцева, 2022]. В законе следует закрепить:

- обязательное привлечение независимых оценщиков; включение в состав компенсации не только рыночной стоимости, но и упущенной выгоды;
- право обжалования оценки в суде.

3.3.3. Ограничение оснований и защита третьих лиц

Критически важно исключить подмену национализации конфискацией без состава преступления. Также необходима защита прав третьих лиц (залогодержателей, арендаторов). Как указывает К.Н. Чумакова, в действующих законопроектах «отсутствие четких механизмов обеспечения прав кредиторов собственника национализируемого имущества» является одной из ключевых проблем [Чумакова, 2025].

3.3.4. Введение «плана национализации»

Оригинальное предложение К.Н. Чумаковой — дополнить закон «планом национализации», включающим обязательства по сохранению профильного производства, кадровому обеспечению, источникам финансирования [Чумакова, 2025].

Это придаст национализации не просто перераспределительный, а мобилизационный смысл.

Закключение

Проведенное исследование не претендует на исчерпывающий охват проблематики. В качестве перспективных направлений дальнейших исследований можно выделить:

- 1) Анализ международно-правовых последствий национализации активов иностранных инвесторов, включая практику арбитражей ICSID и ЕСПЧ;
- 2) Оценку влияния национализационных процессов на инвестиционный рейтинг России в отчётах международных агентств (Moody's, Fitch) в долгосрочной перспективе;
- 3) Сравнительное исследование «мобилизационных» национализаций в России, странах Ближнего Востока и Латинской Америки в период 2020–2026 годов.

Однако, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, современная российская национализация носит преимущественно скрытый, завуалированный характер. Отсутствие специального закона вынуждает государство использовать суррогатные механизмы: иски Генпрокуратуры, виндикацию, внешнее управление. Это создает правовую неопределенность и риски для всех участников экономических отношений.

Во-вторых, с 2022 года национализация приобрела мобилизационный характер. Она стала не столько инструментом борьбы с коррупцией или «исправления ошибок приватизации», сколько способом перевода экономики на «военные рельсы». Это подтверждается статистикой: более 200 изъятий за три года, рост доли госсектора до 56% и выше.

В-третьих, российская правовая доктрина остается расколотой: от апологетики национализации как «нормального института» (Щенникова) до ее полного отрицания

(Скловский). Наиболее взвешенной представляется позиция Карпова, предлагающего замещать национализацию институтами закупок и сервитутов там, где это возможно.

Практические рекомендации сводятся к следующему:

1. Принять Федеральный закон «О национализации», четко определяющий основания, процедуру и гарантии.
2. Закрепить принцип предварительной и равноценной компенсации как безусловное требование.
3. Ввести механизмы защиты прав третьих лиц (залогодержателей, арендаторов).
4. Дополнить закон «планом национализации», обеспечивающим сохранение производства и рабочих мест.
5. Исключить возможность подмены национализации иными институтами без соблюдения конституционных гарантий.

Только при соблюдении этих условий национализация может стать не инструментом передела собственности, а легитимным механизмом защиты публичных интересов в экстраординарных ситуациях.

References

1. Абрамов А. Вычитание собственности: какие риски для экономики и бизнеса несет национализация // Forbes (включён в реестр иностранных агентов). 2024. 13 марта. URL: <https://www.forbes.ru/...> (дата обращения: 30.03.2026).
2. Белов В.А. Национализация в российском гражданском праве: история и современность // Законодательство. 1999. № 2. С. 15–22 ; № 3. С. 23–30.
3. Венецианов М.В. Экспроприация с точки зрения гражданского права. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1891. 120 с.
4. Ефимцева Т.В. Некоторые аспекты правового обеспечения национализации частной собственности // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 3. С. 598–609.
5. Карпов М.Ю. Национализация: тенденции развития доктрины и законодательства // Lex Russica. 2016. № 5. С. 133–146.
6. Овчинникова Ю. Путин поддержал идею ограничить национализацию на уровне закона // РБК (включён в реестр иностранных агентов). 2024. 7 июня. URL: <https://www.rbc.ru/...> (дата обращения: 30.03.2026).
7. Прохорова С., Деготькова И. Как доля государства в экономике России превысила 50 % // РБК (включён в реестр иностранных агентов). 2023. 11 мая.

8. Радыгин А.Д., Мальгинов Г.Н., Абрамов А.Е. и др. Эффективное управление государственной собственностью в 2018–2024 гг. и до 2035 г. М.: Центр стратегических разработок, 2018. 200 с.

9. Российское гражданское право: учебник. В 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010. Т. 1. С. 312–315.

10. Чумакова К.Н. Перспективы национализации и правового регулирования национализации в России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 36–39.

11. Щенникова Л.В. Гражданско-правовая наука о национализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 4. С. 179–186.

UDC 34

Pashkova T.N. Anatoly Fedorovich Koni as an outstanding lawyer, ethicist and inspiring speaker of his time

Pashkova Taisia

Anatoly Fedorovich Koni as an outstanding lawyer, ethicist and inspiring speaker of his time.
The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»
Scientific supervisor:

Privalova N.I.,

Associate Professor, Ph.D., Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

Abstract. *The article is a comprehensive portrait of Kony as a humanist lawyer, a brilliant speaker and a man with a capital letter who built justice on ethics, not just formal norms. This article examines the multifaceted activities and personality of Anatoly Fedorovich Koni, an outstanding Russian lawyer, judicial speaker, legislator and educator. Let's start with Konya's formation as a lawyer, with his contribution to the development of the criminal process at the beginning of the 20th century, consider some incredibly high-profile and significant trials in the history of lawyers involving Anatoly Fedorovich Konya, and end with his educational activities after the 1917 revolution and consolidate the epistolary legacy.*

Keywords. *judicial ethics, the moral principles of criminal procedure, jury trial, oratory, accusatory speech, Vera Zasulich case, the crash of the imperial train in 1888, the Multan case, the institute of pardon, prosecutorial supervision, the Statute of Criminal Proceedings (UUS 1864), judicial reform in 1864, the cassation practice of the Senate, legal reality, legal education, epistolary heritage, pedagogical activity, Soviet justice, consolidation of legal scholars, religious tolerance, resocialization of convicts, legal education, distance labor, electronic employment contract.*

Рецензент: Рехтина Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

1. Introduction

Since ancient times, the art of eloquence has occupied an honorable place in culture, along with other types of creativity. The ability to convince and inspire listeners has always been considered a gift worthy of respect, and in judicial speech, where the fate of a person and the triumph of justice depend on words, the role of the speaker becomes truly colossal. Russian legal scholars — lawyers, prosecutors, judges — have created outstanding examples of judicial speeches, and one of the brightest Russian legal speakers of the 19th century was Anatoly Fedorovich Koni, who went down in history as an outstanding lawyer, statesman and writer. He diligently passed on his experience as an orator to a new generation, and his legacy is still relevant.

2. Material and methods

Born into the family of playwright and writer Fyodor Alekseevich Koni and writer and actress Irina Semenovna Koni, Anatoly absorbed the theatrical atmosphere from childhood, but his path to law was not straightforward. Coming from an educated family, he studied a lot and successfully: he completed a gymnasium course with seven awards and in May 1861 entered the mathematical department of the metropolitan University. During the trigonometry exam, Academician O.I. was so impressed by his masterful answers to tricky questions that went beyond the scope of the program. According to Somov, according to his recollections, he said: "No, you need to be shown to the rector," "I'll take you to him!" and was almost ready to carry the applicant to the rector in his arms. However, in December of the same year, the university was closed due to student riots. Koni went to Moscow, immediately enrolled in the second year of Moscow University, choosing not a mathematical, but a legal path. It is noteworthy that his work for the degree of candidate of Law "On the right of necessary defense" was not liked by the tsarist censorship because of the justification of A. F. Koni the rights of the people to revolution are violated if the government oppresses them with its illegal actions and violates the law [1, p. 21]. Anatoly Fedorovich managed to avoid serious consequences, but what happened largely determined his latent opposition to the government. (However, it should be noted that in his work A. F. Koni has always been guided solely by the ideas of justice and humanism, not succumbing to political views and considerations). After completing his studies, he joined the General Staff of the Military Department, but, feeling an irresistible desire for judicial activity, in April 1866 he moved to the St. Petersburg Judicial Chamber as an assistant secretary of the criminal department. Six years later, in 1871, Koni returned to the northern capital as a prosecutor of the St. Petersburg District Court. He worked fruitfully in this position for over four years, leading the investigation of complicated cases and making accusatory speeches. It was then that he gained fame as an outstanding court speaker: his speeches were published in the press and widely quoted, and in 1902, Kony was nominated for the Nobel Prize in Literature. Over the years, he also held the posts of Chairman of the Court, Vice Director of the Department of the Ministry of Justice, Chief Prosecutor of the Criminal Cassation Department of the Senate, senator and member of the State Council.

Konya's uniqueness lay in the fact that he developed his talent simultaneously in three guises: a practitioner (fellow prosecutor, chairman of the court, senator), a theorist (author of fundamental works on ethics and process) and a legislator (participant in legislative work in the State Council and commissions). This triune nature allowed him to see the criminal process not as an abstract scheme, but as a living organism, where each norm breathes, stumbles and influences the fate of people. Unlike armchair scientists, Kony knew what the dock looked like

from the courtroom, and how sincere remorse differed from a learned role. A special place in the legacy is occupied by the beginning of the thorough development of his theory of judicial ethics and its teaching in Russia, most fully described in the work "Moral Principles in Criminal Procedure" (1902). Here, Koni builds a coherent philosophical concept, where the judge is not an omnipotent ruler, but a wise steward, limited both by law and moral duty. AF Koni did not consider law and morality to be alien concepts, noting that they have a common source, and the difference is only in the compulsory obligation of law [1, p. 22]. He passionately promotes Kant's idea that a person can never be a means, only an end. This is where the famous institutions come from: the right of the defendant to remain silent, the inadmissibility of testimony extracted by threats, the exemption of relatives from the obligation to testify against each other. Koni insisted: "The Court is a school for the people, from which, in addition to serving the law, they must learn lessons of serving the truth and respect for human dignity" [1, p. 23]. Creating the image of an ideal prosecutor, Koni painted an almost ascetic figure: calm, without personal bitterness, "neat" in his techniques, simple in language, objective, like a "publicly speaking judge."

But Koni did not only write about high matters — he took care of the practical education of speakers. For the new generation of Russian judicial rhetoricians, he prepared a unique work "Advice to Lecturers"(1844-1927), which has not lost its relevance today [2]. First, the outstanding lawyer suggested paying attention to careful preparation: it is necessary to collect interesting and important information related to the topic directly or indirectly, draw up a concise, but if possible complete plan and go through it several times. "Even better is to write a speech and, having carefully finished it stylistically, read it aloud," wrote Koni. Interestingly, he emphasized his appearance: you should dress simply and decently, without being pretentious and flashy, but a dirty, sloppy suit makes an unpleasant impression. "The mental effect on the audience begins before the speech, from the moment the lecturer appears in front of the audience" [2].

Koni accurately noticed that a novice lecturer is greatly hampered by the fear of listeners, the fear of knowing that the speech will be unsuccessful. "To worry less, you need to be more confident in yourself, and this can only happen with better preparation. The amount of excitement is inversely proportional to the labor spent on preparation. Unseen by anyone, the preliminary work is the foundation of the lecturer's confidence. This confidence will immediately increase during the speech itself, as soon as the lecturer feels that he speaks fluently, intelligently, makes an impression and knows everything that remains to be said." He advised starting the speech with the address "Comrades" and changing the tone - raising and lowering it in connection with the meaning of the phrase. "You're talking about Tolstoy, and the first sentence about his departure can be said in a low tone; this immediately emphasizes the

greatness of the moment in the life of our great writer." Gestures seem to enliven speech, but they should be used carefully: an expressive gesture (raised hand, clenched fist) should correspond to the meaning, and too frequent, monotonous, fussy hand movements are unpleasant and annoying. He did not advise walking around the stage - it is better not to do monotonous swaying from one foot to the other. "It is useful to look at individual groups of listeners: listeners look at the lecturer, and they are pleased if the lecturer looks at them. This attracts attention and wins favor. A lecturer should not have a single point to which the eye is drawn." The lecturer should be sufficiently illuminated: the face speaks along with the tongue. No distracting reasons (binoculars, newspapers, rustling, crying of a child) should affect him - he should do his job [2].

Kony advised avoiding a speech pattern, especially dangerous at the beginning and at the end, and not using the same expressions at close range (Flaubert and Maupassant advised not to put identical words closer than 200 lines). The form of speech should be simple and understandable; foreign words should be explained briefly immediately. Lyrics are acceptable, but they should be few and sincere. In order for the "touching" to really touch the heart, it is necessary to speak about the touching calmly, coldly, dispassionately — then a contrasting background is obtained. In order for the lecture to be a success, it is necessary to win the attention of the audience and keep it to the end. Attention is aroused by something simple, interesting, and close to what everyone has experienced. The first words should be extremely simple, accessible and interesting. You can keep your attention focused by brevity, rapid movement of speech, and brief, refreshing digressions. "Brevity is the sister of talent. It is necessary to make sure that there are relatively few words, but a lot of thoughts, feelings, and emotions. Then the speech will fulfill the testament of Apollon Nikolaevich Maikov: words are cramped, but thoughts are spacious." The rapid movement of speech obliges not to delay attention in approaching new parts, and the end should round off the speech, connect with the beginning, as in music the last chord: listeners should feel that there is nothing more to say. The flow of thought is important for success: if the thought jumps from subject to subject, it is almost impossible to listen to speech. The natural flow of thought brings deep aesthetic pleasure. "The best speeches are simple, clear, understandable and full of deep meaning. With a lack of one's own deep thought, it is permissible to use the wisdom of the wise, observing the measure so as not to lose one's face among the Lermontovs, Tolstoy, Dickens," Anatoly Fedorovich concluded his "Advice to lecturers" [2].

Konya's oratorical talent was particularly evident in his accusatory speeches, where he skillfully constructed the legal reality. Researchers of his work note: "The narrative in judicial speech can approach the artistic one in terms of style and means of expression" [1, p. 72]. In the case of the drowning of the peasant Yemelyanova, he, according to the remark of the

defender V. D. Spasovich, created a real "novel told by the prosecutor" [p. 71]. (In the case of the drowning of the peasant woman Yemelyanova, in his indictment, A. F. Koni begins the story as follows: "... we know that a young bath attendant got married, beat up a student and was put under arrest. The day after that, his wife was found in the Zhdanovka River. The astute bailiff's assistant saw in her death suicide out of grief for her husband — and the body was buried, and the deed was the will of God. It would seem that everything should end there, but there was talk of a drowned woman in the neighborhood. This dialect was grouped around Agrafena Surina, she was a knot, as if she had let slip that Lukerya had not drowned herself, but had been drowned by her husband" [3, p. 7]. Further, adding figures of speech and mixing with dry facts, A. F. Koni connects the story with Agrafena Surin. However, the narrative suddenly switches to Egor Surin, and the speaker tries to "trace his past life" [1, p. 17], selecting those details that will create the image of a dissolute man working in numbered baths, where ladies from houses of tolerance are invited and where he sees "systematic debauchery." "And here comes the first thought that you need to get rid of your wife." Next, the prosecutor returns to Agrafena, the story of the unfortunate Lukerya is built separately. All three stories intersect at the moment when the murder takes place. The speaker skillfully brings everyone together in one place to paint the picture he wants to present to the jury: the accusation against the defendant has sufficient grounds. The defendant's defense attorney, V. D. Spasovich, called A. F. Koni's narrative version "a novel told by the prosecutor." And based on the legal facts, he told a completely different story, the main version of which was Lukerya's suicide. But the jury recognized the speech of the prosecutor A. F. The trial was more convincing and found the defendant guilty of murder with premeditated intent. The sequential sequence of factual circumstances with embedded circumstantial evidence woven into the fabric of the narrative and the visualization of the murder scene were so skillfully used by A. F. Koni that the jury had no doubt about the suspect's guilt). And in the process of plundering Solodovnikov's property, he managed to convince the jury by building a consistent series of factual circumstances supplemented by indirect evidence woven into the fabric of the narrative [pp. 70-71]: A. F. Koni tells about the financial situation of the defendant before the death of Nikolai Solodovnikov and declares: "... when he was searched seven months after Solodovnikov's death, he turned out to be a rich man." Assuming possible income based on the defendant's account of the origin of these funds, A. F. Koni always puts forward a hypothesis and refutes it with factual circumstances, including witness testimony.: "The defendant, I think, was himself aware that the lack of a plausible explanation of the origin of his capital and the denial of the facts revealed by the witnesses were not enough" [4, p. 34] After talking about the intimidation of witnesses and the undermining of their testimony by the defendant, the speaker skillfully concludes his story: the accusations have sufficient grounds,

"but enough is enough. This case, in my opinion, should be clear to you, gentlemen of the jury, and there is no need to explain it. I accuse Suslennikov of taking advantage of Solodovnikov's death to steal, as far as he could, his property for a large amount, in any case many times more than 300 rubles, which is indicated by the punitive law" [4, p. 35]. A. F. Koni managed to convince the jury of Suslennikov's guilt.

Kony remained an ardent supporter of the jury trial all his life. He saw in them a true reflection of the principle of dispositivity: "Jurors evaluate evidence based solely on their conscience. <...> Moreover, the jurors are not burdened with legal knowledge, which allows them to look at the situation from a slightly different perspective — from the side of justice" [1, p. 24].

But the most famous case that made Kony famous was, of course, the story of Vera Zasluch. The trial began on March 31, 1878. Despite the established fact of an attempt on the life of Mayor Trepov, Koni emphasized in his parting words to the jury [1, p. 36]: "After listening to the arguments of the prosecution, the defense, and the chairman of the trial, A. F. Koni, who, in turn, urged the court to take into account the accumulated anger in the defendant's personality when making a final decision on the case under consideration." she is more impressionable towards life" [2, (5) p. 254]. Summarizing the results of the meeting, Koni, addressing the assessors, spoke as follows: "The instructions that I have given you now are nothing more than advice that can make it easier for you to sort out the case. They are not necessary for you at all. [1 (6)]. You can forget them, you can take them into account. You will have a decisive and final say on this matter. You will pronounce this word according to your conviction, based on everything you have seen and heard, and not constrained by anything except the voice of your conscience. If you find the defendant guilty on the first or all three counts, then you can find her deserving of leniency based on the circumstances of the case. You can understand these circumstances in a broad sense. These circumstances always matter, because you are not judging an abstract subject, but a living person, whose present is always directly or indirectly influenced by his past. Discussing the grounds for leniency, you will recall the life of Zasluch revealed to you" [4, (5) pp. 437-438]. The acquittal caused a split in society: the liberals approved, the conservatives condemned, and the newspaper *Moskovskie Vedomosti* demanded that "terror be stripped of its heroic aura" [1, p. 37]. The Senate overturned the verdict on appeal and even demanded that Kony be put on trial, but this demand was not satisfied, and Zasluch managed to escape abroad [pp. 37-38].

No less dramatic was the crash of the Imperial train on October 17, 1888, which was commissioned by Kony. A technical examination conducted under his leadership established that the train of 15 wagons had 64 axles at a rate of 42, and the speed was increased to 67 versts per hour [6, Im, p. 30]. The experts unanimously stated that "the nature and nature of

the damage to the train and track do not give any reason to assume a malicious attempt," and the cause was a derailment due to the "stitching" of the track and exceeding the slope [7, Im, p. 31]. Koni personally petitioned the emperor for leniency towards some officials, arguing: "Where equal justice for all is impossible, equal mercy for all may be appropriate" [1, pp. 52-53].

A special page of Konya's legacy was his participation in the Multan case (1892-1896), where Udmurt peasants were falsely accused of ritual murder in order to bring human sacrifice to pagan gods. The writer V. G. Korolenko personally met with Koni, who held the post of chief prosecutor of the Criminal Cassation Department of the Senate, and "reported to him about the deviations in the work of the investigative and judicial authorities" [1, pp. 78-79]. After Kony gave his opinion, the Senate overturned the convictions twice and eventually acquitted the defendants. Korolenko later wrote: "I am so convinced of the complete innocence of these people and of the most vile falsification of the investigation that I have no shadow of a doubt" [pp. 77-78].

After the 1917 revolution, when the entire empire's justice system was eliminated, Koni accepted the new government favorably, seeing an opportunity to continue his education. Already in November 1917, he met with People's Commissar of Education A.V. Lunacharsky, and in January 1918 he was elected professor of the Department of Criminal Justice at Petrograd University, where he taught extensive academic courses [1, p. 7]. Later, he taught at the Institute of the Living Word, where he developed a series of lectures on dormitory ethics, and also spoke at the Railway University and the Institute of Cooperators. In 1920, with the establishment of the All-Russian Writers' Union, Koni assumed the position of judge of honor [p. 7]. He was one of the first to comment on the Criminal Code of the RSFSR of 1922 [9], noting that although the new code is "better" than the Charter of 1864 in some aspects (the right to call new witnesses, the expansion of the rights of the investigator), the defendant's right to silence has been lost — the holy of holies for the old lawyer [8].

Not everyone knows that Koni showed a deep interest in labor law. In the article "The Tasks of labor assistance" (1897), he wrote: "Successful work requires a cheerful soul and a healthy body... Where the former is broken, exhausted, or perverted, because there is neither willingness nor ability to work; where the latter is exhausted and exhausted, there is no strength" [1, p. 47]. According to modern researchers, these ideas have anticipated many principles of occupational safety and health. As you can see, Anatoly Fedorovich outlined the problem for which the principles of labor law were created.

The epistolary heritage of Konya is of great historical and cultural value. It allows you to learn more about the creative process of the writer, his views on art and the world in general. It is a kind of window into the past through which one can see and understand the literary and

cultural life of Russia in the 19th century. He himself wrote: "Letters... if they are not intended to be printed, are expressed with greater frankness... hot on the heels of thoughts and feelings that have arisen." He left tens of thousands of documents, including more than 20,000 letters [1, p. 11]. Thanks to the correspondence, the psychological appearance of the lawyer, his proximity to the literary elite, and his active life position are revealed [pp. 11-12].

Koni consistently opposed formalism and indifference. He noted bitterly: "Sometimes I simply despair when I see this crowd of officials without any love for the cause, without a true understanding of the goals and purpose of the court — officials who are ready to destroy with their own hands the building created by judicial regulations" [1, p. 24]. At the same time, he himself has always served as an example of selfless service. Even in situations that were questionable from the point of view of the letter of the law, he was able to find a humane solution. A. F. Koni, being a judicial and prosecutorial figure, always remained primarily a human being. He was able to see the hidden, hidden strings of the soul, which allowed him to influence the offender in the most humane way, forcing the latter to reflect on his behavior and actions. This is clearly evidenced by the example of the Nechaev case. In the 19th century, in Russia, on the day of the celebration of the Christian feast of the Annunciation, there was a tradition of releasing birds into the wild [13]. A certain elder Chernov decided to take advantage of this tradition, but instead of a bird, he decided to release a man: he bailed the prisoner Nechaev. Chernov brought Nechaev to his house and provided him with everything he needed. Nechaev did not appreciate Chernov's good intentions. When he refused to indulge Nechaev's sentiments, the latter killed Chernov. Moreover, the murder was committed in a brutal manner. Nechaev, back in prison, behaved brazenly and defiantly, did not express any signs of remorse for what he had done. At the same time, the prisoner turned to A. F. Koni with a request to give him two kittens from a cat that had accidentally given birth in his cell. A. F. Koni granted the request. However, when the jury sentenced Nechaev: guilty, he does not deserve leniency — he began to rampage in the cell. For this, he was threatened with being shackled in hand and foot shackles. It would seem that such a decision looks quite fair and justified in relation to Nechaev. However, A. F. Koni ordered a different course of action: he advised the caretaker of the prison castle to take the kittens from Nechaev. And this measure worked! Three days later, the caretaker again came to A.F. Koni with a request to give the kittens to Nechaev, since the latter tearfully asked to return the animals to him on condition of correction. Nechaev committed a grave, inhuman crime, showing all his basest motives. But even in it, A. F. Koni saw a man, even if he was a criminal, but still a man!

A. F. Koni believed that a lawyer should not judge based solely on the provisions of the law. He noted that it is necessary to study the internal component – the internal development of the crime, "to judge by conscience." The story of the prisoner Nechaev, who killed his savior

and raged in his cell, but was subdued... by kittens, which Koni ordered to be taken away from him and then returned on condition of correction, has become almost a parable about the power of mercy.

3. Results and discussions

During the study:

- 1) the issues of Koni's formation as a lawyer have been considered;
- 2) his contribution to the development of the criminal process at the beginning of the 20th century has been assessed;
- 3) significant lawsuits in the history of lawyers with the participation of Anatoly Fedorovich Koni have been mentioned; his educational activities after the 1917 revolution has been analyzed.

4. Conclusion

Anatoly Fedorovich Koni was not just an outstanding lawyer and a brilliant speaker, but the creator of the moral concept of justice, where ethics, humanism and respect for human dignity were placed above the formal letter of the law, which he successfully implemented in judicial practice, lawmaking, educational activities [14] and after the revolution.

This article aims, through the prism of Kony's ideas about leniency and humanism towards the defendant, to open up to young lawyers the high moral standard on which real justice has always been held, and to inspire them to follow not the letter, but the spirit of the law.

Our goal is to expose the very core of A. F. Koni's legal philosophy: the belief that the court should be merciful, and the criminal is not an object of punishment, but a person worthy of understanding. And to make this value the property of a new generation of Russian lawyers.

Konya's unflagging interest in criminal procedure, judicial ethics, and public speaking shows that he was a central figure in Russian justice. Many of his ideas, from informing the jury about punishment to the prosecutor's duty to drop charges in case of doubt, survived the empire, the revolution, and today continue to live in modern Criminal and Criminal Procedure Codes. Koni built a bridge between dry dogma and living ethics, between law and conscience, and those who consider law to be an instrument of justice rather than an instrument of repression are still crossing this bridge. And his advice to novice speakers remains a desktop guide for anyone who wants to convince not by shouting, but by telling the truth.

References

1. A. F. Koni, an outstanding Russian lawyer: proceedings of the Scientific and practical conference. (St. Petersburg, February 29, 2024). / VGU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), St. Petersburg Institute (phil.); editors: D. V. Rybin (editor), E. V. Trofimov (editor) [and

others]. — St. Petersburg: St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2024. - 82 p.

2. The outstanding Russian jurist A. F. Koni and the oratory of a lawyer/The author's view. Russian Agency for Legal and Judicial Information. – published on 07.07.2025//ANO RAPSI//URL:

https://rapsinews.ru/historical_memory_publication/20250707/311006172.html?ysclid=mp1cbzr7bq12971302

3. Alexandrov A. S., Alexandrova I. A., Terekhin V. V. Six critical essays on law and justice // Postclassical ontology of law: monograph / edited by I. L. Chestnov. SPb.: Alatea, 2016. 684 p.

4. Koni A. F. Judicial speeches. 4th ed., so. dop. SPb.: Type. Suvorina, 1905. 943 p.

5. Soboleva A. K., Rybin A. I. Narratives and rhetorical narration (Prothesis, narratio): theoretical foundations and practical application // Law and narratives: monographs / under the general editorship of V. V. Denisenko, A. K. Soboleva, I. L. Chestnov. Moscow: Prospekt, 2022. 128 p.

6. Koni A. F. Selected works / comp., intro. art. and notes by G. M. Mironova, L. G. Mironova. Moscow: Sov. Russia, 1989. 495 p.

7. Romashov R. A. Amnesty and pardon as types of state forgiveness of guilt // Penal science. 2012. No. 20. pp. 4-7.

8. Kodintsev A. Ya. Anatoly Fedorovich Koni's contribution to the development of the criminal process in the early 20th century//Siberian Law Review. 2022. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-anatoliya-fedorovicha-koni-v-razvitie-ugolovnogo-protsessa-v-nachale-hh-veka> (date of reference: 05/12/2026).

9. Prokopyeva M. G., Rabinovich M. A. Outstanding Russian lawyer, statesman and public figure, judicial speaker Anatoly Fedorovich Koni // Legal Science: History and Modernity. 2020. No. 6. P. 60–72. (In Russ.).

10. Koni A. F. Memoirs of the Vera Zasulich case / ed. and note by M. F. Teodorovich. Moscow: Academia, 1933. 581 p.

11. Bashmakova, N.I., Ryzhova, N.I., Kuznetsova, O.A. (2025). Historical Retrospective of Mediation as an Integrative Concept: Paradigms of Study and Interdisciplinarity. Administrative Consulting, (1-1), 65–80.

12. Bondarev V.G., Bashmakova N.I., Sinina A.I. (2020). Judicial discourse: genesis and definition of the concept//Conflictology. Vol. 15. № 1. pp. 52–65.

13. Privalov N. (2012). The Third Way of Russia: A New Hope in the XXI century. Ekaterinburg: Ural Publishing, 434 p.

14. Privalov N.G. (2025). Estates as new socio-professional groups in Russia //Journal of Political Studies. Vol. 9, No. 3. pp.106-120. DOI <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2025-9-3-106-120>.

UDC 347

Shakhurova E.S. Damage to reputation or slander spread by a neural network (deepfakes)

Причинение вреда репутации или распространение клеветы нейросетью (дипфейки)

Shakhurova Evgeniya Sergeevna

2nd year student of the Department of Judicial and Prosecutorial Activities
Smolensk State University
(Smolensk, Russia)
Scientific supervisor:

Sirik Natalia Valerievna

Smolensk State University
(Smolensk, Russia)
Шахурова Евгения Сергеевна
студентка 2 курса направления судебно-прокурорской деятельности
Смоленский государственный университет
(г.Смоленск, Россия)
Научный руководитель:
Сирик Наталия Валериевна
Смоленский государственный университет
(г.Смоленск, Россия)

Abstract. *The article is devoted to the study of problems related to the damage to reputation and the spread of defamation by artificial intelligence. The relevance of the topic is due to the significantly increasing role of neural networks and the insufficient adaptation of current legislation to new realities. The paper provides a systematic analysis of doctrinal approaches to the concept of "Deepfake", various approaches to liability for deepfakes, explores the possibility of applying existing civil law norms (tort liability, liability for harm caused by a source of increased danger) when considering specific cases, and also examines the issue of evidence in cases involving damage to reputation by a neural network. The purpose of the study is to identify gaps in Russian legislation and predict its changes in the future. As a result of the study, it was revealed the need to amend the Civil Code of the Russian Federation, maintain the Institute of liability Insurance and establish clear criteria for the distribution of the burden of proof.*

Keywords: *artificial intelligence, neural network, deepfake, damage to reputation, civil liability, subject of responsibility.*

Аннотация. *Статья посвящена исследованию проблем, связанных с причинением вреда репутации и распространением клеветы искусственным интеллектом. Актуальность темы обусловлена существенно возрастающей ролью нейросетей и недостаточной адаптированностью действующего законодательства к новым реалиям. В работе проводится системный анализ доктринальных подходов к понятию "Дипфейк", различные подходы к ответственности за дипфейки, исследуется возможность применения действующих норм гражданского права (деликтная ответственность, ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности) при рассмотрении конкретных дел, а также изучается вопрос доказывания в делах, связанных с причинением вреда репутации нейросетью. Цель исследования - выявление пробелов в российском законодательстве и прогнозирование его изменений в будущем. В результате исследования была выявлена необходимость внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, ведение института страхования ответственности и установление четких критериев распределения бремени доказывания.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, нейросеть, дипфейк, причинение вреда репутации, гражданско-правовая ответственность, субъект ответственности.*

Рецензент: Рехтина Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

В эпоху цифровых технологий искусственный интеллект внедряется во все сферы жизни общества, порождая тем самым не только технологический прогресс, но и существенные изменения в праве. Правоприменители сталкиваются с проблемами применения действующего закона в делах, связанных с использованием нейросетей. Одним из наиболее серьезных и дискуссионных вопросов, требующих законодательного решения, является определение правового режима для созданных с помощью генеративного искусственного интеллекта материалов, а именно дипфейков. Распространение гиперреалистичных изображений, аудиозаписей и видео, которые имитируют действия и высказывания конкретных лиц может нанести существенный вред их репутации и достоинству. Научная гипотеза исследования заключается в том, что действующая модель деликтной ответственности, которая согласно статье 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) требует доказательства вины [6] неэффективна при причинении вреда нейросетью. Непредсказуемое поведение самообучающихся систем и отсутствие прямого контроля владельца за каждым их действием создают серьезные препятствия для применения классических механизмов доказывания. Это порождает необходимость в расширительном толковании статьи 1079 ГК РФ, касающейся источников повышенной опасности [6] или разработке нового законодательного решения.

Ученые выделяют несколько подходов к пониманию понятия «Дипфейк». Во-первых, существует техноцентричный подход, который фокусируется на технической стороне, определяя дипфейк как гиперреалистичное видео, сгенерированное ИИ, которое имитирует действия и слова человека, никогда не имевшие места. В отличие от этого, второй подход, а именно - нормативный, акцентирует внимание на этической и правовой стороне, рассматривая дипфейк как незаконное присвоение чужого образа или голоса для распространения дезинформации или причинения вреда. Есть и третий подход- синтетический, который стремится объединить эти две перспективы. Он определяет дипфейк как целенаправленно созданный с помощью ИИ медиапродукт (видео, фото, аудио), призванный сформировать у аудитории искаженный образ реального человека с целью получения выгоды или нанесения ущерба. [4, С. 31-35]

В российской же судебной практике дипфейки определяются в качестве дополнительного инструмента обработки технического материала, а не способа их создания. [13]

В рамках анализа зарубежной практики заслуживает внимания тот факт, что суд в провинции Квебек разработал свое определение понятия “дипфейк”, под которым

понимается “процесс манипулирования аудиовизуальными данными, использующий алгоритмы глубокого обучения для создания сверхреалистичных образов”. Согласно позиции суда данная технология может использоваться для встраивания лица человека в тело другого человека, а также данный метод визуальной манипуляции может быть дополнен синтезированным голосом, неотличимым от голоса конкретного человека. [14, С.19]

Методология создания дипфейков включает в себя две категории:

- EBDR (Employment Based Digital Replicas- цифровые копии на основе занятости)- данный подход заключается в вовлечении человека в процесс генерации цифровой реплики
- ICDR (Independently Created Digital Replicas- независимо созданные цифровые копии)- эта категория включает в себя методы, основанные на преобразовании имеющихся визуальных данных. [3, С. 23]

С каждым днем появляется все больше видео и изображений, сгенерированных искусственным интеллектом, которые сложно отличить от реальности. В пример можно привести фальшивое видео, которое было распространено в нескольких регионах России 5 июня 2023 года, в котором Владимир Владимирович Путин заявил о введении военного положения и объявлении полной мобилизации. Пресс-секретарь президента Дмитрий Песков опроверг информацию о выступлении президента Российской Федерации с данным обращением и сообщил о факте взлома телевизионного эфира. Платформа “Зефир” установила, что данное обращение с вероятностью 87% является дипфейком. [5, С. 54]

В российском законодательстве честь, достоинство и деловая репутация относятся к нематериальным благам, защищаемых статьей 152 ГК РФ. Дипфейки, содержащие сведения, не соответствующие действительности и порочащие честь субъекта попадают под действие данной статьи. Особого внимания требует охрана таких личных немущественных прав, как изобразительные и звуковые данные гражданина. Из статьи 152.1 пункта 1 ГК РФ следует, что “обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина”. Защита голоса осуществляется с помощью статьи 150 ГК РФ, где указан перечень нематериальных благ, который носит открытый характер [6], а следовательно, позволяет защищать и новые объекты, в том числе и голос гражданина.

В Государственную Думу Российской Федерации внесет законопроект № 718834-8 о внесении изменений в первую часть Гражданского кодекса, суть которого

заключается в ее дополнении статьей 152.3, устанавливающей охрану голоса по аналогии с изображением гражданина, в том числе и в случаях его имитации. На данный момент он находится на стадии рассмотрения. Принятие этого закона поможет устранить пробел в гражданском законодательстве в отношении голоса гражданина. [12]

Согласно статье 11 Федерального закона “О персональных данных” изображение и голос гражданина являются биометрическими персональными данными. Их обработка должна осуществляться в особом порядке, установленным данным законом и только с согласия соответствующего субъекта. Следовательно, использование этих данных без согласия субъекта с целью создания дипфейков является отдельным нарушением. [16]

Как отмечалось выше, основным инструментом защиты от причинения вреда репутации и достоинству человека искусственным интеллектом является статья 152 ГК РФ. Согласно пункту 1 данной статьи, “гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом”. Пункт 2 статьи 150 ГК РФ предусматривает возможность гражданина помимо возмещения морального вреда, требовать прекращения противоправных действий, которые нарушают или могут в будущем поставить под угрозу его личные неимущественные права.[6] Если рассматривать это положение относительно нейросетей, то это может выражаться в требовании об исключении конкретных данных из датасетов или внесении изменений в работу алгоритмов.

Что касается клеветы, то за нее предусмотрена уголовная ответственность, основанная на статье 128.1 Уголовного кодекса РФ(далее УК РФ). Согласно ей, клевета-это “распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию”. [15] Таким образом, ключевым признаком состава клеветы является распространение заведомо ложных сведений. Однако, при определении заведомой ложности сведений в дипфейке возникает ряд проблем, так как доказать осведомленность распространителя о недостоверности информации крайне сложно. Также для установления подлинности фото и видеоматериалов необходимо проводить достаточно сложный анализ с привлечением экспертов в области информационных технологий и искусственного интеллекта. Стоит отметить, что существующая редакция ст. 128.1 УК РФ не учитывает особенности распространения клеветы нейросетью, а следовательно представляется необходимым

дополнить ее с учетом специфики генеративного искусственного интеллекта. Этот шаг позволит ужесточить ответственность за распространение порочащих сведений посредством дипфейков. [18, С. 733-735]

Привлечь искусственный интеллект к ответственности является проблемой из-за отсутствия у него гражданской правосубъектности. Согласно статье 2 ГК РФ «участниками регулируемых гражданским законодательством отношений являются граждане и юридические лица». [6] Нейросеть не обладает правоспособностью и дееспособностью, что делает невозможным ее участие в правоотношениях, а следовательно и возложение на нее ответственности. В доктрине и судебной практике выделяют следующих субъектов гражданско-правовой ответственности:

1) автор дипфейка, то есть лицо, сгенерировавшее контент с помощью искусственного интеллекта. Особое внимание здесь стоит уделить позиции А.К. Жаровой, согласно которой «Лицо, использующее технологию дипфейк, становится оператором персональных данных, в соответствии с ФЗ «О персональных данных», поскольку это лицо «организует и (или) осуществляет обработку персональных данных, а также определяет цели обработки персональных данных, состав персональных данных, подлежащих обработке, действия (операции), совершаемые с персональными данными» (п. 2 ст.3 ФЗ «О персональных данных»». [7, С.115] Голос и изображение человека, как уже отмечалось, относятся к биометрическим персональным данным, обработка которых допускается только при согласии субъекта персональных данных. Лицо, создавшее дипфейк, может быть привлечено к ответственности по ст 152 ГК РФ (Защита чести, достоинства и деловой репутации), ст 152.1 ГК РФ (Нарушение права на изображение), а если для создания дипфейка использовались чужие видео, изображения или музыка, то его автора можно привлечь к ответственности и по ст 1259 и 1274 ГК РФ (Нарушение авторских и смежных прав). Создателю дипфейка будет грозить, в первую очередь, удаление данного материала и запрет его использования, компенсация морального вреда истцу в размере, определенном судом, возмещение убытков, если пострадавшее лицо их претерпело из-за подорванной репутации. В некоторых случаях согласно ст 1301 ГК РФ возможна и компенсация за нарушение исключительных прав. [6]

2) Лицо, осуществившее акт опубликования, передачи или иного доведения дипфейка до сведения неопределенного круга лиц. Им может быть как сам автор, так и третье лицо. Распространитель дипфейка несет ответственность наравне с автором, причем его вина может быть установлена, если он знал или имел основания предполагать, что информация является поддельной. Основанием для гражданско-

правовой ответственности являются те же статьи Гражданского кодекса РФ, что и для автора дипфейка.

3) Владелец информационного ресурса, где были опубликован ложный материал. В соответствии с пунктом 1 и 2 ст 15.7 Федерального закона №149-ФЗ “Об информации” потерпевший имеет право направить владельцу сайта в сети “Интернет” заявление, в котором необходимо указать данные правообладателя, содержание и характер нарушения, точный адрес размещения материала, а также подтверждение прав на материал и факта отсутствия согласия на его размещение. Согласно пункту 6 указанной статьи “В течение двадцати четырех часов с момента получения заявления или уточненных заявителем сведений владелец сайта в сети “Интернет” удаляет указанную в части 1 настоящей статьи информацию”.[17] Если же данная информация не будет удалена, то владелец соответствующей платформы фактически становится соучастником распространения дипфейка и может быть подвержен солидарной ответственности вместе с его автором и распространителем.

Солидарная ответственность наступает, создатель дипфейка и распространитель действовали совместно с целью причинения вреда (например, по предварительному сговору). В этом случае они становятся солидарными должниками по общим правилам, предусмотренным ст 322 и 1080 ГК РФ. [6] Однако ГК РФ и иные нормативно-правовые акты не содержат специальных норм о солидарной ответственности за дипфейки. Для информационных посредников согласно ст 1253.1 ГК РФ предусмотрена субсидиарная или ограниченная ответственность, то есть посредник несет менее строгую ответственность, чем правонарушитель.[6] Но если посредник действует совместно с создателем дипфейка в целях причинения вреда, то преобладают общие нормы о солидарной ответственности, а следовательно посредник утрачивает право на субсидиарную или ограниченную ответственность и несет солидарную ответственность вместе с правонарушителем.

Как мы видим, действующее законодательство позволяет защищать репутацию от распространения клеветы нейросетью. Так, статья 1064 ГК РФ предусматривает общие основания ответственности за причиненный вред, а статья 1099 ГК РФ предоставляет возможность компенсации морального вреда при нарушении личных неимущественных прав. [6] Однако ключевая проблема обусловлена особенностью функционирования нейросетей. Они могут непреднамеренно создавать дискредитирующую информацию, что является следствием статистических закономерностей, обнаруженных в обучающих наборах данных. Из этого вытекает вопрос о правомерности возложения вины на владельца сервиса, если его алгоритмическая модель функционировала не так, как предполагалось изначально.

Классическая деликтная ответственность вытекающая из статей 1064 и 1099 ГК РФ базируется на принципе вины, так как для привлечения к гражданско-правовой ответственности необходимо установить конкретное виновное лицо, а также доказать наличие в его действиях противоправности. [6] Однако в контексте генеративного искусственного интеллекта данная модель начинает давать сбои.

Когда искусственный интеллект создает дипфейк самостоятельно, с помощью анализа данных, владелец сервиса оказывается в неоднозначном положении. Хотя он и не является автором дипфейка в традиционном понимании, но именно он ввел в оборот инструмент, чье поведение зачастую непредсказуемо. Привлечь его к ответственности по статье 1064 ГК РФ возможно, однако это потребует доказательства либо недостаточных мер контроля, то есть вины в форме неосторожности, либо применения концепции источника повышенной опасности по смыслу статьи 1079 ГК РФ. Традиционно под источником повышенной опасности понимаются физические объекты (например, транспортные средства, взрывчатые вещества, механизмы). [6] Распространение этого термина на нейросети не является общепризнанным и активно критикуется учеными. Первая группа ученых отмечает, что искусственный интеллект обладает такими же неподконтрольными и вредоносными свойствами, что позволяет отнести его к источнику повышенной опасности. Лаптева В. А. считает очевидным, что интеллектуальные роботы и программы относятся к источникам повышенной опасности, а следовательно российское законодательство уже содержит необходимые нормы права, которые регламентируют порядок привлечения к ответственности за деятельность искусственного интеллекта. [9, С.90]

Другая группа ученых придерживается риск-ориентированного подхода, который заключается в необходимости более тонкого разграничения рисков при категоризации искусственного интеллекта как объекта повышенной опасности, поскольку прямое отнесение не учитывает всех нюансов. Для систем с высоким риском они предлагают привлечь к ответственности, близкой к статье 1079 ГК РФ, разработчика, а для систем с низким риском предусмотреть виновную ответственность. Ижаев О.А. и Кутейников Д.Л. в своей работе отмечают, что концепция, рассматривающая систему искусственного интеллекта в качестве источника повышенной опасности не охватывает всю многогранность общественных отношений в сфере искусственного интеллекта. Многообразие участников, их разный уровень вовлеченности, присущая искусственному интеллекту способность к самообучению и техническая сложность требуют более глубокого правового осмысления. Системы искусственного интеллекта обладают разнообразными функциями и могут

использоваться для разных целей, следовательно правовое регулирование должно учитывать эту специфику. [8, С. 30]

Вместо статьи 1079 ГК РФ более обоснованным считается применение ст 1095 ГК РФ “Основания возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товара, работы или услуги”. Если владелец сервиса предоставляет услугу ненадлежащего качества (например, не обеспечил достаточную фильтрацию контента), то его ответственность наступил не независимо от вины. [6]

Что касается аспекта доказывания в делах, связанных с причинением вреда репутации и распространением клеветы нейросетью, можно выделить ряд элементов доказывания:

1) Доказывание факта распространения: в случае автоматической генерации и распространения дипфейка истец должен доказать только факт его наличия на ресурсе, а обязанность раскрыть информацию об авторе может быть возложена на владельца платформы.

2) Порочащий характер сведений: истец должен доказать, что сведения содержат утверждения о нарушении закона, неэтичном поведении и так далее.

3) Несоответствие сведений действительности: ответчик должен доказать, что распространенные сведения соответствуют действительности. [10]

4) Судебная экспертиза: С целью установления факта создания контента с помощью искусственного интеллекта, а не человеком необходимо провести ряд специализированных экспертиз, которые проводятся государственными и негосударственными экспертными учреждениями. К таким экспертизам относится компьютерно-техническая экспертиза, в рамках которой определяют нейросеть ли сгенерировала представленный материал, какие визуальные и технические признаки указывают на использование нейросетей, а также имеются ли признаки замены лица или синтеза речи.

5) Специализированные программные детекторы: они могут быть использованы в качестве письменного доказательства или же для обоснования ходатайства о назначении экспертизы. Данные детекторы предназначены для анализа вероятности генерации контента искусственным интеллектом. Высокий процент вероятности генерации является весомым аргументом для суда.

Бывают случаи, когда оппонент в ходе судебного разбирательства представляет в качестве доказательства материал, сгенерированный нейросетью, содержащий ложные сведения и наносящий вред репутации. В этом случае наиболее эффективным способом защиты является подача заявления о фальсификации доказательств в порядке, предусмотренным статьями 161 Арбитражно-процессуального кодекса РФ и

186 Гражданско-процессуального кодекса РФ. Как отмечается в научной литературе, генерация доказательств с помощью искусственного интеллекта является формой сознательного искажения представляемых доказательств и может быть квалифицирована как их фальсификация.

Ряд ученых выступает за внедрение страховых механизмов с целью предотвращения развития технологий из-за страха нести ответственность за вред, причиненный репутации людей из-за искусственного интеллекта. Его возмещение могло бы осуществляться из средств специально созданной для этих целей обязательной системы страхования гражданской ответственности. При этом, для субъектов, занимающихся разработкой и эксплуатацией искусственного интеллекта предлагается предусмотреть “защиту обоснованного риска”, которая подразумевает, что при условии соблюдения лицом необходимых правил профессиональной деятельности и принятия всех зависящих от него мер для предотвращения вреда, оно не должно нести ответственность за покрываемый страховым полисом ущерб. [2, С. 117]

Не менее важным аспектом, требующим законодательного регулирования является возможность отзыва согласия на использование изображения или голоса. Согласно пункту 49 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 года № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” согласие на использование изображения или голоса можно отозвать. [11] Это ставит разработчиков сервисов искусственного интеллекта перед серьезными вызовами, так как требование гражданина об удалении своих данных влечет за собой не только необходимость их очистки, но и дорогостоящее переобучение уже обученной модели. На данном этапе судебная система находится в поиске оптимального баланса интересов. В пример можно привести Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 16.02.2023 по делу № 33-4169/2023. Суть этого дела заключается в том, что сотрудница, занимавшая должность инженера по тестированию изначально разрешила использовать свои изображения для внутренних нужд компании, включая создание макета инструкции для рентгенографа. На основе этих изображений был разработан 3D аватар, который, предположительно, интегрировали в графический интерфейс рентгенографа. После увольнения, бывшая сотрудница попыталась отозвать свое согласие, оспаривая размещение инструкции с ее изображением на сайте компании, а также в программном обеспечении рентгенографа. Помимо этого, она требовала запрет на использование аватара. В результате, Апелляционный суд удовлетворил требование о запрете публикации инструкции с ее снимками на сайте, но отказал в отношении использования изображений в программном обеспечении рентгенографа, мотивируя это тем, что

полный запрет нарушит баланс интересов и принцип добросовестности. [1] Это дело, хотя и не было связано с искусственным интеллектом, но может быть применено к ситуации с генеративными нейросетями, где отзыв согласия может повлечь серьезные последствия для разработчиков. Однако, использование принципа добросовестности в качестве обоснования решения, является скорее временной мерой, подчеркивающей отсутствие полноценного законодательного регулирования подобных вопросов, являющихся особенно актуальными в контексте генеративных нейросетей.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что прогресс в области искусственного интеллекта, особенно в создании дипфейков, создаёт серьёзные вызовы для действующей системы защиты чести, достоинства и деловой репутации. Несмотря на наличие основных норм в российском законодательстве, позволяющих привлекать к ответственности за распространение ложных сведений и причинение вреда репутации нейросетью, возникают новые сложности. Традиционная российская модель деликтной ответственности оказывается недостаточной для эффективного регулирования деятельности генеративного искусственного интеллекта и содержит пробелы, которые необходимо устранить в ближайшее время. Для этого следует:

1) Внести изменения в ГК РФ, а именно:

- Закрепить четкое определение понятий “Дипфейк”, “Нейросеть”, “Генеративный искусственный интеллект”,
- Принять закон о введении ст 152.3 ГК РФ, позволяющей защищать голос гражданина;
- Дополнить ст 1079 ГК РФ пунктом, который бы позволил приравнять технологии искусственного интеллекта к источнику повышенной опасности, если его функционирование может причинить вред личности или имуществу граждан из-за непредсказуемости работы его алгоритмов;
- Ввести отдельную статью, которая установила бы солидарную ответственность разработчика и владельца платформы в случаях, когда невозможно определить конкретного пользователя, а также закрепила бы презумпцию вины владельца платформы или разработчика за ущерб, который был причинен сгенерированным автономно контентом.
- Дополнить ГК РФ статьей, позволяющей осуществлять страхование ответственности, чтобы одновременно стимулировать инновации и защитить разработчиков от существенных рисков. Страховые выплаты должны покрывать ущерб, который был нанесен чести, достоинству и деловой репутации гражданина.

2) Уточнить порядок отзыва согласия на использование биометрических персональных данных: В ФЗ “ О персональных данных” необходимо внести норму, которая бы определяла последствия отзыва согласия на использование персональных данных, которые уже были применены для обучения нейросети. Предлагается закрепить необязательность удаления данных из уже обученной модели при технической невозможности это сделать или несоразмерных затратах, при условии прекращения дальнейшего использования этих данных разработчиком для обучения новых моделей.

3) Закрепить правила распределения бремени доказывания (на уровне разъяснений Верховного Суда РФ): в делах, связанных с распространением дипфейков, созданных нейросетью, владелец информационного ресурса должен будет доказать отсутствие своей вины и принятие им всех необходимых мер модерации.

Реализация всех вышеперечисленных предложений позволит создать комплексную правовую базу, которая обеспечит полную и всестороннюю защиту граждан от вреда, причиненного их репутации нейросетью.

References

1. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 16.02.2023 по делу № 33-4169/2023. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSZ&n=317696&ysclid=mnqf37qod098274883> (дата обращения: 07.03.2026)

2. Апостолова Н.Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. №1. С. 112-119 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-vred-prichinenny-iskusstvennym-intellektom> (дата обращения: 05.03.2026)

3. Архиев Н.В. Правовое регулирование создания и использования дипфейков // Правовое государство: теория и практика. 2025. №2 (80). С. 22-30 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-sozdaniya-i-ispolzovaniya-dipfeykov> (дата обращения: 18.02.2026)

4. Воронин И.А, Гавра Д.П. Дипфейки: современное понимание, подходы к определению, характеристики, проблемы и перспективы// Российская школа связей с общественностью. 2024. №33. С. 28-47 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyki-sovremennoe-ponimanie-podhody-k-opredeleniyu-harakteristiki-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 16.02.2026)

5. Глинкова К.М. Нарушение авторских прав посредством создания дипфейков в сети Интернет // ИС. Авторское право и смежные права. 2023. N 6. С. 51-61.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. (дата обращения: 21.02.2026)

7. Жарова А. К. Технология дипфейк: вопросы охраны неприкосновенности частной жизни лица и защиты персональных данных// Информационное общество 2024 №5. С. 114-122. URL: <http://infosoc.lis.ru/article/view/1129> (дата обращения: 23.02.2026)

8. Ижаев О. А., Кутейников Д. Л. Системы искусственного интеллекта и внедоговорная гражданско-правовая ответственность: риск-ориентированный подход// Lex russica. 2024. Т. 77. № 6. С. 23-34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemy-iskusstvennogo-intellekta-i-vnedogovornaya-grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost-risk-orientirovannyu-podhod/viewer> (дата обращения: 01.03.2026)

9. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики №2 (2019), С. 79-102 URL: <https://law-journal.hse.ru/issue/view/1358/1198> (дата обращения: 01.03.2026)

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения: 03.03.2026)

11. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 года № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 07.03.2026)

12. Проект Федерального закона от 16.09.2024 N 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8?ysclid=m8scojykw149383740> (дата обращения: 20.02.2026)

13. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30.11.2023 по делу N А40-200471/23-27-1448 /1 Картотека электронных дел: [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4d7f0305-69af-44fe-8841-a59e84aa7deb> (дата обращения: 16.02.2026)

14. Самойлов И.Н., Камышанский Д.Ю. Потенциальные и реальные угрозы технологии deepfake (дипфейк) // ИС. Авторское право и смежные права. 2024. N 4. С. 17-22.

15. Уголовный кодекс Российской Федерации 13 июня 1996 года N 63-ФЗ//Собрание законодательства Российской Федерации.-17.06.1996.-№ (дата обращения:22.02.2026)

16. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (последняя редакция) "О персональных данных"//Собрание законодательства Российской Федерации.-2006 г.-№31(часть 1). (дата обращения: 20.02.2026)

17. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»//Собрание законодательства Российской Федерации.-2006 г.-№31 (1 часть). (дата обращения: 25.02.2026)

18. Шляпугина А.И., Юрков С.А Уголовно-правовая оценка использования дипфейков (deepfakes) для совершения клеветы и распространения порочащих сведений // Вестник науки Т. 3 №5 (86) С. 732-737 URL: <https://www.вестник-науки.рф/article/23074?ysclid=mnrstd1dmn295593029> (дата обращения: 22.02.2026)

UDC 34

Taranets V.D. Mikhail Mikhailovich Speransky as an outstanding layer

Taranets Victoria

The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»
Scientific supervisor:

Privalova N.I.,

Associate Professor, Ph.D., Department of Humanitarian and Socio-economic Disciplines The North Western branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institutional of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

***Abstract.** The article is devoted to the life and work of Speransky as the founder of Russian legal science. This article examines such key points as: early years, projects of political reforms, service and retirement, legal principles of Mikhail Speransky. And in the conclusion, it is written exactly how he was awarded the title of count.*

***Keywords:** M.M. Speransky, Russian legal science, reforms of Alexander I, codification of laws, Code of Laws of the Russian Empire, decree on free farmers, disgrace, exile, legal principles, Nicholas I.*

Рецензент: Рехтина Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

1. Introduction.

Count Mikhail Mikhailovich Speransky (1772-1839) went down in history as a great Russian reformer, the founder of Russian legal science and theoretical jurisprudence [1]. His practical activity was largely connected with the reform of the state and legal system of the Russian Empire [2]. Speransky's concept formed the basis of the famous decree of Alexander I "On free (free) farmers" (1803), according to which landlords received the right to release serfs to "freedom", endowing them with land.

Mikhail Mikhailovich made an invaluable contribution to the development of political and legal science in Russia. The Complete Collection of Laws and the Code of Laws of the Russian Empire crowned his life, marked by both honors and persecution [3]. The impressive intellectual legacy of Speransky, his tireless and conscientious work in the public sphere do not only enter the boundaries of the century before last.

2. Materials and methods.

Mikhail Mikhailovich Speransky, the founder of Russian legal science and the legal education system, an outstanding lawmaker and theologian, was the son of a priest. He was born on January 1, 1772 in Cherkutino village, Vladimir province (now Vladimir region). Mikhail, the eldest child in the family, was in poor health and learned to read early. He regularly went to church with his blind grandfather Vasily, reading "The Apostle" and "The Book of Hours"

instead of the sexton. The boy turned 6 years old when he entered the estate of the Catherine nobleman N.I. Saltykov, in whose church his father served, was visited by the owner of the estate with his friend. This comrade was Archpriest Andrei Samborsky, who a few years later became the confessor of Grand Duke Alexander, later Emperor Alexander I the Blessed.

The smart and kind Mikhail was very liked by the visiting priest, who jokingly invited him to the court in St. Petersburg. When the boy turned 8 years old, he was sent to study at the Vladimir Diocesan Seminary. In 1787, Mikhail became a "student of philosophy" and joined the rector of the seminary as a cell attendant (junior secretary). As the best seminarian, he was sent to the capital's Alexander Nevsky Seminary, a higher educational institution of the Russian Orthodox Church, for further spiritual education.

Speransky's career was largely determined by his proximity to Prince A.B. Kurakin. As soon as the prince was appointed Prosecutor General of the Senate, he persuaded Speransky to join the service there and quickly promoted him to the rank of collegiate adviser and freight forwarder. Despite the suspicion of Paul I and the rapid succession of governors-general - Kurakin, then P.V. Lopukhin, A.A. Bekleshov, and finally, in 1801, P.H. Obolyaninov - Speransky maintained his position due to his high professionalism. At the same time, Mikhail Mikhailovich was the secretary of the Commission for the Supply of food to the capital, which was headed by heir to the throne Alexander Pavlovich. It was here that the future emperor met M.M. Speransky.

On March 12, 1801, Alexander I ascended the throne, and on March 19, Speransky was appointed state secretary to the emperor. At this stage of his political career, Speransky is the author and editor of many decrees and orders that were the basis for the reform course of Emperor Alexander. These include the restoration of Letters of Commendation to the nobility and Letters of Commendation to cities; the abolition of corporal punishment of priests and deacons; the liquidation of the secret expedition; the permission to import books and music from abroad; the restoration of the right to open private printing houses; numerous pardons.

Speransky became the author of a project to transform the system of public authorities, taking up the post of head of the expedition of civil and spiritual affairs in 1802, in the newly formed State Council. Soon, at the request of Interior Minister V.P. Kochubey, Speransky was appointed head of the Ministry's chancellery. From 1802 to 1807 Kochubey holds the post of minister, and in cooperation with Speransky, a number of liberal innovations are being implemented, including a decree on free farmers, permission for free salt fishing, and the transformation of medical and postal affairs. Speransky's activities in the Ministry were noticed by Emperor Alexander I, who reappointed him state secretary. In 1808, Speransky accompanied Alexander to Erfurt to meet with Napoleon and in the same year presented his draft of a general political reform to the emperor for consideration.

The reforms of Speransky at the beginning of the 19th century affected all strata of Russian society and caused discontent among the nobility and bureaucracy. The former was outraged by taxes on estates, the latter by the struggle against bureaucracy, embezzlement and progressive organization of office work. People dissatisfied with the liberalism of the tsar himself and Speransky rallied around Alexander's sister Ekaterina Pavlovna. They reminded the emperor of Mikhail Mikhailovich's excessive self-confidence in state affairs and the reproaches he had expressed to Alexander I for his inconsistency in reforms. All this irritated the emperor, and in March 1812 he dismissed Speransky. He was sent to Nizhny Novgorod, from where the great reformer was able to return to the capital only after 9 years.

The statesman, Speransky, was poorly versed in court intrigues and relations within the court. On his initiative, an examination for officials was introduced, and court service was abolished, and all court titles became honorary titles and nothing more. All this caused irritation and hatred of the court. On the day of his 40th birthday, Speransky was awarded the Order of Alexander Nevsky. However, the presentation ceremony was unusually strict, and it became clear that the reformer's "star" was beginning to fade. Speransky's detractors (among whom were Swedish Baron Gustav Armfeld, chairman of the Committee on Finnish Affairs, and A.D. Balashov, head of the Ministry of Police) they became even more active. They passed on to Alexander all the gossip and rumors about the Secretary of State. At the same time, the self-confidence of Speransky himself, his careless reproaches against Alexander I for inconsistency in state affairs, eventually overwhelmed the cup of patience and irritated the emperor. Contemporaries will call this resignation "the fall of Speransky." In reality, it was not a simple fall of a high dignitary, but the fall of a reformer with all the consequences that follow from this. In 1812, Speransky was accused of treason, arrested, dismissed from all posts and exiled to Perm, from where he was soon transferred to police supervision in his small estate Velikopolye, Novgorod province. At first, he had to pawn the royal gifts and the orders granted to him in order to provide himself with at least some decent living.

M.M. Speransky's disgrace ended in 1816 and he was appointed governor of Penza, where he lived for about three years and took energetic measures to restore order. In 1819 Speransky became the Siberian governor-general with extraordinary powers to conduct an audit. In 1821, he returned to St. Petersburg with the results of the audit and with a draft of a new Code for Siberia. His plans were approved, he himself was generously rewarded and appointed a member of the State Council and head of the Commission on Civil Code.

In November 1825, Emperor Alexander I died. Speransky personally drafted a manifesto on the accession to the throne of Nicholas I. The new emperor entrusted him with the codification of the laws of the state, for which he created a special Second Department. The result of the work of this department and M.M. Speransky personally was the "Code of Laws

of the Russian Empire" in 15 volumes, published in 1832. This publication marked the beginning of Russian jurisprudence, when disparate, confusing and contradictory laws were replaced by a well-thought-out and clear, legally impeccable regulatory system. Speransky's works significantly enhanced the legal culture of the entire state and played an important role in establishing the rule of law over government. One of the most famous legal principles formulated by Speransky are:

- No one can be punished without trial.
- No one is obliged to pay taxes and duties, except according to the law.
- Anyone can dispose of their property within the framework of the law as they wish.

In 1839, M.M. Speransky was awarded the title of Count for his work for the benefit of Russia. The emperor's trust in Speransky increased so much that in October 1835 he appointed Mikhail Mikhailovich as a teacher of law and political sciences for the heir to the throne, the young Alexander. The outstanding Russian lawyer died of a cold on February 11, 1839 at the age of 67. He was buried at the Tikhvin cemetery of the Alexander Nevsky Lavra in St. Petersburg. Five monuments are dedicated to M.M. Speransky in Russia: in Belgorod, Perm, Irkutsk, Moscow and Kemerovo. In memory of the 100th anniversary of his birth in 1872, copper table medals were minted by the engraver A. Semenov.

3. Results and discussions.

During the study:

1. The formation and career path of M.M. Speransky have been considered.
2. Reform activities and transformation projects have been analyzed.
3. The codification of laws and the legal legacy have been mentioned.

4. Conclusion.

There was a lot in the life of this brilliant man: he was born, lived in poverty in a Vladimir village, knew the splendor of the imperial court, and was exiled to Perm for daring reformist plans.

But despite all the vicissitudes of fate, he was faithful to the idea of building a rule-of-law state, demanded the introduction of the principle of legality into social and political life, and believed in the possibility of a fair and unbiased trial.

It should be noted that M. M. Speransky's project is imbued with an understanding of the need to preserve autocratic power, but what is noteworthy is based on the principles of "reasonableness in accordance with the will of the people, the principles of "gradualism."

Undoubtedly, the role of M. M. Speransky in changing the vector of development of the history of Russian law in the 19th century was grandiose, he was the most talented politician, thinker, legislator, and his innovative ideas are relevant and in demand in modern parliamentary Russia.

Mikhail Mikhailovich Speransky's legacy in the field of jurisprudence is a great asset of Russia, which must be carefully studied and implemented. Mikhail Mikhailovich is rightfully a star of Russian jurisprudence.

References

1. "Mikhail Speransky. A short biography on Wikipedia and more. The path from the cellarer to Count Speransky" // monetnik.ru. – 2025. – February 13. – URL: <https://www.monetnik.ru/obuchenie/istoriya-rossii/imperator-nikolaj-1-istoriya/> / (date of request: 14.05.26).
2. "The history of the Russian Federation. The main historical portal of the country. Michal Speransky" // history.ru. – 2013. – August 29. – URL: <https://history.ru/read/biographies/spieranskii-mikhail-mikhailovich> / (date of request: 14.05.26).
3. Naumova, N. V. Mikhail Mikhailovich Speransky — the star of Russian jurisprudence / N. V. Naumova, T. A. Kirillova. — Text : direct // Actual problems of law : proceedings of the VI International Scientific Conference (Moscow, December 2017). — Moscow : Buki-Vedi, 2017. — pp. 9-12. — URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/282/13454> . (date of request: 14.05.26).
4. Kassikhina V. E. M. M. Speransky, his role in the development and formation of the Russian state and law // State and Law in the 21st century. 2017. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-m-speranskiy-ego-rol-v-razvitii-i-stanovlenii-rossiyskogo-gosudarstva-i-prava> (date of request: 05/15/2026).
5. Bashmakova, N.I., Ryzhova, N.I., Kuznetsova, O.A. (2025). Historical Retrospective of Mediation as an Integrative Concept: Paradigms of Study and Interdisciplinarity. Administrative Consulting, (1-1), 65-80.
6. Privalov, N. I. (2012). The Third Way of Russia: A New Hope in the XXI Century. Ekaterinburg: Ural Publishing, 434 p.
7. Bashmakova, N.I. (2015). Mediation as a phenomenon and an actual component of the professional activity of a modern specialist in the context of the globalization of society. The world of science, culture, and education. No. 1 (50). pp. 76-79.

CONCLUSION

Issue 5 (1.1) of the International Journal of Professional Science clearly demonstrates that modern challenges require an interdisciplinary approach and a symbiosis of classical doctrines with innovative digital solutions. The research presented in this issue confirms that effective management today is impossible without considering the psychophysiological state of employees and the digital transformation of institutions, and the legal system must promptly respond to technological risks, such as neural network defamation and cybersecurity threats.

The issue's authors have made a significant contribution to the development of sustainable development strategies for organizations and strengthening the legal foundations of civil society. The issues raised in this issue, including human rights protection, the presumption of innocence, and labor relations reform in local governments, provide important directions for further academic discussion.

The editors express their gratitude to the authors for their high-quality and relevant research and hope that the published materials will provide a reliable foundation for the implementation of new management practices and the improvement of the regulatory framework. We invite colleagues to discuss the topics presented and to collaborate further within the pages of our journal.

With best wishes and warm regards,
Editor-in-Chief
International Journal of Professional Science
Krasnova N.A.

Electronic scientific editions

International journal of Professional Science

international scientific journal
№5(1.1)/2026

Please address for questions and comments for publication as well as suggestions
for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru



Format 60x84/16. Conventional printed
sheets 10,1
Circulation 100 copies
Scientific public organization
“Professional science”